

ISSN 2224-1620

16+



СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК



№ 1(45)

2022



СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK

№ 1(45)
2022

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-44563 от 15.04.2011) ISSN 2224-1620

Распространяется на территории Российской Федерации. Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 83668

Цена свободная

Основан в 2010 году. Выходит 2 раза в год

Очередной номер журнала можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И., Пенькова Н. В.

Оригинал-макет подготовлен и тираж отпечатан в Издательском центре Ульяновского государственного университета Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Адрес издательства

Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Адрес типографии

Россия, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 14.06.2022.
Дата выхода в свет 17.06.2022.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 21,6.
Тираж 2000 экз. Заказ 28

**Главный редактор**

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет — главный редактор

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — зам. главного редактора

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет — ответственный секретарь

Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Беспалова Марина Павловна — кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны)

Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ульяновский государственный университет

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор, Ульяновский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Список редколлегии по специальности 13.00.00**

Щелина Тамара Тимофеевна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Масалимова Альфия Рафисовна (13.00.08) — доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Институт психологии образования Казанского федерального университета

Донина Ольга Ивановна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Булынин Александр Михайлович (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики профессионального образования и социальной деятельности, Ульяновский государственный университет

Митина Ирина Дмитриевна (13.00.01) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет

Бережная Мария Сергеевна (13.00.02) — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Список редколлегии по специальности 12.00.00

Морозов Сергей Юрьевич (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Ульяновский государственный университет; заслуженный юрист Ульяновской области; почетный профессор Чженчжоуского университета (КНР)

Волков Александр Викторович (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Ульяновский государственный университет

Тужилова-Орданская Елена Марковна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет

Лескова Юлия Геннадьевна (12.00.03) — доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Зайцев Олег Александрович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; заслуженный деятель науки РФ

Гриненко Александр Викторович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Григорьев Виктор Николаевич (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Абшилава Георгий Валерьянович (12.00.09) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Ульяновский государственный университет

Список редколлегии по специальности 19.00.00

Акопов Гарник Владимирович (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; председатель Самарского регионального отделения Российского психологического общества; член Международной академии психологических наук; член Академии социальных и педагогических наук

Белинская Елена Павловна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; член Европейской ассоциации социальной психологии (EASP)

Леонов Николай Ильич (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Овсяник Ольга Александровна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет

Рюмшина Любовь Ивановна (19.00.05) — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Арпентьева Марьям Равильевна (19.00.05) — доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (МАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Вержибок Галина Владиславовна (19.00.07) — кандидат психологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы.
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
- Рукописи авторам не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

© Ульяновский государственный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	9
Ткачев В. В. ИЗ ИСТОРИИ ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЫ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	9
Точеный М. Д. СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ КАК СИМВОЛ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ШИРМА ДЛЯ БЕЗЗАКОНИЯ..	15
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	22
Бабиева Н. С. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ АЛАЛИИ	22
Бойкова К. И. КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ»	30
Денисенко Е. С. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ.....	40
Добрецов А. В. FASHION МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	43
Емельяненко А. В., Кириллова А. О. МОТИВЫ ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ СПОРТСМЕНОВ ГРУППОВЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА	49
Каленик Е. Н. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ С ОВЗ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА).....	55
Крашенинникова Н. А., Крашенинникова Е. И. ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ: СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	60
Митин С. Н., Митина Т. С. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	66
Селиванова А. С. РАСШИРЕННАЯ ДИАГНОСТИКА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ НАРУШЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С РАС	73
Шумская А. Е. ФОРМИРОВАНИЕ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ И ОРАЛЬНОГО ПРАКСИСА У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В НОРМЕ И С ПАТОЛОГИЕЙ	77

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

85

Окутина Н. Н.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКА)..... 85

Окутина Н. Н., Амосова О. С.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 91

Ходжаян Е. Г.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ
ГОСУДАРСТВЕННУЮ КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА 96

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

107

Гальчин А. В., Пустынникова Е. В.

УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В ЗДРАВООХРАНЕНИИ 107

Костишко И. Б., Пустынникова Е. В.

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ 115

Кюрегян А. А., Чертушкина Т. А.

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭКОНОМИКУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 121

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

125

Ефремова Д. Н., Митина И. Д.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МУЗЕЕВ 125

Ишкиняева Л. К., Миронова Н. В.

РАЗГОВОРЫ О КРАСОТЕ ЕСТЕСТВА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА» 130

Краева А. Г.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КОГНИТИВНЫХ ИДЕЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОСТИЖЕНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОНАУКИ: ПОДВОДЯ НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ... 135

Пондякова Е. А., Мартыненко А. В.

АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ
НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА А. ГЕРМАНА «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ» 142

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

148

Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ ПО РАБОЧИМ ПРОФЕССИЯМ:
ГОД С COVID-19 148

Егорова Э. В., Бурмистрова И. А., Ускова С. В.

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ОБЩЕСТВО 156

ФИЛОЛОГИЯ

161

Платонова Е. В., Гусаров В. М., Червов Е. Д.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 161

ИНФОРМАЦИЯ	167
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	167
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. «АНТИСЕМИТСКИЕ СТРАСТИ-МОРДАСТИ». РЕЦЕНЗИЯ на книгу И. Е. Дронова «СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ. ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III» (М.: Духовное преображение, 2018. 736 с.)	167
Знаменательные даты, юбилеи	180
Петрова Г. И. С ЮБИЛЕЕМ, ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ!	180
Наши авторы	182
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	186

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY	9
Tkachev V. V. FROM THE HISTORY OF THE EXHIBITION WORK OF THE EASTERN SIBERIAN DEPARTMENT OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES	9
Tocheniy M. D. STALIN'S CONSTITUTION AS A SYMBOL OF THE RULE OF LAW AND A SHAM FOR LAWLESSNESS.....	15
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS	22
Babieva N. S. MODERN APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF ALALIA.....	22
Boykova K. I. CONTENT ANALYSIS OF THE STATE PROGRAM OF THE RUSSIAN FEDERATION "EDUCATION DEVELOPMENT"	30
Denisenko E. S. PSYCHOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF DEVELOPMENT SPELLING SKILLS IN CHILDREN	40
Dobretsov A. V. FASHION OF MUSIC EDUCATION IN MODERN SOCIETY.....	43
Emelyanenkova A. V., Kirillova A. O. MOTIVES FOR SPORTS IN CONNECTION WITH THE LOCUS OF CONTROL OF ATHLETES IN TEAM AND INDIVIDUAL SPORTS.....	49
Kalenik E. N. SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES TO STUDY AT A UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF ULYANOVSK STATE UNIVERSITY).....	55
Krasheninnikova N. A., Krasheninnikova E. I. ONLINE LEARNING: A WAY TO SOLVE THE PROBLEM DURING COVID-19	60
Mitin S. N., Mitina T. S. SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF STUDENTS IN THE FRAMEWORK OF MODERN SOCIO-HUMANITARIAN RESEARCH	66
Selivanova A. S. ADVANCED DIAGNOSTICS IN DETECTING SPEECH COMPONENT DISORDERS IN CHILDREN WITH ASD	73
Shumskaya A. E. DEVELOPMENT OF FINE MOTOR SKILLS AND ORAL PRAXIS IN PRE-SCHOOL CHILDREN IN HEALTH AND IN DISEASE.....	77

JURISPRUDENCE

85

Okutina N. N.

PROFESSIONAL AND OFFICIAL ACTIVITIES OF MUNICIPAL EMPLOYEES:
STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF ULYANOVSK) 85

Okutina N. N., Amosova O. S.

ON THE DEVELOPMENT OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT 91

Khodzhayan E. G.

CONTENT ANALYSIS OF NORMATIVE LEGAL ACTS DETERMINING THE STATE CULTURAL POLICY
OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT 96

ECONOMICS AND MANAGEMENT

107

Galchin A. V., Pustynnikova E. V.

CONDITIONS AND PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP
IN HEALTHCARE..... 107

Kostishko I. B., Pustynnikova E. V.

ROLE OF INNOVATION IN THE MODERN MEDICINE 115

Kyuregyan A. A., Chertushkina T. A.

DIFFERENT VIEWS ON THE ECONOMICS OF GLOBALIZATION..... 121

PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

125

Efremova D. N., Mitina I. D.

MODERN SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION OF MUSEUMS 125

Ishkinyayeva L. K., Mironova N. V.

TALKING OF NATURAL BEAUTY ON PAGES OF THE MAGAZINE "CHILDHOOD READING
FOR THE HEART AND MIND"..... 130

Kraeva A. G.

ON THE GENESIS OF COGNITIVE IDEAS IN LIGHT OF MODERN NEUROSCIENCE ACHIEVEMENTS:
DRAWING CONCLUSIONS..... 135

Pondyakova K. A., Martynenko A. V.

AUTHOR'S INTERPRETATION OF A LITERARY WORK IN CINEMATOGRAPHY BASED
ON THE MATERIAL OF THE FILM BY A. HERMAN "IT'S HARD TO BE GOD" 142

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

148

Andreeva Yu. V., Lukyanova E. L.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL EMPLOYMENT FOR BLUE-COLLAR OCCUPATIONS:
A YEAR SINCE COVID-19 148

Egorova E. V., Burmistrova I. A., Uskova S. V.

IMPACT OF CORONAVIRUS ON SOCIETY..... 156

PHILOLOGY

161

Platonova E. V., Gusarov V. M., Chervov E. D.

GRAPHIC DESIGN TERMINOLOGY BORROWED FROM ENGLISH 161

INFORMATION	167
Summaries of scientific articles, reviews, responses	167
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. ANTI-SEMITIC PASSIONS. REVIEW ON THE BOOK OF I. E. DRONOV "STRONG, SOVEREIGN. LIFE AND REIGN OF EMPEROR ALEXANDER III" (Moscow, 2018. 736 p.)	167
Memorable dates, jubilees	180
Petrova G. I. HAPPY ANNIVERSARY, DMITRIY STEPANOVICH!	180
Our authors	182
Rules of representation and registration of mounting of articles by authors for publication in the "SIBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK"	186

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

**В. В. Ткачев**

Иркутский
государственный
университет
(г. Иркутск, Россия)
vitaliy.tkachev.96@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЫ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.***

В статье по материалам Государственного архива Иркутской области представлена история выставочной работы Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, приобщения жителей Байкальской Сибири к искусству, организации художественных мероприятий во второй половине XIX — начале XX вв. В 2021 году исполнилось 170 лет со дня основания организации. В настоящее время существует достаточно много работ по истории данного общественного объединения, которые дают оценку результатов научных исследований, но вопросы, касающиеся выставочной деятельности, в сибирской историографии остаются не раскрыты в полной степени. Всё это даёт возможность переосмыслить процесс изучения общих результатов работы организации с современных исторических позиций. В исследовании подчёркивается, что в деятельности отделения принимали участие представители всех слоёв населения: чиновники, учителя, художники, купечество, священнослужители, мещане, грамотные крестьяне, инородцы и политические ссыльные. В работе анализируются источники периодической печати, учредительные и сопроводительные документы, сметы, планы, отчёты, афиши, объявления, каталоги и т. д. Отмечено, что научная организация проводила художественные выставки, экскурсии и лекции, которые знакомили общественность с работами сибирских и иностранных мастеров. Привлечение широкого круга источников даёт возможность проследить деятельность общественной организации с разных сторон.

Ключевые слова: история Сибири, Байкальская Сибирь, городская культура, художественная жизнь, ВСОИРГО.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX вв.: история и особенности развития».

В последнее время исследователи обращают своё внимание на вопросы, связанные с историческим наследием научных, творческих и других общественных организаций Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Данные объединения являлись центрами сосредоточения интеллектуального, культурного развития городского общества.

Большое значение в формировании художественного пространства Байкальской Сибири, организации художественных мероприятий имела деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее — ВСОИРГО). Сибирский отдел Русского географического общества был открыт в Иркутске в ноябре 1851 года, и в прошлом го-

ду исполнилось 170 лет со дня принятия решения о его основании, что требует переосмысления результатов его работы с современных позиций. В деятельности отделения принимали участие представители всех слоёв населения: чиновники, учителя, художники, купечество, священнослужители, мещане, грамотные крестьяне, инородцы и политические ссыльные. В 1854 году был создан музей при ВСОИРГО, где демонстрировались предметы искусства [18, с. 104—105]. Научное объединение проводило выставки, просветительские лекции, экспедиции по изучению региона с участием известных сибирских и иностранных художников. Организация создавала благоприятные условия для развития творческого пространства.

Историю организации художественных мероприятий ВСОИРГО стоит рассматривать отдельно, так как данное объединение одно из первых открывало доступные площадки, где городское общество знакомилось с художественными полотнами сибирских и западных мастеров. В соответствии с этим цель статьи заключается в рассмотрении истории организации художественных мероприятий ВСОИРГО во второй половине XIX — начале XX вв. Задачи определены следующие: на основе документов Государственного архива Иркутской области провести анализ статей и заметок в городских газетах, афиш, объявлений о деятельности ВСОИРГО; выделить трудности и особенности в процессе организации художественных мероприятий.

В исследовании используются материалы фондов В. В. Фалинского (Ф. Р-3518) и ВСОИРГО (ГАИО. Ф. 293), входящих в состав Государственного архива Иркутской области. В фондах сохранились учредительные и сопроводительные документы научной организации, афиши, объявления, статьи, заметки по разным художественным мероприятиям, которые проводились в сибирских городах.

Историю развития художественного пространства Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX вв., научную и выставочную деятельность ВСОИРГО рассматривали многие историки в своих статьях и монографиях [19, с. 132]. Так, с информацией о проведении художественных выставок в музее ВСОИРГО, деятельности иностранных художников в Сибири можно познакомиться в научных трудах А. Д. Фатьянова, В. П. Шахерова, Б. С. Шостаковича, Ю. П. Лыхина и других исследователей [7, с. 29; 8, с. 38; 9, с. 41; 20, с. 100]. Особенно стоит выделить работы А. Д. Фатьянова, которые были посвящены анализу широкого круга источников: пи-

сем, переписки, официальных документов творческих организаций и т. д. В книгах «Судьба сокровищ» (1967 г.) и «Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии» (1995 г.) рассматривается подробная история появления картин иностранных художников в Иркутском областном художественном музее В. П. Сукачева, творчество Станислава Евгеньевича Вронского и Юзефа Беркмана и многих других. Также искусствовед рассматривал деятельность отдельных мастеров в ВСОИРГО [16, с. 22; 17, с. 10].

Историю ВСОИРГО изучал в своих статьях и монографиях Ю. П. Лыхин. Он собрал уникальный материал о жизни и творчестве сибирских и иностранных мастеров и организации художественных выставок в Иркутске в начале XX века [10, с. 73; 11, с. 8].

Таким образом, многие сибирские исследователи изучали историю ВСОИРГО во второй половине XIX — начале XX вв. Однако выставочная деятельность и участие известных сибирских и иностранных мастеров не были представлены в полной степени в статьях и монографиях. Фрагментарность рассмотрения событий можно объяснить тем, что по многим мероприятиям отсутствует необходимый объём источников, что усложняет исследования.

ВСОИРГО во второй половине XIX — начале XX вв. организовывало следующие художественные мероприятия: сельскохозяйственная выставка в Иркутске в 1868 году, антропологическая выставка в Москве в 1879 году, всемирная выставка в Париже в 1898 году, Нижегородская всероссийская выставка в 1896 году, выставка костюмов бурят в 1903 году, художественные выставки картин в 1909, 1910, 1912, 1913 гг. под руководством Р. С. Пророкова и т. д. [12, с. 35; 13, с. 57]. Также проводились мероприятия по результатам научных экспедиций, в которых принимали участие С. Е. Вронский, А. Душников, П. Н. Рязанцев и другие [14, с. 8]. Некоторые события стоит рассмотреть отдельно, так как сохранилось достаточно много исторических источников, которые показывают их с разных сторон.

Проводя анализ архивных документов, которые характеризуют мероприятия, можно определить следующие особенности в их организации: сложности в составлении планов и смет, разработка концепций по развитию актуальных научных тем, работа с информационными материалами и донесение до жителей необходимой информации [15, с. 5].

К организации выставок подходили, используя специальные методы и приёмы. Так,

при подготовке второй охотничьей выставки Общества сибирских охотников от 31 января 1910 года в залах музея ВСОИРГО был создан организационный комитет и разработаны план, концепция развития и программа. Согласно этому было прописано, что кроме специальных спортивных охотничьих экспонатов на выставке могли быть представлены всевозможные экспонаты торговли и промышленности, имеющие хотя бы отдалённое отношение к какому-либо виду спорта. От охотничьих и других спортивных обществ, от казённых оружейных заводов, от мастеров-кустарей и от частных лиц все экспонаты принимались на выставку бесплатно. В разные отделы были выделены птицеводство, рыболовство, охотничья литература, акклиматизация; организованы фотографический и художественный отделы. В последнем показывались фотографические аппараты и все принадлежности к ним, фотографические снимки, группы, охотничьи сцены, местности охот, изображения собак, лошадей, зверей; гравюры, картины и другие предметы искусства. Правление Общества сибирских охотников, согласно постановлению общего собрания от 27 июня 1906 года, устраивало в Иркутске в первых числах сентября 1910 года вторую охотничью выставку с указанными в программе отделами. Организация обратилась с официальным письмом в ВСОИРГО о том, что необходимо поддержать данный проект: «Имея намерение устройства в сентябре будущего 1910 года вторую фотографическую выставку в более обширном размере, с целью иллюстрировать природу, тип и быт населения всей Сибири и соседних с ней стран, имеем честь просить распорядительный комитет возбудить об этом перед администрацией соответствующее ходатайство, или со стороны комитета по устройству такой выставки не встретится препятствий».

Таким образом, по замечаниям экспертов, выставка прошла успешно, так как чётко была составлена программа, оформлены и дополнены новыми экспонатами залы музея.

Одной из особенностей является привлечение к участию в выставках известных иностранных мастеров. В фонде В. В. Фалинского Государственного архива Иркутской области сохранились записи о пребывании польских художников в Байкальской Сибири во второй половине XIX века. Известно то, что Станислав Евгеньевич Вронский и Юзеф Беркман открыли в 1870-е гг. в Иркутске художественную студию. Данное событие зафиксировал в своих записях старший редактор издательства «Художник

РСФСР» в Ленинграде Б. Сурис, когда велась переписка с А. Д. Фатьяновым: «Юзеф Беркман поселяется в 1870 году в Иркутске, где совместно с Станиславом Вронским основывает художественную мастерскую, пользовавшуюся большой популярностью у местных жителей. В 1877 году перебрался в Нижний Новгород» [1]. Станислав Евгеньевич Вронский (1840—1898) — известный польский художник, живописец, график. Принял активное участие в польском освободительном восстании 1863—1864 гг., был арестован и осуждён на каторжные работы в Сибири. Известно, что художник принял участие в «первой публичной» сельскохозяйственной и мануфактурно-ремесленной выставке в Иркутске в 1868 году, где представил живописное полотно «Вид Дарасунских минеральных вод». Также участвовал в научных экспедициях ВСОИРГО, где запечатлел многие населённые пункты Байкальской Сибири. Сохранились работы Станислава Евгеньевича: «Река Иркут» (1888), «Переправа через Утулик» (1890), «Дорога по реке Ингоде» (1882) и т. д. [2].

Известны несколько картин Юзефа Беркмана, которые раскрывают историю сибирского региона второй половины XIX — начала XX вв. Юзеф Беркман (1838—1919) — польский художник, живописец. С 1870 по 1877 год мастер находился на поселении в г. Иркутске. Можно назвать его такие живописные полотна, как «По Московскому тракту» (1877), «Тройка» (1877), «Всадник с двумя лошадьми» (1877), «Въезд в Иркутск великого князя Алексея Александровича», «Выезд его величества из Иркутска», «Четвёрка» (1914), «Почта ссыльных поляков на Ангаре» (1915), «Могила Серошевского».

В начале XX века польские мастера участвовали в художественных выставках, которые посещало большое количество людей. Интерес общественности к творчеству можно объяснить тем, что иностранные художники показывали через методы и приёмы свой уникальный взгляд на особенности Байкальского региона, создавали его образ в искусстве. Повседневный уклад жизни многих людей обретал значимость в рамках развития единой русской культуры, где возможно было выделить и сибирские особенности.

ВСОИРГО проводил художественные мероприятия с участием других известных западных и сибирских мастеров. Источники сообщают нам о том, что с первого дня Рождества в 1908—1909 гг. в залах музея ВСОИРГО проходила выставка картин художника В. Д. Вучичевича. Городскому обществу Байкальской Сибири было представлено 70 работ — «почти исключительно видов сибирской природы» [3]. Для горожан

выставка была актуальной и интересной. Она получила много положительных отзывов, за две недели её посетило более 1200 человек. 25 картин было куплено. Оставшиеся непроданными работы В. Д. Вучичевич намеревался выставить в Пасхальные дни в г. Красноярске [4].

Исторические источники сообщают нам о том, что возникали и трудности в организации отдельных мероприятий: не хватало помещений, денежных средств и т. д. Всё это влияло на принятие определённых решений. Так, сохранились записи об отказе и о разрешении в проведении мероприятий. В качестве примера можно привести заявление от члена отдела ВСОИРГО Рухима Самойловича Пророкова от 11 марта 1904 года: «Несколько художников-любителей обратились ко мне с просьбой возбудить ходатайство о разрешении им выставить в помещении музея на пасхальные недели масляные и акварельные картины для обозрения публики, считали, чтобы входная плата на выставку шла в пользу отдела, а необходимые расходы по устройству её (отдела) принять на свой счёт. Находя искание должны стороны желательного устройства этой выставки имею честь внести этот вопрос на рассмотрение Распорядительного комитета». Также прошение о разрешении на организацию художественной выставки отражено в письме ВСОИРГО от Владимира Дмитриевича Вучичевича-Сибирского: «Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества имеет честь почтительнее просить Ваше Высокопревосходительство разрешить устройство выставки картин художника Владимира Вучичевича-Сибирского в здании музея, от 25 декабря с. г. по 7 января 1915 г., сбор с посетителей которой, за исключением ста рублей, назначаемых на приспособление зала, печатание афиш и пр., назначено г-м Вучичеви-

чем, в равном долями, в пользу отдела и местного общества изучения Сибири» [5].

Отказ в проведении мероприятия отражен в ответе председателя правления на обращение Григория Николаевича Потанина под номером 231: «Глубокоуважаемый Григорий Николаевич! К величайшему сожалению, Распорядительный Комитет отдела не может уступить залы музея под выставку гр. Г. И. Гуркина или томских художников (Базанова, Рокачевского, Лукина и Ткаченко), потому что в течение пасхальной и долиной недели в зале музея устраивается выставка картин сибирских художников» [6].

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв. городское общество Байкальской Сибири посещало выставки, которые организовывал ВСОИРГО. Научное объединение создавало благоприятные условия для знакомства жителей с произведениями искусства. Появлялись открытые, общедоступные для всех площадки. В результате изучения деятельности ВСОИРГО можно определить особенности в организации художественных мероприятий: составление планов и смет, разработка концепций по развитию актуальных научных тем, работа с информационными материалами и донесение до жителей необходимой информации. Объединение приглашало к участию в событиях и иностранных художников. Польские мастера в Байкальской Сибири создавали живописные полотна, которые раскрывали историю региона во второй половине XIX — начале XX вв. Исследование показало, что выставки, где были представлены работы иностранных мастеров, собирали положительные отзывы. Число посещений на такие мероприятия увеличивалось, так как создавались благоприятные условия для развития художественного пространства и проведения выставок.

Литература

1. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). — Ф. Р-3518. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 3.
2. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 227. — Л. 5.
3. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 282. — Л. 20.
4. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 315. — Л. 8.
5. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 382. — Л. 2.
6. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 603. — Л. 4.
7. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX века / А. Н. Копылов. — Новосибирск, 1974. — 252 с.
8. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. — Москва : Изд-во «РОССПЭН», 2008. — 447 с.
9. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX — начала XXI века : научное издание / Т. Г. Ларева. — Иркутск : Принт Лайн, 2015. — 615 с.

10. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Ю. П. Лыхин. — Иркутск : Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 2002. — 336 с.
11. Лыхин Ю. П. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век — 1917 год) : библиографический словарь / Ю. П. Лыхин, Т. А. Крючков. — Иркутск : Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 2000. — 412 с.
12. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881—1901 гг. / Н. С. Романов. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. — 542 с.
13. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. / Н. С. Романов. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. — 274 с.
14. Токарев В. П. Художники Сибири XIX в. : учебное пособие / В. П. Токарев. — Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма, 1993. — 113 с.
15. Ткачев В. В. Из истории бытования предметов искусства в жизни иркутян во второй половине XIX — начале XX вв.: по материалам сибирских газет / В. В. Ткачев // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. — 2021. — № 1(17). — С. 5—14.
16. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ / А. Д. Фатьянов. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. — 168 с.
17. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии / А. Д. Фатьянов. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. — 192 с.
18. Шахеров В. П. Города Сибири в дореформенный период : учебное пособие / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. — 185 с.
19. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии / В. П. Шахеров // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX — начала XX веков : коллективная монография. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019. — С. 132—181.
20. Шостакович Б. С. К 140-летию Кругобайкальского восстания польских политссыльных: современные итоги и проблемы его изучения и увековечения / Б. С. Шостакович // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863—1864 гг. : материалы Международной научной конференции (Иркутск, 26—30 сентября 2007 г.). — Иркутск, 2008. — С. 100—119.

FROM THE HISTORY OF THE EXHIBITION WORK OF THE EASTERN SIBERIAN DEPARTMENT OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES*

V. V. Tkachev

Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

vitaliy.tkachev.96@mail.ru

The article based on the materials of the State Archives of the Irkutsk Region presents the history of the exhibition work of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, the introduction of the inhabitants of Baikal Siberia to art, the organization of art events in the second half of the 19th — early 20th centuries. 2021 marks the 170th anniversary of the foundation of the organization. Currently, there are many works on the history of this public association that assess the results of scientific research, but issues related to exhibition activities in Siberian historiography remain not fully disclosed. All this makes it possible to rethink the process of studying the general results of the organization's work from modern historical views. The study emphasizes that representatives of all segments of the population took part in the activities of the department: officials, teachers and artists, merchants, clergymen, bourgeoisie, literate peasants, foreigners and political exiles. The work analyzes the sources of periodicals, constituent and accompanying documents, estimates, plans, reports, posters, announcements, catalogs, etc. Involvement of a wide range of sources makes it possible to trace the activities of a public organization from different sides. It was noted that the scientific organization held art exhibitions, excursions and lectures that introduced the public to the works of Siberian and foreign masters.

Key words: history of Siberia, Baikal Siberia, urban culture, artistic life, VSOIRGO.

* Grant-supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 "Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries: history and features of development".

References

1. GAIО (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [SAIR (State Archives of the Irkutsk Region)]. F. R-3518. Op. 1. D. 1. L. 3 [In Russ.].
2. GAIО [SAIR]. F. 293. Op. 1. D. 227. L. 5 [In Russ.].
3. GAIО [SAIR]. F. 293. Op. 1. D. 282. L. 20 [In Russ.].
4. GAIО [SAIR]. F. 293. Op. 1. D. 315. L. 8 [In Russ.].
5. GAIО [SAIR]. F. 293. Op. 1. D. 382. L. 2 [In Russ.].
6. GAIО [SAIR]. F. 293. Op. 1. D. 603. L. 4 [In Russ.].
7. Kopylov A. N. (1974) Ocherki kulturnoy zhizni Sibiri XVII — nachala XIX veka [Essays on the cultural life of Siberia in the XVII — early XIX centuries]. Novosibirsk, 252 p.
8. Koshman L. V. (2008) Gorod i gorodskaya zhizn XIX stoletiya: sotsialnyye i kulturnyye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN, 447 p.
9. Lareva T. G. (2015) Istoriya izobrazitel'nogo iskusstva Pribaykalya XX nachala XXI veka: nauchnoye izdaniye [History of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century: scientific edition]. Irkutsk: Print Layn, 615 p.
10. Lykhin Yu. P. (2002) Khudozhestvennaya zhizn Irkutsk (pervaya chetvert XX veka) [Artistic life of Irkutsk (first quarter of the XX century)]. Irkutsk: Arkhitektur.-etnograf. muzey "Taltsy", 336 p.
11. Lykhin Yu. P., Kryuchkova T. A. (2000) Ikonopistsy, мастера i khudozhniki Irkutsk (XVII vek — 1917 god). Biobibliograficheskiy slovar [Icon painters, craftsmen and artists of Irkutsk (XVII century — 1917). Biobibliographic Dictionary]. Irkutsk: Arkhitektur.-etnograf. muzey "Taltsy", 412 p.
12. Romanov N. S. (1993) Letopis goroda Irkutsk za 1881—1901 [Chronicle of the city of Irkutsk for 1881—1901]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo, 542 p.
13. Romanov N. S. (1994) Letopis' goroda Irkutsk za 1902—1924 [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902—1924]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo, 274 p.
14. Tokarev V. P. (1993) Khudozhniki Sibiri XIX v.: Ucheb. posobiye [Artists of Siberia of the XIX century: Textbook allowance]. Novosibirsk: Nauka: Sib. izd. firma, 113 p.
15. Tkachev V. V. (2021) Iz istorii bytovaniya predmetov iskusstva v zhizni irkutyan vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.: po materialam sibirskikh gazet [From the history of art objects in the life of Irkutsk people in the second half of the XIX — early XX centuries: based on materials from Siberian newspapers]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kulturey: nauchnyy zhurnal po iskusstvovedeniyu, kulturologii, istoricheskim naukam, 1(17), p. 5—14.
16. Fatyanov A. D. (1967) Sudba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo, 168 p.
17. Fatyanov A. D. (1995) Khudozhniki, vystavki, kolleksionery Irkutskoy gubernii [Artists, exhibitions, collectors of the Irkutsk province]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo, 192 p.
18. Shaherov V. P. (2013) Goroda Sibiri v doreformenny period: uchebnoye posobiye [The cities of Siberia in the pre-reform period: a tutorial]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 185 p.
19. Shaherov V. P. (2019) Sotsialno-demograficheskiye kharakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoy gubernii [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. Gosudarstvennaya vlast i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX — nachala XX vekov [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX — early XX centuries: a collective monograph]. Irkutsk: publishing house "Ottisk", p. 132—181.
20. Shostakovich B. S. (2008) K 140-letiyu Krugobaykalskogo vosstaniya polskikh politssyl'nykh: sovremennyye itogi i problemy yego izucheniya i uvekovecheniya [On the 140th anniversary of the Circum-Baikal uprising of Polish political exiles: modern results and problems of its study and perpetuation]. Aktualnyye voprosy istorii ssylki uchastnikov Yanvarskogo polskogo vosstaniya 1863—1864 gg. [Actual questions of the history of exile participants in the January Polish uprising of 1863—1864]. Proceedings of the international scientific conference (Irkutsk, September 26—30, 2007)]. Irkutsk, p. 100—119.

**М. Д. Точеный**

Ульяновский институт
гражданской авиации
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ КАК СИМВОЛ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ШИРМА ДЛЯ БЕЗЗАКОНИЯ

Конституция — это высший нормативный акт и основной закон государства. Впервые Конституция была принята в конце XVIII века в Соединенных Штатах Америки. К настоящему времени конституции есть практически во всех странах мира. Одна из главных функций Основного закона — закрепление и охрана прав человека. Так, они прописаны в главе 2 Конституции РФ. Возникает вопрос — а зачем нужна Конституция в государствах с авторитарными и тем более тоталитарными режимами, где прав человека не может быть по определению? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере Основного закона СССР 1936 года, известного как «сталинская» конституция.

Ключевые слова: Конституция, права человека, репрессии, демократия, либерализм.

17 сентября 1787 года Филадельфийский конвент принял Конституцию Соединенных Штатов Америки. Представители общественных наук по-разному оценивают государство США, его внутреннюю и внешнюю политику, отмечая и достоинства, и ряд недостатков. Как и любому государству, США свойственны и просчеты, и откровенные промахи, и даже провалы. Но что касается Основного закона, то его оценивают преимущественно положительно (отмечая, естественно, ряд недостатков), считая, что именно Конституция позволила американцам создать такую систему, сломать которую не смогли ни Гражданская война, ни Вторая мировая, ни Великая Депрессия. А система сдержек и противовесов надежно защищает американское государство от «дураков, облеченных властью» [2]. Ни коррупционер Улисс Грант, ни картежник Уоррен Хардинг, ни любитель выпить Франклин Пирс, ни главный фигурант «уотергейтского скандала» Ричард Никсон не смогли развалить Соединенные Штаты, и, скорее всего, не удастся это и весьма пожилому, даже по библейским меркам, Джо Байдену.

Опыт американского законодателя заинтересовал и другие страны. Сначала в Европе, а потом и в азиатских, африканских и латиноамериканских странах законодатели стали конструировать свои основные законы.

Конституция — это основной закон страны, нормативно-правовой акт высшей юридической силы, закрепляющий основы политической, пра-

вовой и экономической систем государства, а также основы правового статуса личности.

Авакьян С. А. и В. Н. Додонов считают, что любая конституция, независимо от политического режима и формы правления, выполняет важнейшие функции, а именно учредительную, организаторскую, внешнеполитическую, идеологическую и юридическую [15].

Суть учредительной функции состоит в том, что новая конституция, появляясь в результате крупных изменений в жизни общества, учреждает новые, не известные данному обществу ранее государственно-правовые институты и механизмы. Например, основной закон РСФСР 1918 года в статье первой декларировал, что «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [7]. Таким образом, первая советская конституция учредила новую общественную и политическую систему в целом.

Организаторская функция Конституции означает, что она не только юридически оформляет наличествующие общественные отношения и ставит новые задачи перед обществом и государством, но и стимулирует политическую активность, нацеливает государственные органы и общественные объединения, всех граждан на деятельность в духе новой Конституции. Так, в статьях 173 и 185 Основного закона Швейцарии подчеркивается ее нейтральный статус [11].

Идеологическая функция Конституции может заключаться в закреплении постулатов какого-то политического учения в качестве господствующих (марксизм, маоизм и т. д.). Основные законы демократических государств, напротив, провозглашают, что никакая идеология не является государственной; в таком случае определенная идеология присутствует в тексте нормативного акта не прямо, а косвенно. В любом случае Конституция закрепляет определенную систему общественных ценностей и нацелена на то, чтобы на ее основе воспитывались соответствующие воззрения каждого члена общества. Так, статья 3 Основного закона Федеративной Республики Германии провозглашает всеобщее равенство перед законом, отдельно подчеркивая равноправие мужчин и женщин и исключая любую форму дискриминации [10].

И, наконец, самая важная, юридическая функция состоит в том, что она является основой правовой системы и правопорядка в стране. Это означает, что все остальные источники права — законы, указы главы государства, постановления парламента, распоряжения министерств — должны соответствовать ей и не могут противоречить. В последнем случае они подлежат немедленной отмене. Таким образом, Конституция выступает гарантом и средством обеспечения стабильности правовой, а следовательно, и экономической, и социальной систем государства.

В настоящее время слово «конституция» стало синонимом уважения и соблюдения прав человека и гражданина. В современном мире основной закон имеют почти все страны, за небольшим исключением.

Но не все правители создавали конституцию с благородной целью. Некоторые хотели прикрыться ею, точно ширмой, от немного навязчивых взглядов глав соседних государств.

Одним из таких политических деятелей был И. В. Сталин, председатель Совета Народных Комиссаров, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и руководитель Конституционной комиссии.

Его детище — Конституция 1936 года — состоит из 13 глав, которые систематизируют и упорядочивают 146 статей.

Глава первая посвящена общественному устройству СССР и, среди прочих положений, декларирует, что «вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (статья 3), «земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, органи-

зованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием» (статья 6). Любопытно также положения глав 10 («Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и устройства, равно как и право наследования личной собственности граждан — охраняются законом») и 12 («Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу «кто не работает — тот не ест»). В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду».

Вторая глава носит название «Государственное устройство». Она провозглашает, что СССР является союзным государством, которое состоит из одиннадцати (на момент принятия конституции) равноправных республик, т. е., по сути, является федерацией, причем в статье 17 подчеркивалось, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Статья 14 перечисляет те вопросы, которые находятся в ведении СССР в лице его высших органов государственной власти и государственного управления, — от вопросов войны и мира до амнистирования заключенных. Остальные положения главы второй не столько нам интересны — они посвящены особенностям некоторых республик, имеющих в своем составе автономные образования (Горно-Бадахшанская, Каракалпакская, Нагорно-Карабахская и т. д.).

Третью главу советский законодатель нарек как «Высшие органы государственной власти Союза Советских Социалистических Республик». По сути, она посвящена основам советского парламентаризма. Статья 30 гласит, что «высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР», а статья 32 уточняет, что «законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», который представлял собой двухпалатный парламент — Совет Союза и Совет Национальностей. Вообще, идея двухпалатного законодательного органа возникла не у отцов-основателей США, а гораздо раньше. Хотя органы народного представительства существовали еще в Древнем Риме, также мы можем вспомнить Новгородское вече, которое было, по мне-

нию Н. А. Рожкова, единственным и неограниченным носителем законодательной власти, руководило финансами, объявляло войну и заключало мир, утверждало договоры с иностранцами, вело суд по политическим и должностным преступлениям [8]. Впрочем, другие историки полагают, что власть вече отнюдь не была абсолютной, ее ограничивали посадник, тысяцкий, архиепископ и другие должностные лица [13, с. 37]. Важнее для нас то, что идея двухпалатного парламента родилась в Англии XIII века, законодательный орган которой по сей день состоит из Палаты лордов и Палаты общин. Федеральное собрание современной России также включает в себя две группы парламентариев: Государственная Дума избирается населением напрямую и по партийным спискам, а Совет Федерации формируется иным образом: он включает по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации — по одному от законодательного и исполнительного органов государственной власти. Смысл разделения парламентариев на две группы состоит в обеспечении большего консерватизма в принятии законодательных решений. Верхняя палата парламента в цивилизованных государствах формируется менее демократическим путем и чаще всего состоит из людей более старшего возраста, чем нижняя (как и в современной России: депутатом Государственной Думы может стать лицо, достигшее 21 года, а сенатором — 30 лет). Это помогает избежать слишком радикальных перемен в жизни государства.

Советский же парламент формировался по иному принципу: и Совет Союза, и Совет Национальностей избирались напрямую гражданами (статьи 34, 35), депутаты избирались сроком на 4 года (в современной России — на 5 лет, а сенаторы — на 6 лет, а в некоторых случаях — до конца дней своих), и обе палаты объявлялись равноправными (статья 37).

Как и в современной российской конституции, в ее предшественнице присутствовало понятие депутатской неприкосновенности: согласно предписанию статьи 52, депутат Верховного Совета СССР не мог быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия высшего законодательного органа или его Президиума.

Четвертая глава, небольшая по объему, посвящена высшим органам государственной власти союзных республик. В соответствии со статьей 57 таковым являлся Верховный совет союзной республики, который, согласно статье 58, избирался гражданами на 4 года.

В пятой главе «Органы государственного управления Союза Советских Социалистических Республик» законодатель декларировал основные принципы деятельности высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти СССР, т. е. правительства — Совета Народных Комиссаров (с марта 1946 года — Совета Министров). Согласно статье 64, он был ответственен и подотчетен высшему законодательному органу. В статье 68 были обозначены основные направления его деятельности, а в статье 70 — его состав (на момент принятия Конституции правительство возглавлял В. М. Молотов). Интересно, что в 1936 году перечень в статье 70 насчитывал 8 должностей, а к моменту принятия брежневской «конституции развитого социализма» — уже 23, т. е. число бюрократов значительно выросло. В статьях 77 и 78 перечислены народные комиссариаты — от оборонного до ведающего здравоохранением. Их количество в дальнейшем также сильно увеличилось.

Шестая и седьмая главы Конституции посвящены, соответственно, органам государственного управления союзных республик и высшим органам государственной власти автономных советских социалистических республик.

Пропустим пока восьмую главу и перейдем к девятой, которая носит наименование «Суд и прокуратура». В соответствии со статьей 102 «правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами». Несколько последующих статей декларировали, что все судебские должности являются выборными, и срок полномочий служащих советской Фемиды ограничен определенными сроками. Статьи 111 и 112 закрепляли основные принципы судопроизводства — открытость, независимость и подчинение только закону.

Здесь уместно вспомнить принцип разделения властей, разработанный Джоном Локком и Шарлем Луи Монтескье в XVII—XVIII вв., а довели его до ума именно упомянутые выше отцы-основатели США, дополнив системой «сдержек и противовесов». В соответствии с этим принципом вся полнота государственной власти распределяется между тремя ее ветвями — независимыми, но уравновешивающими и контролирующими друг друга — законодательной, исполнительной и судебной. В тексте советской Конституции данный демократический принцип соблюдался в полной мере.

Еще один обязательный компонент свободного, либерального государства — местное самоуправление, с помощью которого население самостоятельно решает вопросы муниципального значения, например, управления собственностью. Ему была посвящена глава 8 Основного закона Страны Советов. В соответствии с ее положениями, в качестве органов государственной власти в краях, областях, округах, районах, городах и селах выступали Советы депутатов трудящихся, которые избирались населением на два года.

Большой интерес для историков и юристов, несомненно, представляет десятая глава советской Конституции, озаглавленная «Основные права и обязанности граждан». Гражданам СССР гарантировалось право на труд и его оплату (статья 118), на отдых (статья 119), пенсию и различного рода пособия (статья 120), бесплатное образование, вплоть до высшего (статья 121). Две последующие нормы конституционного права охраняли все формы равноправия граждан, независимо от пола, национальности и расы. Статья 124 гласила, что СССР является светским государством, в котором церковь отделена от школы и государства, а граждане свободны в выборе вероисповедания, и никто не запрещает им вести антирелигиозную пропаганду. Статьи 125, 127 и 128 закрепляли все основные демократические права и свободы — неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, свободу слова, печати, митингов и демонстраций. Весьма интересно выглядит статья 126 советской Конституции, в которой провозглашалось, что граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества. По мнению Б. Н. Земцова, в соответствии с данной нормой конституционного права граждане получили право на создание политических партий [5]. В этом сталинская конституция выгодно отличалась от брежневской, статья 6 которой провозглашала монополию Коммунистической партии на власть.

В отличие от нашей современной конституции, в Основном законе 1936 года отсутствовали нормы, посвященные главе государства.

Поэтому по всем признакам Конституция 1936 года являлась демократической, порой представляя гражданам больше прав и свобод, нежели современные конституции европейских стран.

Разумеется, в 1936-м и последующих годах сталинизма ничего, кроме ликования, Конституция не вызывала. Так, первый секретарь

сталинградского краевого комитета ВКП(б) И. М. Варейкис в газете «Правда» восторженно писал, что «Конституция имеет поистине всемирное, общечеловеческое значение», поскольку «...облеченный новыми широчайшими правами, защищаемыми подлинно революционными законами, человек сталинской эпохи, человек советского социалистического государства рабочих и крестьян является свободным гражданином, обладающим такой независимостью и свободой, какой не обладает человек нигде, ни в одном государстве. Это значит, что созданы все необходимые материальные условия для быстрого развития полноценной личности, для дальнейшего развития советской демократии, для еще более быстрого движения социализма вперед и ускорения перехода от социализма к коммунизму» [3].

В таком же исступлении находились и простые советские люди. Прочитав стенограмму выступления И. В. Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года с докладом «О проекте Конституции Союза ССР»: «Появление товарища Сталина на трибуне встречается продолжительной, бурной овацией всего зала. Весь зал встает. Со всех сторон несутся крики: «Ура товарищу Сталину!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует Великий Сталин!», «Великому гению товарищу Сталину ура!», «Виват!», «Рот фронт!», «Товарищу Сталину слава!» [12, с. 545].

Пожалуй, самую сдержанную оценку Конституции на тот момент дал ее главный разработчик, в «Истории ВКП(б). Краткий курс» торжественно и пафосно провозгласив: «Страна Советов получила, таким образом, новую Конституцию, Конституцию победы социализма и рабоче-крестьянской демократии.

Тем самым Конституция закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, где руководящим началом общественной жизни должен быть коммунистический принцип «От каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям» [8].

Прошли годы. «Великий вождь и учитель» и «лучший друг» всех советских граждан скончался, погрузив в неподдельное горе и утопив в океане слез миллионы людей. Но состоялся XX съезд, положивший начало развенчанию культа личности. СССР тем временем достиг больших успехов в науке, технике, спорте. Юрий Гагарин полетел в космос, был разрабо-

тан сверхзвуковой стратегической бомбардировщик Ту-160, Лев Ландау получил Нобелевскую премию, а советские спортсмены стали триумфаторами Олимпийских игр в Монреале. Люди увидели, что и без товарища Сталина и его культа личности страна может прекрасно жить и развиваться. А с наступлением эпохи гласности, открытием архивов, выходом в свет трудов Д. А. Волкогонова, А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова часть граждан и вовсе разочаровалась в «гениальном ученом».

В настоящее время оценки его детища, Конституции СССР 1936 года, в учебниках и научных трудах куда более сдержанны по стилю и содержанию. И особой критике подвергается глава 10, гарантировавшая гражданам демократические права и свободы. По выражению П. А. Аптекаря, «эти гарантии были растоптаны во время большого террора, когда следователи смеялись в глаза и издевались над напоминовавшими о нормах Конституции» [1].

Цечоев В. К. справедливо отмечает, что Основной закон Страны Советов «декларировал демократическое правосудие и определял четкую структуру судебной власти и прокурорского надзора. Но его принятие и реализация не привели к либерализации государственного курса. Напротив, все было готово к новому витку массовых репрессий» [14].

Мулукаев Р. С. констатирует, что «гарантии политических и личных прав были весьма отно-

сительны и практика свидетельствует об их массовых нарушениях» [6].

Земцов Б. Н. отмечает целый ряд теоретических и практических недостатков Конституции, замечая, что «оторванность конституционных положений от жизни проявилась уже в 1936 году. На пленуме ЦК ВКП(б) один из авторов Конституции — Н. И. Бухарин — был назван «врагом народа». Через два года он будет приговорен к смертной казни вместе с еще одним автором Основного закона — К. Б. Радеком» [4].

Но тогда зачем И. В. Сталину нужен был Основной закон, который ни он, ни его сторонники исполнять не собирались?

Думается, что, во-первых, это был очередной этап строительства культа его личности. Во-вторых, ему хотелось произвести благоприятное впечатление на богатых и влиятельных, но слегка наивных и близоруких лидеров стран Запада. Даже такое большое государство, как СССР, не могло существовать обособленно, без торговли, инвестиций и помощи извне. Кроме того, приход к власти Гитлера в Германии серьезно обеспокоил лидера советских коммунистов, и ему было необходимо привлечь на свою сторону американскую, французскую и британскую элиты, создав некую красивую ширму, скрывающую то беззаконие и те преступления против граждан, что совершались в стране якобы победившего социализма.

Литература

1. Аптекарь П. А. Демократическая конституция репрессий / П. А. Аптекарь. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/06/27/833519-konstitutsiya-repressii> (дата обращения: 17.04.2022).
2. Брант С. Корабль дураков / Себастиан Брант. — URL: <https://facetia.ru/sebastian-brant-narrenschiff> (дата обращения: 17.04.2022).
3. Варейкис И. М. Человек нашей эпохи / И. М. Варейкис // Правда. — 1936. — № 184(6790). — 6 июля. — С. 4.
4. Земцов Б. Н. История отечественного государства и права : учебное пособие / Б. Н. Земцов. — Москва : Евразийский открытый институт, 2012. — 646 с. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/11032.html> (дата обращения: 17.04.2022).
5. Земцов Б. Н. История отечественного государства и права : учебное пособие / Б. Н. Земцов. — Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019. — 498 с. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/78221.html> (дата обращения: 17.04.2022).
6. История отечественного государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под редакцией Р. С. Мулукаева. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 703 с. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/81634.html> (дата обращения: 17.04.2022).
7. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 17.04.2022).
8. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — Москва : Госполитиздат, 1952. — 352 с.
9. Новгородское вече. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новгородское_вече#cite_note-9 (дата обращения: 17.04.2022).

10. Основной закон Федеративной Республики Германии. 23 мая 1949 г. — URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&trefferanzeige=&suchmodus=&suchbegriff=&t=&l=ru (дата обращения: 17.04.2022).
11. Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=135> (дата обращения: 17.04.2022).
12. Сталин И. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1952. — С. 545.
13. Точеный Д. С. История России (IX — начало XVII вв.) : лекции для старшеклассников и абитуриентов / Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная. — 3-е изд. — Ульяновск : УлГУ, 2007. — С. 37.
14. Цечоев В. К. История Отечественного государства и права : учебное пособие / В. К. Цечоев. — 5-е изд. — Москва : Прометей, 2017. — 458 с. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/94433.html> (дата обращения: 17.04.2022).
15. Юридическая энциклопедия / под ред. Б. Н. Топорнина. — Москва : Юристъ, 2001. — 1272 с.

STALIN'S CONSTITUTION AS A SYMBOL OF THE RULE OF LAW AND A SHAM FOR LAWLESSNESS

M. D. Tocheniy

Ulyanovsk Institute of Civil Aviation (Ulyanovsk, Russia)

Tmichael1977@rambler.ru

The Constitution is the supreme normative act and fundamental law of the state. The first constitution was adopted at the end of the 18th century in the United States of America. To date, there are constitutions in almost all countries of the world. One of the main functions of the Basic Law is the consolidation and protection of human rights. So, they are spelled out in Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation. The question arises — why do we need a Constitution in states with authoritarian and even more so totalitarian regimes, where human rights cannot exist by definition. Let's try to answer this question on the example of the Basic Law of the USSR of 1936, known as the "Stalin's" constitution.

Key words: constitution, human rights, repression, democracy, liberalism.

References

1. Aptekar P. A. Demokraticeskaya konstitutsiya repressiy [Democratic constitution of repressions]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/06/27/833519-konstitutsiya-repressii> (access date: 17.04.2022).
2. Brant S. Korabl durakov [Ship of fools]. URL: <https://facetia.ru/sebastian-brant-narrenschiff> (access date: 17.04.2022).
3. Vareikis I. (1936) Chelovek nashey epokhi [The man of our era]. Pravda, 6th July 1936.
4. Zemtsov B. N. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [History of the domestic state and law: textbook]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/11032.html> (access date: 17.04.2022).
5. Zemtsov B. N. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [History of the domestic state and law]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/78221.html> (access date: 17.04.2022).
6. Mulukaev R. S. (2017) Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [History of the domestic state and law: a textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence"]. Moscow. URL: <https://www.iprbookshop.ru/81634.html> (access date: 17.04.2022).
7. Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic dated 10 June 1918]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (access date: 17.04.2022).
8. Istoria VKPB [History of VKPB]. Moscow, 1952, 370 p.
9. Novgorodskoye veche [Novgorod veche]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новгородское_вече#cite_note-9 (access date: 17.04.2022).
10. Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germanii [Basic Law of the Federal Republic of Germany]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&trefferanzeige=&suchmodus=&suchbegriff=&t=&l=ru (access date: 17.04.2022).
11. Soyuznaya Konstitutsiya Shveysarskoy Konfederatsii [Federal Constitution of the Swiss Confederation]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=135> (access date: 17.04.2022).

12. Stalin I. (1952) Voprosy leninizma [Questions of Leninism]. Moscow, 651 p.
13. Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. (2007) Istoriya Rossii (IX — nachalo XVII vv.): leksii dlya starsheklassnikov i abiturientov [Russian history (IX — the beginning of the XVII centuries): lectures for high school students and applicants]. Ulyanovsk: UGU, p. 37.
14. Tsechoev V. K. (2017) Istoriya Otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnoye posobiye [History of domestic state and law: textbook]. Moscow: Prometheus, 458 p. URL: <https://www.iprbookshop.ru/94433.html> (access date: 17.04.2022).
15. Topornin B. N., ed. (2001) Yuridicheskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Law]. Moscow: Jurist, 1272 p.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА



Н. С. Бабиева

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
n.s.babieva@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ АЛАЛИИ

В статье представлен анализ подходов к изучению такой патологии речевого развития, как алалия. Рассмотрены типы классификации речевых нарушений в российской и зарубежной практике по различным критериям. Осуществлен сравнительный анализ классификации алалии в различных системах. Сделан вывод о том, что общей закономерностью всех существующих классификаций алалии в различных системах является разделение с точки зрения этиологии нарушений на первичные и вторичные. Вторичные нарушения речи включаются в общую картину синдрома, а первичные рассматриваются как отдельный вид дизонтогенеза. Также наблюдается общая тенденция оценки степени тяжести речевого расстройства на основании степени отставания нормального речевого развития. Но, несмотря на попытки классификации различных речевых нарушений с опорой на различные основания (лингвистические, физиологические, этиопатогенетические и пр.), часто наблюдаются трудности определения алалии в ту или иную категорию. Этим обуславливаются трудности междисциплинарного взаимодействия специалистов, работающих с данной нозологией. Помимо потребности в изучении механизмов и факторов, приводящих к такому нарушению, как алалия (дисфазия развития), необходима разработка общепринятого понятийно-категориального аппарата. Каждая из представленных классификаций вносит огромный вклад в науку, двигает ее вперед с позиции своего научного подхода и метода.

Ключевые слова: алалия, дисфазия развития, специфические нарушения речевого развития, классификация речевых расстройств.

Нарушения речи широко распространены в детской популяции. Особое место в ряду речевых расстройств занимает такое нарушение, как алалия (дисфазия развития), так как является наименее изученной патологией. До сих пор отмечаются трудности междисциплинарного взаимодействия специалистов, работающих с дисфазией развития, ввиду отсутствия общепринятой терминологии, описывающей данное расстройство речи. Также нет единого взгляда на классификацию этого нарушения.

С позиции этиологии алалия рассматривается как первичное нарушение.

В МКБ-10 алалия рассматривается в рамках такого широкого спектра патологий, как специфические расстройства развития речи и языка (F-80).

Специфические расстройства развития речи (CPPP) (specific language impairment (SLI)) — нарушения развития речи, которые характеризуются первичными речевыми нарушениями при сохранном слухе, интеллекте и адекватной речевой среде. CPPP не являются следствием мозговой патологии, психологической травмы или нейроинфекции. Речевое развитие повреждено с ранних этапов развития, без предшествующего периода нормального развития.

Согласно МКБ-10, СРПП рассматриваются как расстройства, при которых развитие речи страдает с самых ранних этапов развития. Подобные нарушения часто сопровождаются трудностями в овладении навыками письма и чтения, нарушениями межличностных отношений, эмоциональными и поведенческими расстройствами.

Синонимы: дисфазия развития (developmental dysphasia) (Ньюкиктъен, 2018); нарушение развития языка (developmental language impairment) (Justice, Skibb, McGinty, Piasta & Petrill, 2011). Часто в клинической практике встречается такой диагноз, как алалия (сенсорная, моторная, сенсомоторная).

В российской практике понятие специфического расстройства речевого развития используется в широком контексте. В эту группу нарушений часто включаются все первичные патологии речевого развития, такие как дизартрия, задержка речевого развития (ЗРР), общее недоразвитие речи (ОНР), дислалия, фонетико-фонематическое недоразвитие речи (ФФНР), сенсорная, моторная и сенсомоторная формы алалии.

Существуют причины, по которым использование термина СРПП затруднено:

1) большинство детей с данным нарушением не имеют специфического дефицита, но у них наблюдаются сопутствующие двигательные и невербальные когнитивные нарушения;

2) термин СРПП не подразумевает разделения патологии на сенсорный и моторный компоненты, поэтому многие исследователи предпочитают употреблять термин «дисфазия развития» (Bishop & Edmundson, 1987; Ньюкиктъен, 2018);

3) термин СРПП не отражает идеи развития речевой патологии.

В связи с расхождениями мнений и трудностями классификации наблюдаются трудности в употреблении терминологии специалистами различных областей. Так, в клинической практике часто встречается определение дисфазии развития, в области психолингвистики чаще употребляется термин специфического расстройства речевого развития, а в коррекционной педагогике — алалия.

Алалия — тяжелое нарушение развития речи, возникающее в «доречевой» период, имеющее системный характер и обусловленное, как правило, последствиями гипоксически-ишемического поражения ЦНС (Володин Н. Н., 2004). Алалия сводится к отсутствию речи или ее значительной ограниченности. Существующие кон-

цепции объяснения механизмов алалии условно подразделяются на сенсомоторные, психологические и языковые.

Отдельное место занимают следующие классификации:

— Классификация Ковшикова В. А. — выделяет такие виды нарушений, как экспрессивная и импрессивная алалия;

— Классификация Визель Т. Г. — алалия как виды безречия, каждый из которых имеет смешанную природу — гностико-праксическую и языковую.

По вопросу этиологии и патогенеза такого нарушения, как алалия, в литературе отсутствует единство мнений, продолжается научный поиск. В настоящее время, согласно данным современных инструментальных исследований, не подтверждается теория об очаговых поражениях зон коры головного мозга при алалии (по аналогии с афазией). Наиболее вероятной гипотезой возникновения алалии является предположение о результате нарушения проводящих путей (белого вещества головного мозга), необходимых для полноценного овладения речью (Трауготт Н. Н., Ковшиков В. А., Визель Т. Г. и др.).

Принято выделять следующие факторы, влияющие на появление речевых нарушений: перинатальный фактор, наследственность, гендер, средовой фактор.

Перинатальный фактор. В 75—85 % случаев речевых расстройств прослеживается влияние особенностей протекания пренатального, перинатального и постнатального периодов развития. Эти особенности проявляются следующими осложнениями: токсикозами беременности, нейроинфекциями, недоношенностью, травмами головы, резус-конфликтами (Бенилова С. Ю.). Наблюдается гипоксически-ишемическое повреждение ЦНС в перинатальном периоде (формирование церебральной атрофии, темповая задержка развития на первом году жизни) (Сагаутдинова Э. Ш., Степаненко Г. Д.). Также в 47 % случаев выраженных речевых нарушений в анамнезе выделяется родовая травма, асфиксия новорожденных (Шабалов Н. П., Набиева Т. Н.). По данным исследований Е. Ю. Резцовой и А. М. Черных, у детей, родившихся с тяжелой асфиксией, срок появления первого лепета задерживается на 3—6 месяцев. Известно, что наиболее чувствительными к асфиксии являются пирамидальные клетки двигательной коры головного мозга, что служит причиной моторных нарушений у детей.

Наследственность. Частота встречаемости СРПП в семьях с отягощенным анамнезом

данного речевого расстройства составляет 20 %, когда в популяции она достоверно ниже (Choudhury, Benasich et al., 2003).

Также идентифицирован ряд хромосом, ответственных за нарушения речи у детей. Лocus на хромосоме 16 ассоциирован со способностью к выполнению задания на повторение заданной последовательности слогов, когда locus на хромосоме 19 — с экспрессивной речью (Gathercole, 1994).

По данным SLI Consortium (2002), два региона на 16q хромосоме и 19q хромосоме являются основным фактором риска для развития речевых нарушений. В связи с этим особое внимание уделяется специфическим генам FOXP2, CNTNAP2, ATP2C2, CMIP (Newbury, Monaco, 2010).

Гендерный фактор. Анализ гендерных особенностей группы детей с CPPP выявил, что соотношение мальчиков и девочек варьируется в пределах от 1,3 : 1 до 5,9 : 1 (Tallal et al., 1989; Stromswold, 1998; Stanton-Ghapman et al., 2002). Факт значительного преобладания мальчиков в группе детей с CPPP свидетельствует о возможности наличия двух факторов, влияющих на развитие патологии: генетического и раннего гормонального воздействия.

Также следует заметить, что алалия не может рассматриваться в рамках какой-то одной патогенетической концепции, так как в процессе развития ребенка, по мере изменения уровня языковых функций, меняется механизм проявления симптомов речевого недоразвития.

Вопрос классификации алалии остается открытым ввиду нескольких причин: отсутствие общепринятого международного языка для классификации речевых расстройств; разница подходов, рассматривающих патологию речи с той или иной стороны (например, с клинической или педагогической), не дает возможности для всестороннего анализа проблемы.

Мы предлагаем к рассмотрению сравнительную характеристику трех подходов к классификации речевых расстройств и анализ места алалии в отечественном, французском и американском подходах. Сравнительный анализ языковых и речевых нарушений дает возможность для накопления зарубежного опыта, начало новым исследованиям и взаимодействию разнообразных школ, работающих с нарушениями речевого развития.

В России на сегодняшний день используются две основные классификации речевых нарушений: психолого-педагогическая (Р. Е. Левина) и клинико-педагогическая (М. Е. Хватцев, Ф. А. Рау,

О. В. Правдина, С. С. Ляпидевский), которые рассматривают речевые проблемы с разных точек зрения, тем самым дополняя друг друга. Психолого-педагогическая классификация предлагает разделение, основанное на педагогических, лингвистических и психологических критериях, а именно нарушение средств общения (фонетико-фонематическое недоразвитие речи (ФФНР), общее недоразвитие речи (ОНР)) и нарушение применения средств общения (заикание). Клинико-педагогическая классификация выделяет нарушения устной и письменной речи. Нарушения, рассматриваемые в рамках клинико-педагогической классификации, кратко представлены в таблице 1.

Таблица 1

Клинико-педагогическая классификация речевых нарушений

Нарушения устной речи	
<i>Расстройства произносительной стороны речи, фонационного оформления высказывания</i>	<i>Системные или полиморфные нарушения речи, структурно-семантического оформления высказывания</i>
Нарушения звукопроизношения различной этиологии (дислалия, дизартрия, ринолалия); нарушения голосообразования; темпо-ритмические нарушения речи (брадилалия, тахилалия, заикание)	Алалия, афазия
Нарушения письменной речи	
<i>Нарушения письма (дисграфия)</i>	<i>Нарушения чтения (дислексия)</i>

В связи со стремительным развитием науки часто таких классификаций оказывается недостаточно. Наблюдается интерес к лингвистической и нейробиологической концепциям, которые учитывают перцептивные, лингвистические и когнитивные теории развития речи.

Необходим всесторонний учет этиопатогенетических, лингвистических и нейропсихологических факторов для создания системы классификации, соответствующей ритмам развития современной науки.

Американская ассоциация речи, языка и слуха (American Speech-Language-Hearing Association) предлагает свою классификацию речевых расстройств. В этой классификации нарушения подразделяются на экспрессивные и

рецептивные коммуникативные проблемы с опорой на причину (триггер) возникновения того или иного синдрома. Так, выделяется девять триггеров, куда входят психосоциальные проблемы, расстройства аутистического спектра (РАС), травмы головного мозга, церебральные параличи, токсические поражения во внутриутробном развитии, расстройства беглости речи, нарушения слуха, интеллектуальная недостаточность и специфические нарушения речевого развития. СРПП, в свою очередь, подразделяется на расстройства рецептивной (более медленная и менее эффективная обработка речевой информации, пониженная способность к пониманию языка) и экспрессивной речи (использование коротких, простых предложений; трудности в усвоении грамматических конструкций; неэффективное использование языковых форм в социальном контексте; сниженный лексический запас).

Также в США используется нозологическая система психических расстройств — Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, fifth edition (DSM-5), где классификация построена по принципу отражения эволюции расстройств в течение жизни. Специфические расстройства речи, наряду с расстройствами аутистического спектра, интеллектуальных нарушений и пр., объединены в диагностическую категорию «нарушения нейроразвития». Группа данных нарушений сформирована на общих нейробиологических основаниях речевых или поведенческих расстройств.

Расстройства коммуникации и нейроразвития в DSM-5:

1. Расстройства аутистического спектра.
2. Коммуникативные нарушения:
 - Расстройство языка (трудности приобретения и использования языковых навыков в различных модальностях, таких как разговорный язык, письменная речь, использование жестов и т. д.).
 - Социальное (прагматичное) расстройство артикуляции.
 - Расстройство речевой артикуляции.
 - Заикание (нарушение владением устной речью, проявляющееся в детском возрасте).
3. Интеллектуальная недостаточность.
4. Специфические расстройства обучения.

Особый интерес на сегодняшний день представляет классификация, предложенная Cl. Chevrie-Muller и J. Narbona (таблица 2).

В указанной системе предпринимается попытка учета когнитивных, перцептивных и лин-

гвистических теорий развития речи, что существенно облегчает междисциплинарное взаимодействие специалистов, работающих с речевыми нарушениями. Авторы выделяют четыре основные группы речевых расстройств: дефекты органов артикуляции и голосообразования, нейрорлингвистические расстройства, заикание, расстройства речи в рамках психопатологий. Также предлагаемая модель учитывает уровни лингвистической обработки речевой информации, такие как первичный уровень (сенсомоторный) — от периферических органов артикуляции до первичных зон коры; вторичный уровень (единство гнозиса и праксиса) — вторичные, ассоциативные зоны коры больших полушарий; третичный уровень (или уровень «внутреннего» продуцирования речи, лингвистических операций) — третичные зоны ассоциативной коры.

Очевидно, что, несмотря на глубокий анализ природы речевых нарушений, в представленных классификациях наблюдаются расхождения на уровне понятийно-категориального аппарата (например, алалия и дисфазия развития), на уровне выделения границ расстройства (например, во французской классификации термин «дислалия» освещается как диспраксическое расстройство, тогда как в российской практике этот термин употребляется гораздо шире). Также можно выделить расхождения на уровне трактовки и понимания механизмов речевых нарушений.

Таким образом, во всех представленных выше классификациях можно выделить общую закономерность — разделение с точки зрения этиологии нарушений на первичные и вторичные. Вторичные нарушения речи включаются в общую картину синдрома, а первичные рассматриваются как отдельный вид дизонтогенеза. Также наблюдается общая тенденция оценки степени тяжести речевого расстройства на основании степени отставания нормального речевого развития.

Следует отметить, что, несмотря на попытки классификации различных речевых нарушений с опорой на различные основания (лингвистические, физиологические, этиопатогенетические и пр.), часто наблюдаются трудности определения алалии в ту или иную категорию. Этим обуславливаются трудности междисциплинарного взаимодействия специалистов, работающих с данной нозологией. Помимо потребности в изучении механизмов и факторов, приводящих к такому нарушению, как алалия (дисфазия развития), необходима разработка общепринятого понятийно-категориального аппарата.

Таблица 2

**Классификация патологий речевого развития
по Cl. Chevrie-Muller, J. Narbona**

	Врожденная патология	Приобретенная патология
1. Дефекты органов артикуляции и голосообразования		
Анатомические дефекты	Врожденные патологии нёба, губ, языка (ринолалии)	Последствия травм или инвазивного медицинского вмешательства
Сенсомоторный (первичный) уровень		
Патологии сенсорных систем	Дефекты наружного и среднего уха (передача звукового сигнала); Дефекты внутреннего уха и слухового нерва (восприятие слухового сигнала)	Наружное и среднее ухо (например, частые отиты); Дефекты внутреннего уха, слухового нерва (инфекции, токсические поражения)
Нарушения контроля фаринго-оральных движений	Дизартрии, параличи	Нарушения, являющиеся последствиями травм, медицинского вмешательства или сосудистых патологий
2. Нейролингвистические нарушения		
Вторичный уровень		
Гностические расстройства	Вербальные агнозии, дефекты письма и артикуляции	Синдром Ландау-Клеффнера
Практические расстройства	Дислалия, артикуляционная и вербальная апраксии	Артикуляционная и вербальная апраксии
Третичный уровень		
Лингвистические дефекты экспрессивной и импрессивной речи	Специфические расстройства речевого развития: задержки речевого и языкового развития, дисфазии развития	Афазические расстройства
Психолингвистические расстройства	Семантико-парадигматическое расстройство речи	Семантико-парадигматическое расстройство речи
Расстройства письма и чтения	Дислексия, дизорфография	Алексия, аграфия
3. Нарушения темпо-ритмической стороны речи		
	Логоневрозы (заикание)	Повреждения корко-подкорковых структур, приводящие к нарушению плавности речевого высказывания
4. Психопатологические речевые нарушения		
Дефицитарные состояния	Интеллектуальная недостаточность, дисгармоническое развитие	Интеллектуальные нарушения
Нарушения социального взаимодействия	Расстройства аутистического спектра	Мутизм, различного рода депривации

Каждая из представленных классификаций вносит огромный вклад в науку, двигает ее вперед с позиции своего научного подхода и метода.

Наша задача на сегодняшний день состоит в том, чтобы привести науку к единым ориентирам и снижению сложностей и противоречий в классификации данного синдрома.

Литература

1. Бенилова С. Ю. Патогенетические подходы к комплексному лечению нарушений речи у детей и подростков с последствиями органического поражения центральной нервной системы : пособие для врачей / С. Ю. Бенилова. — Москва : Прометей ; Книголюб, 2003. — 32 с.
2. Визель Т. Г. Приобретение и распад речи : монография / Т. Г. Визель ; под ред. О. Ю. Цвирко. — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — 289 с.
3. Володин Н. Н. Перинатальная медицина: проблемы, пути и условия их решения / Н. Н. Володин // Педиатрия. — 2004. — № 5. — С. 18—23.
4. Володин Н. Н. Ранняя диагностика нарушений развития речи. Особенности речевого развития у детей с последствиями перинатальной патологии нервной системы / Н. Н. Володин, В. М. Шкловский ; Российская ассоциация специалистов перинатальной медицины. — Москва, 2015.
5. Ковшиков В. А. Экспрессивная алалия и методы ее преодоления / В. А. Ковшиков. — СПб. : КАРО, 2006. — 298 с.
6. Левина Р. Е. Основы теории и практики логопедии / Р. Е. Левина. — Москва : Просвещение, 1968.
7. Набиева Т. Н. Поведенческая терапия тиков у детей с использованием метода отрицательного подкрепления / Т. Н. Набиева, Е. И. Мухин // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2003. — Т. 103, № 9. — С. 59—62.
8. Ньюкиктъен Чарльз. Детская поведенческая неврология : в 2 т. Т. 2 / Чарльз Ньюкиктъен ; пер. с англ. Д. В. Ермолаев, Н. Н. Заваденко. — 2-е изд. — Москва : Теревинф, 2018. — 336 с.
9. Резцова Е. Ю. Современные представления о факторах риска в генезисе речевых расстройств дошкольников / Е. Ю. Резцова, А. М. Черных // Новые исследования. — 2010. — С. 95—115.
10. Сагутдинова Э. Ш. О классификациях нарушений речи в детском возрасте / Э. Ш. Сагутдинова, Д. Г. Степаненко // Системная интеграция в здравоохранении : электр. науч. журн. — 2010. — № 2(8). — С. 32—43.
11. Трауготт Н. Н. Как помочь детям, которые плохо говорят / Н. Н. Трауготт. — СПб., 1994.
12. Хватцев М. Е. Логопедия / М. Е. Хватцев. — Москва : ВЛАДОС, 2009. — 272 с.
13. Шабалов Н. П. Детские болезни / Н. П. Шабалов. — СПб., 2002. — 1088 с.
14. American Speech-Language Hearing Association. Definitions of communication disorders and variations. ASHA. 1993; 35 (Suppl 10): 40—41 [PubMed].
15. Bishop D. V. M., North T., Donlan C. Genetic basis of specific language impairment: Evidence from a twin study. *Developmental Medicine and Child Neurology* 1995; 37: 56—71 [PubMed: 7828787].
16. Choudhury N., Benasich A. A. The Influence of Family History and Other Risk Factors on Language Development. *J Speech Lang Hear Res.* 2003; V. 46(2): 261—272.
17. Gathercole S. E., Willis C., Baddeley A. D., Emslie H. The Children's Test of Nonword Repetition: a test of phonological working memory // *Memory.* — 1994. — Vol. 2, N 2. — P. 103—127.
18. Justice L. M., Skibbe L. E., McGinty A. S., Piasta Sh. B., Petrill S. Feasibility, Efficacy, and Social Validity of Home-Based Storybook Reading Intervention for Children With Language Impairment. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research.* 2011; V. 54(2); 523—538. doi.org/10.1044/1092-4388(2010/09-0151).
19. Newbury D. F., Monaco A. P. Genetic advances in the study of speech and language disorders // *Neuron.* — 2010. — Vol. 68, N 2. — P. 309—320.
20. Stanton-Chapman T. L., Chapman D. A., Bainbridge N. L., Scott K. G. Identification of early risk factors for language impairment // *Res. Dev. Disabil.* — 2002. — Vol. 23, N 6. — P. 390—405.
21. Stromswold K. Genetics of spoken language disorders // *Hum. Biol.* — 1998. — Vol. 70, N 2. — P. 297—324.
22. Tallal P., Ross R., Curtiss S. Unexpected sex-ratios in families of language/learning-impaired children // *Neuropsychologia.* — 1989. — Vol. 27, N 7. — P. 987—998.
23. Chevrie-Muller C. Le langage de l'enfant et les tests; aspect neurophysiologique de l'acquisition du langage // *Bulletin d'Audiophonologie.* — 1979. — Vol. 4. — P. 92—127.
24. Chevrie-Muller C., Narbona J. Le langage de l'enfant. Aspects normaux et pathologiques. — Paris, 1996. — P. 435—453.

MODERN APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF ALALIA

N. S. Babieva

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)

n.s.babieva@mail.ru

The article presents an analysis of approaches to the study of such a pathology of speech development as alalia. The types of classification of speech disorders in Russian and foreign practice according to various criteria are considered. The author carries out a comparative analysis of the classification of alalia in various systems. It is concluded that the general patterns of all existing classifications of alalia in various systems are: division in terms of the etiology of disorders into primary and secondary. Secondary speech disorders are included in the overall picture of the syndrome, and primary ones are considered as a separate type of dysontogenesis. There is also a general tendency to assess the severity of a speech disorder based on the degree of delay in normal speech development. But despite attempts to classify various speech disorders based on various grounds (linguistic, physiological, etiopathogenetic, etc.), there are often difficulties in defining alalia in one category or another. This causes difficulties in the interdisciplinary interaction of specialists working with this nosology. In addition to the need to study the mechanisms and factors leading to such a disorder as alalia (developmental dysphasia), it is necessary to develop a generally accepted conceptual and categorical apparatus. Each of the presented classifications makes a huge contribution to science, moves it forward from the standpoint of its scientific approach and method.

Key words: alalia, developmental dysphasia, specific disorders of speech development, classification of speech disorders.

References

1. Benilova S. Yu. (2003) Patogeneticheskie podkhody k kompleksnomu lecheniyu narusheniy rechi u detey i podrostkov s posledstviyami organicheskogo porazheniya tsentralnoy nervnoy sistemy [Pathogenetic approaches to the combination therapy of allolalia in children and adolescents with consequences of organic lesion of central nervous system]. Textbook for doctors. Moscow: Prometey; Knigolyub, 32 p.
2. Vigel T. G. (2016) Priobretenie i raspad rechi [Acquisition and loss of speech: monograph]. Barnaul: AltGPU, 289 p.
3. Volodin N. N. (2004) Perinatalnaya meditsina: problemy, puti i usloviya ikh resheniya [Perinatal medicine: problems, ways and conditions of solution]. *Pediatrics*, (5), p. 18—23.
4. Volodin N. N., Shklovskiy V. M. (2015) Rannyya diagnostika narusheniy razvitiya rechi. Osobennosti rechevogo razvitiya u detey s posledstviyami perinatalnoy patologii nervnoy sistemy [Early allolalia diagnostics. Specifics of speech development in children with consequences of perinatal nervous system pathology]. Russian association of Perinatal specialists. Moscow.
5. Kovshikov V. A. (2006) Ekspressivnaya alaliya i metody ee preodoleniya [Expressional alalia and its prevention]. St. Petersburg: KARO, 298 p.
6. Levina R. E. (1968) Osnovy teorii i praktiki logopedii [Theory and practice of speech therapy]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Nabieva T. N., Mukhin E. I. (2003) Povedencheskaya terapiya tikov u detey s ispolzovaniem metoda otritsatel'nogo podkrepleniya [Behavior therapy of tic disorders in children by means of the method of negative reinforcement]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 103, (9), p. 59—62.
8. Nyokiktyen Ch. (2018) Detskaya povedencheskaya nevrologiya [Children's behavior neneurology. Intwo volumes. Vol. 2]. Translated from English by D. V. Ermolaev, N. N. Zavadenko, 2nd ed. Moscow: Terevinf, 336 p.
9. Reztsova E. Yu., Chernykh A. M. (2010) Sovremennye predstavleniya o faktorakh riska v genezise rechevykh rasstroystv doshkolnikov [A contemporary view of risk factors in the origin of speech defects in pre-school children]. *Novye issledovaniya*, p. 95—115.
10. Sagutdinova E. Sh., Stepanenko D. G. (2010) O klassifikatsiyakh narusheniy rechi v detskom vozraste [Classifications of defects in childhood]. *Sistemnaya integratsiya v zdravoohraneni*, 2(8), p. 32—43.
11. Traugott N. N. (1994) Kak pomoch detyam, kotorye plokho govoryat [How to help children with allolalia]. St. Petersburg.
12. Khvattsev M. E. (2009) Logopediya [Logopedy]. Moscow: VLADOS, 272 p.
13. Shabalov N. P. (2002) Detskie bolezni [Children's diseases]. St. Petersburg, 1088 p.
14. American Speech-Language Hearing Association. Definitions of communication disorders and variations. *ASHA*. 1993; 35(Suppl 10): 40—41. [PubMed].
15. Bishop D. V. M., North T., Donlan C. Genetic basis of specific language impairment: Evidence from a twin study. *Developmental Medicine and Child Neurology* 1995; 37: 56—71 [PubMed: 7828787].

16. Choudhury N., Benasich A. A. (2003) The Influence of Family History and Other Risk Factors on Language Development. *J Speech Lang Hear Res.*, V. 46(2): 261—272.
17. Gathercole S. E., Willis C., Baddeley A. D., Emslie H. (1994) The Children's Test of Nonword Repetition: a test of phonological working memory // *Memory*. Vol. 2, N 2. P. 103—127.
18. Justice L. M., Skibbe L. E., McGinty A. S., Piasta Sh. B., Petrill S. (2011) Feasibility, Efficacy, and Social Validity of Home-Based Storybook Reading Intervention for Children With Language Impairment. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*; V. 54(2); 523—538. doi.org/10.1044/1092-4388(2010/09-0151).
19. Newbury D. F., Monaco A. P. (2010) Genetic advances in the study of speech and language disorders // *Neuron*. Vol. 68, N 2. P. 309—320.
20. Stanton-Chapman T. L., Chapman D. A., Bainbridge N. L., Scott K. G. (2002) Identification of early risk factors for language impairment // *Res. Dev. Disabil.* Vol. 23, N 6. R. 390—405.
21. Stromswold K. (1998) Genetics of spoken language disorders // *Hum. Biol.*, Vol. 70, N 2. P. 297—324.
22. Tallal P., Ross R., Curtiss S. (1989) Unexpected sex-ratios in families of language/learning-impaired children // *Neuropsychologia*. Vol. 27, N 7. P. 987—998.
23. Chevrie-Muller C. (1979) Le langage de l'enfant et les tests; aspect neurophysiologique de l'acquisition du langage // *Bulletin d'Audiophonologie*. Vol. 4. P. 92—127.
24. Chevrie-Muller C., Narbona J. (1996) Le langage de l'enfant. Aspects normaux et pathologiques. Paris, p. 435—453.

**К. И. Бойкова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elstinko@mail.ru

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ»

В статье рассматриваются актуальные проблемы, в системе современного российского образования, выделенные с помощью контент-анализа государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». Раскрывается содержательная часть и современная трактовка понятий «образование», «обучение», «воспитание», «развитие» как основных категорий контент-анализа. Категории «обучение», «воспитание» и «развитие» — это три важнейших элемента в структуре образования, поэтому было необходимо раскрыть их глубину. На основе полученного в ходе анализа материала была произведена операционализация определений «образование», «обучение», «воспитание», показаны их отличительные черты, имеющие фундаментальное значение для всей работы. Указано место образования в структуре общества. Обоснована необходимость повышения качества образовательного процесса в рамках современных образовательных организаций. В заключительной фазе статьи даются рекомендации в модернизации образовательного процесса с целью повышения престижа учительской профессии.

Ключевые слова: образование, обучение, воспитание, развитие, программа, развитие образования, российское образование, система образования, качество образования, проблемы образования, педагогика, педагогические работники.

Образование является одним из наиболее существенных социальных институтов общества, имеющих фундаментальное значение в рамках государственного аппарата, помогающих обеспечению не только конкурентоспособности страны, но и расширению ее культурного, политического, экономического влияния.

Если оглянуться на прошлое России, перед нами предстанет совершенная система образования СССР, которая была признана мировым научным сообществом. Соединенные Штаты Америки и Европа были ошеломлены качеством советского образования и высочайшей квалификацией специалистов. Ученые Советского Союза были хороши в математике, физике, оптике, информационных технологиях, космонавтике, ядерной энергетике, самолетостроении и во многом другом.

В общемировом пространстве главным ресурсом становятся кадры, которые могут разрабатывать технические инновации. Современное российское образование по качеству сильно отстает от западного образования, а на технические специальности принимают абитуриентов с минимальными проходными баллами. В связи с

этим данная задача оказывается непосильной. При этом существует множество проблем в сфере образования, например, слабая материально-техническая база, вызванная недостаточным финансированием отрасли.

Стоит отметить, что «уровень грамотности взрослого населения России, к которому относятся лица в возрасте от 10 до 49 лет, умеющие читать и писать, составляет в настоящее время 99,8 %» [10, с. 234]. Кроме того, 60 % учащихся, окончивших средние общеобразовательные организации, смогли поступить в учреждения высшего образования.

Высокообразованность населения имеет непосредственную связь с творческой самореализацией, профессиональным становлением каждого отдельного человека и отражает его качество жизни. Именно поэтому важно определить, какие основные проблемы современного образования России упоминаются в тексте государственной программы «Развитие образования».

Прежде чем начать анализ программы «Развитие образования», необходимо разобраться в сущности понятий «образование»

(таблица 1), «воспитание» (таблица 2), «обучение» (таблица 3) и «развитие».

В законе об образовании Российской Федерации содержится следующее определение: «Образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [13, ст. 2].

В Большой советской энциклопедии образование определяется как «процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, а основной путь его получения — обучение в различных учебных заведениях.

Большой советский энциклопедический словарь (1989) также трактует образование как «процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру; необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры, а основной путь получения образования — обучение и самообразование» [7, с. 134].

Таблица 1

**Операционализация понятия
«образование»**

Образование — это	получение знаний
	обучение
	просвещение
	воспитание
	система знаний и идей
	освоение культуры
	профессиональная деятельность по обучению и воспитанию
	процесс коммуникации, порождающий обучение
	совокупность нематериальных духовных благ

Можно сказать, что сущность образования заключается в том, что оно обязательно должно быть связано с последовательной сменой состояний, развитием каких-либо явлений, про-

цессов, которые состоят, например, из воспитания, обучения в рамках конкретной программы. Также необходимо заметить, что образование является социальным институтом общества, подчиняющимся непосредственно государству, способному поставить цели и задачи работы, контролировать их выполнение. Образование от воспитания и обучения отличается еще и наличием компетенций, стандартизированных под среднего учащегося.

В современной России в рамках педагогики и социологии воспитание сопряжено с созданием благоприятной обстановки для формирования личности, развития духовных и нравственных качеств, с помощью в познании самого себя.

Таблица 2

**Операционализация понятия
«воспитание»**

Воспитание — это	влияние окружающей среды
	стихийная социализация
	целенаправленное влияние общества
	становление члена общества
	развитие личности человека
	обретение адекватного культуре образа
	развитие ценностных ориентаций (уважение к старшему поколению, бережное отношение к природе, культуре и т. д.)
	развитие конкретных личностных качеств (чувство патриотизма, гражданственности)
	создание условий для самоопределения
образование	

Довольно глубокое понятие «воспитание» дается в пункте 2 Федерального закона об образовании (редакция от 31 июля 2020 года): «Воспитание — деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного от-

ношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [13, ст. 2].

В законе об образовании также сформулировано понятие «обучение». Оно определяется как «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» [13, ст. 2].

Существует множество педагогических трудов известных ученых, в которых обучение представлено в роли одного из важных элементов и средств воспитательного процесса. Такой точки зрения придерживается Н. Е. Щуркова. Она отмечает, что «границы воспитания расширяются и включают в свое содержание обучение и образование в качестве средства воспитания» [12, с. 124].

Также в научном сообществе присутствует и противоположное мнение, заключающееся в обособлении обучения от воспитания. Данную тенденцию можно проследить в законе об образовании, в котором дается определение и обучения, и воспитания. Таким образом, можно сделать вывод, что на федеральном уровне в России придерживаются мнения, что оба этих термина равноуровневые, имеют одинаковый вес.

Бондаревская Е. В. и С. В. Кульневич подчеркивают равнозначность этих понятий, но отмечают, что специфика обучения имеет ряд отличий и сосредоточена в первую очередь на развитии «опыта понимания научных и человеческих ценностей и явлений окружающего мира» [2, с. 40]. По их мнению, в обучении присутствуют воспитательные функции, но из-за того, что эти категории являются равноценными, заменить одну из них не представляется возможным. Они считают, что с помощью обучения и воспитания происходит процесс образования, главной целью которого становится развитие человека.

Поэтому необходимо отметить, что главным отличием обучения становится нацеленность на формирование у людей знаний, умений и навыков. Обучение есть базовый элемент, который также важен для становления личности, тогда как воспитание влияет на саму структуру личности человека и более ориентировано на развитие личностных качеств, связанных с мотивами и потребностями, ценностными ориентациями и идеалами, присущими людям. Но жизнь показы-

вает, что отличные знания не могут сделать из плохого человека хорошего, из непорядочного гражданина добропорядочного.

Таблица 3

**Операционализация понятия
«обучение»**

Обучение — это	развитие опыта личности
	развитие знаний
	развитие умений (компетенций)
	развитие навыков
	развитие привычек
	развитие творческих способностей
	развитие нравственных взглядов
	развитие этических взглядов
	путь получения образования
	передача общественно-исторического опыта
	передача социального опыта

В педагогической науке фундаментальным значением обладает понятие «развитие», которое в широком смысле понимается как процесс. В узком смысле развитие — это передовые преобразования, способствующие упорядочению всех этапов формирования человека, включая дифференциацию и организацию. Развитием также называют итог взаимодействия социальной обстановки, окружающей ребенка, с его внутренними природными силами.

Развитие является важнейшей частью в образовательной деятельности России. Данный термин характеризуется:

- позитивным характером прогресса;
- повышением результативности действия прогресса, а также его усовершенствованием, ведущим к усложнению;
- количественными и качественными преобразованиями личности человека, самим процессом и результатом этих изменений;
- переходом качественных преобразований в количественные, а количественных — в качественные;
- непрерывными метаморфозами, связанными с переходом от простого к сложному;
- сохранением характеристик прогрессирующего объекта во время введения в его жизнедеятельность различных инноваций;
- созданием благоприятной обстановки для формирования человеческой личности;
- преемственностью образовательного процесса;

- совершенствованием личности и образования с помощью устройств развития;
- трансформацией системы образования в эффективный фактор формирования социума;
- воспитанием широты и глубины развития.

ПРОТОКОЛ ИТОГОВ АНАЛИЗА

Объектом анализа стала государственная программа «Развитие образования», действующая на территории Российской Федерации до 2030 года, а выборкой — полный текст этой программы без приложений. Контент-анализ был проведен с использованием категорий, в качестве которых были определены слова «образование», «воспитание», «обучение», «развитие», «педагогические работники».

Было выявлено, что чаще всего встречается категория «образование», которая в общей сложности упоминается 232 раза. Наиболее частыми единицами счета являлись словосочетания «образовательные организации» (25), «среднее профессиональное образование» (23), «общеобразовательные организации» (18), «развитие образования» (17), «качество образования» (15), «образовательные программы» (12) (рисунок 1).

Несколько реже встречались словосочетания «сфера образования» (10), «среднее общее образование» (10), «дошкольное образование» (9), «дополнительное образование» (9), «основное общее образование» (8), «начальное общее образование» (6), «образовательная деятельность» (6), «высшее образование» (5), «образовательные стандарты» (5), «проект "Образование"» (5), «цифровая образовательная среда» (4), «система образования» (4), «доступность дошкольного образования» (3), «общедоступное образование» (3), «эффективность образования» (2), «цифровое образование детей» (2), «безопасная цифровая образовательная среда» (2), «выпускники образовательных организаций» (2), «инклюзивное образование» (2), «образовательные центры» (2).

Следующие индикаторы встречались в тексте не более одного раза: «доступность общего образования», «инфраструктура общего образования», «получение общего образования», «доступность образования иностранцам», «доступность дополнительного образования», «потенциал дополнительного образования», «цифровой образовательный контент», «цифровая трансформация образования», «единство образовательного пространства», «участники образовательных отношений», «гражданское образование», «дефектологическое образование»,

«семейное образование», «отечественное образование», «право на образование», «образовательные потребности», «образовательные возможности», «аккредитация образовательных программ», «образовательная политика», «приоритеты образования», «мероприятия образовательного характера», «образовательное единство народов», «популяризация российского образования».

Согласно полученным данным, чаще всего упоминалось среднее профессиональное образование, тогда как высшее образование практически выпало из поля зрения составителей программы. Можно сделать вывод, что авторы программы озабочены проблемами СПО больше, чем высшего образования (рисунок 2).

Также интересно посмотреть место цифрового образования в данной программе. Так, чаще всего упоминаются «цифровая образовательная среда» (4), «цифровое образование детей» (2), «безопасная цифровая образовательная среда» (2). Реже: «цифровая трансформация образования», «цифровой образовательный контент» (рисунок 3).

Категория «обучение» состоит из 23 упоминаний. В программе «Развитие образования» данная единица анализа не имела достаточного количества зафиксированных повторений: «поступление на обучение» (4), «численность обучающихся» (3), «обучающиеся с ОВЗ» (2), «традиционные формы обучения» (2), «профорентация обучающихся» (2).

Наиболее редкие индикаторы: «ценности обучающихся» (1), «смены обучения» (1), «эффективное обучение» (1), «иностранцы, обучающиеся в России» (1), «обучающиеся, занимающиеся спортом» (1), «дуальная модель обучения» (1), «охват обучающихся» (1), «дистанционное обучение» (1), «индивидуальные достижения обучающихся» (1), «профессиональное обучение» (1).

Категория «воспитание» является менее распространённой по общему количеству упоминаний (11). В тексте программы повторно упоминается только словосочетание «патриотическое воспитание» в довольно незначительном количестве (2).

В единичном экземпляре встречаются «процесс воспитания», «система воспитания», «воспитание обучающегося», «единое воспитательное пространство», «физическое воспитание», «практики воспитания», «рабочие программы воспитания», «календарные планы воспитательной работы», «воспитание молодежи».

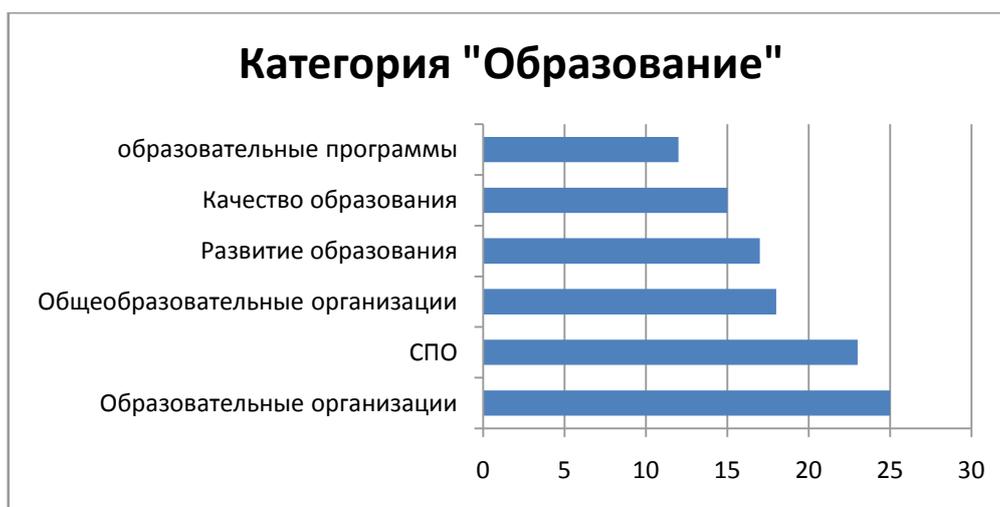


Рисунок 1. Наиболее частые единицы анализа категории «образование»

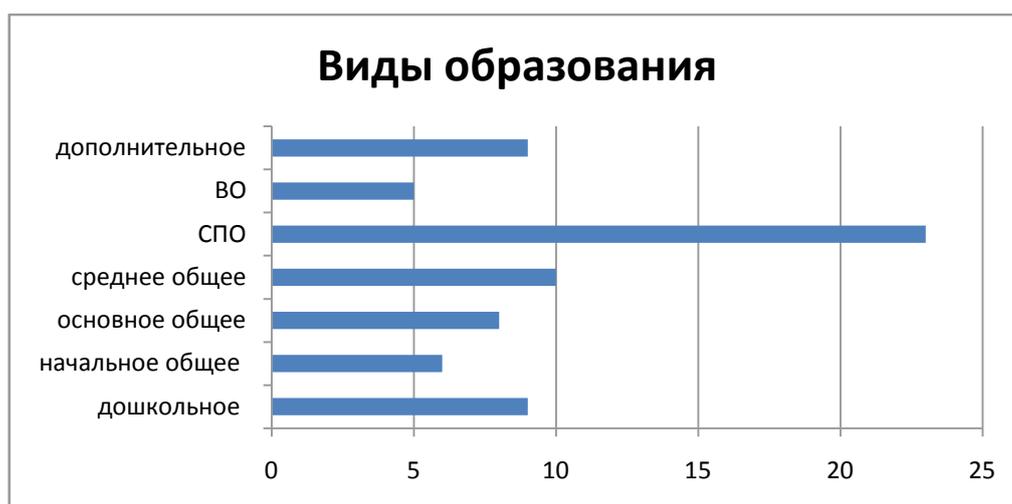


Рисунок 2. Частота упоминаний видов образования в рамках категории «образование»

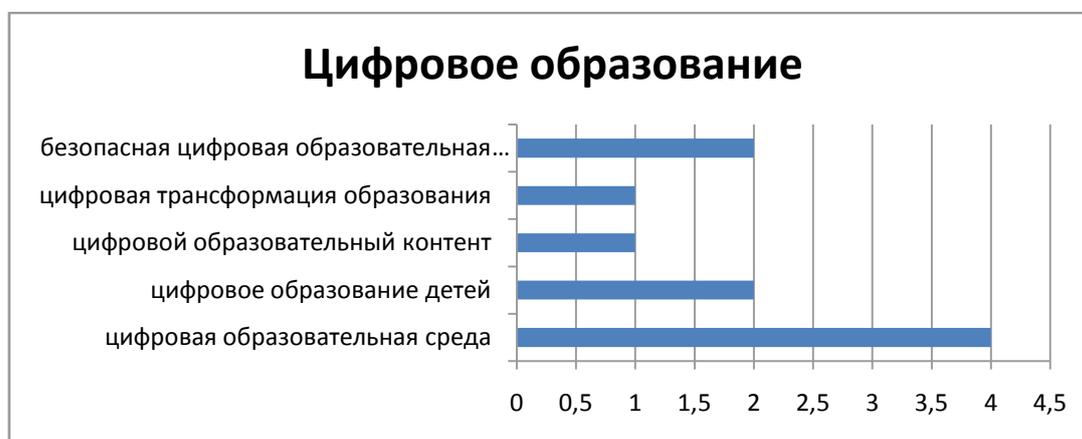


Рисунок 3. Частота упоминаний цифрового образования в рамках категории «образование»

Что касается категории «развитие» (56), то особенно часто в тексте документа появлялись фразы «развитие образования» (17), «развитие способностей детей» (7), «социально-экономическое развитие страны» (5), «развитие способностей молодежи» (5), «развитие кадрового обеспечения» (2), «развитие дополнительного образования детей» (2), «развитие образовательных организаций» (2).

Единичные упоминания: «развитие этнокультурных особенностей», «развитие инклюзивного образования», «развитие обучающихся», «развитие талантов», «развитие Северо-Кавказского округа», «развитие сельских территорий», «развитие квалификаций», «профессиональное развитие», «развитие инфраструктуры», «развитие добровольчества», «физическое развитие», «умственное развитие», «развитие компетенций», «развитие русских школ за рубежом», «развитие субъектов РФ», «развитие изучения русского языка за рубежом».

Частота упоминаний категории «педагогические работники» равна 36. Чаще всего в тексте появляются такие индикаторы, как «педагогические работники» (8), «молодой педагог» (3), «квалификация педагогов» (3), «престиж учительской профессии» (3), «оплата труда педагогов» (2), «эффективность работы учителя» (2), «учитель» (2), «подготовка рабочих кадров» (2), «педагог-наставник» (2).

Также упоминаются следующие словосочетания: «дефицит квалифицированных кадров» (1), «новые учителя» (1), «производительность труда учителя» (1), «учителя предпенсионного

возраста» (1), «учителя пенсионного возраста» (1), «педагог-методист» (1), «поддержка педагогов» (1), «педагогические технопарки» (1), «подготовка будущих учителей» (1).

На рисунке 4 можно наглядно увидеть рейтинг всех представленных категорий анализа. Так, «образование» с большим отрывом опережает все остальные категории (232), «развитие» (56) в программе появляется несколько чаще «воспитания» (11) и «обучения» (23), а «педагогические работники» упоминаются 36 раз.

Таким образом, в программе «Развитие образования» поднимается множество социально значимых проблем современного образования. Одной из них является качество предоставляемого образования, а также его независимая оценка, которая осложняется тем, что сейчас отсутствует единая интерпретация ключевых понятий, связанных с данной проблемой. Также, несмотря на обилие различных методик, с помощью которых можно дать оценку качества образования, до сих пор не существует объединенной, понятной инструкции, применяемой по всей территории Российской Федерации в целом, раскрывающей необходимые аспекты и критерии оценки качества образования.

Качество образования напрямую зависит от престижа учительской профессии, интеграции молодых педагогов в образовательный процесс, квалификации педагогов, оплаты труда и эффективности работы педагогов.

Все эти единицы анализа имеют непосредственную связь с благополучием педагогических работников.



Рисунок 4. Общий рейтинг категорий анализа по частоте упоминаний

Статус педагогических работников во многом подвергся девальвации из-за низкой оплаты труда. В связи с этим в педагогические университеты чаще всего поступают люди, которые никуда более поступить не смогли. При этом далеко не каждый получивший высшее педагогическое образование идет работать учителем в школу. Поэтому школы наводнили неквалифицированные педагоги, идущие в школу не по призванию, готовые трудиться за недостаточно высокую зарплату. Опросы ВЦИОМ показывают: 55 % респондентов считают, что маленькая заработная плата — это то, из-за чего молодежь не желает работать в школе.

Кроме того, по этой же причине учителя вынуждены взваливать на себя работу одновременно на нескольких ставках, что снижает уровень подготовленности к учебным занятиям. В подобных условиях невозможно уделять время воспитательному процессу. Все это делает педагогическую деятельность неэффективной и приводит не к повышению производительности труда, а, наоборот, к его понижению. Данное обстоятельство, так или иначе, отражается как на качестве образования, так и на престиже учительской профессии. Согласно данным, предоставленным ВЦИОМ, каждый 10-й опрошенный не считает профессию «педагог» престижной.

Стоит отметить, что работа педагогом в школе идет рука об руку с громадной ответственностью и психоэмоциональными переживаниями, что также может отпугивать молодых специалистов, привлечение которых возможно с помощью моральной мотивации, повышения оплаты труда.

В качестве меры повышения квалификации педагогических работников в программе выдвигается предложение о необходимости определить единые квалификационные требования, применяемые при приеме на работу молодых неопытных педагогов. А также дать возможность опытным учителям предпенсионного и пенсионного возраста наставлять молодых специалистов, делиться с ними богатым опытом.

Престиж учительской профессии, как и почтительное отношение к педагогам, формируется в умах людей еще со школьной скамьи. Позитивный и негативный опыт отношений «учитель — ученик» остается с человеком на долгие годы после окончания общеобразовательной школы. Негативный опыт может подтолкнуть ученика возненавидеть и саму профессию учителя. Следовательно, важно не просто не допускать неквалифицированных педагогов до преподавания в учебных учреждениях, а вы-

являть профнепригодных до принятия на работу. Стоит обращать внимание и на психологическое здоровье будущих учителей.

Популярностью среди детей будет пользоваться не тот учитель, который знает в совершенстве свой предмет, владеет передовыми педагогическими методиками, а в первую очередь добрый и отзывчивый человек, способный не только научить, но и понять, помочь в любой жизненной ситуации, а также заинтересовать в преподаваемой дисциплине.

Улучшение качества образовательного процесса необходимо начинать с работы над профессионализмом школьных учителей, предоставления им в пользование современных средств обучения, создания благоприятной обстановки, в которой педагогическая деятельность будет наиболее эффективной.

Высокопрофессиональный педагог способен применить новые педагогические технологии и инновации максимально результативно, тогда как в руках непрофессионального педагога те же самые технологии не принесут абсолютно никакой пользы.

Еще с начальной школы необходимо прививать детям любовь к профессии учителя, вычленять заинтересованных детей из общей массы и развивать их таланты и способности, а затем уже в старших классах направлять в специально созданные профильные классы по педагогике, которые помогут ученикам получить общие знания, умения и навыки. А также, возможно, попробовать себя в роли учителя или его помощника. После этого нужно постараться убедить данных учеников поступить в педагогический университет и вернуться в школу в роли учителя-профессионала.

В программе прослеживается озабоченность дефицитом учителей, в частности, в сельской местности. Эту тему упоминают в научных статьях многие авторы, которые предлагают вернуться к обязательному распределению студентов, обучающихся за счет бюджетных средств, в школы, чтобы предотвратить преподавание одним и тем же педагогом нескольких не схожих по своей сути предметов.

В программе наблюдается тенденция к цифровой трансформации образования, использованию на практике безопасного цифрового образовательного контента. Цифровизация образовательного процесса и внедрение инновационных технологий в обучение также влияет на повышение качества образования. Она способна в корне перестроить организационные принципы образовательных учреждений.

Цифровизация учебных учреждений может помочь привлечь молодых специалистов, так как повысит их самореализацию и удовлетворённость работой, сделает ее удобной для современного человека. Инновации в образовательном процессе связаны с изменениями структуры образовательного контента, его цифровизацией, созданием новых цифровых образовательных программ.

Составители программы также озабочены популяризацией российского образования, русского языка, русских школ за рубежом, привлечением иностранных студентов в образовательные учреждения нашей страны. Это имеет большое значение, так как интеграция образования России в общемировую систему поможет обеспечить котируемость российских дипломов за рубежом. Достижение подобного результата реально, если российское образование станет

престижнее и качественнее, а ответственные за это люди обратят внимание в первую очередь на содержание образовательного процесса.

В программе также делается акцент на доступности всех видов образования, включая дополнительное.

В современном мире представления о престижности и статусности профессий являются главным основанием при выборе образовательного учреждения, специальности. Именно поэтому очень важно заняться повышением престижа учительской профессии, увеличением финансирования сферы образования, привлечением высококвалифицированных специалистов, применением современных педагогических технологий в образовательном процессе, созданием обстановки, способствующей интеграции образования России в общемировую систему образования.

Литература

1. Безрукова В. С. Педагогика. Проективная педагогика / В. С. Безрукова. — Екатеринбург : Деловая книга, 1996. — 344 с.
2. Бондаревская Е. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания : учебное пособие для студентов средних и высших учебных заведений, слушателей ИПК и ФПК / Е. В. Бондаревская, С. В. Кульневич. — Ростов н/Д. : Творческий центр «Учитель», 1999. — 560 с.
3. Глебова М. В. Умственное воспитание школьников: содержательные аспекты / М. В. Глебова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 3. — С. 130—145. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umstvennoe-vospitanie-shkolnikov-soderzhatelnye-aspekty>.
4. Губарев В. Системное представление качества образования / В. Губарев // Стандарты и качество. — 2002. — № 4.
5. Гусейнов А. А. Образование, обучение, воспитание / А. А. Гусейнов // Ведомости. — 2005. — № 26. — С. 88—102. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-obuchenie-vospitanie>.
6. Джамалудинов Г. Образование — это и воспитание / Г. Джамалудинов // Высшее образование в России. — 2004. — № 9. — С. 115—118. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9573876>.
7. Паевская С. Л. Сущность понятия «образование» — исторический и правовой аспекты / С. Л. Паевская // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 4. — С. 134—136. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-obrazovanie-istoricheskij-i-pravovoy-aspekty>.
8. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад ; ред. кол. М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. — Москва : БРЭ, 2003. — 528 с.
9. Пеструилов А. С. Соотношение правового воспитания с иными смежными явлениями / А. С. Пеструилов // Общество и право. — 2020. — № 3(73). — С. 117—121. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44007423>.
10. Российский статистический ежегодник. 2010 : стат. сб. / Росстат. — Москва, 2010.
11. Старикова Л. Д. О соотношении понятий «воспитание» и «обучение» / Л. Д. Старикова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2010. — № 1. — С. 194—202. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13920985>.
12. Степанов П. В. Понятие «воспитание» в современных педагогических исследованиях / П. В. Степанов // Сибирский педагогический журнал. — 2017. — № 2. — С. 121—129. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vospitanie-v-sovremennyh-pedagogicheskikh-issledovaniyah>.
13. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a.

14. Холодная М. А. Интеллектуальное воспитание личности в условиях современного школьного образования / М. А. Холодная // Современная психология / под ред. В. Н. Дружинина. — Москва : ИНФРА-М, 1999. — С. 668—680.
15. Щуркова Н. Е. Новое воспитание / Н. Е. Щуркова. — Москва : Педагогическое общество России, 2000. — 132 с.

CONTENT ANALYSIS OF THE STATE PROGRAM OF THE RUSSIAN FEDERATION "EDUCATION DEVELOPMENT"

K. I. Boykova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

elstinko@mail.ru

The article deals with the actual problems that exist in the system of modern Russian education, identified by means of content analysis of the state program of the Russian Federation "Education Development". The article reveals the content and modern interpretation of the concepts: "education", "training", "development", as the main categories of content analysis. Categories: "training", "education" and "development" are the three most important elements in the structure of education, so it was necessary to reveal their depth. On the basis of the material obtained during the analysis, the definitions were operationalized: "education", "training", "education", their distinctive features, which are of fundamental importance for the entire work, are shown. The author indicates the place of education in the structure of society. The necessity of improving the quality of the educational process within the framework of modern educational organizations is substantiated. In the final phase of the article, recommendations are given for the modernization of the educational process in order to increase the prestige of the teaching profession.

Key words: education, training, upbringing, development, program, development of education, Russian education, education system, education quality, education problems, pedagogy, teaching staff.

References

1. Bezrukova V. S. (1996) *Pedagogika. Proektivnaya pedagogika* [Pedagogy. Projective Pedagogy]. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 344 p.
2. Bondarevskaya E. V., Kulnevich S. V. (1999) *Pedagogika: lichnost v gumanisticheskikh teoriyakh i sistemakh vospitaniya* [Pedagogy: personality in humanistic theories and education systems: textbook]. Rostov-on-Don: Creative Center "Uchitel", 560 p.
3. Glebova M. V. (2014) *Umstvennoe vospitanie shkolnikov: soderzhatelnye aspekty* [Mental education of schoolchildren: educational aspects]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, (3), p. 130—145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umstvennoe-vospitanie-shkolnikov-soderzhatelnye-aspekty>.
4. Gubarev V. (2002) *Sistemnoe predstavlenie kachestva obrazovaniya* [System representation of the quality of education]. *Standarty i kachestvo*, (4).
5. Guseynov A. A. (2005) *Obrazovanie, obuchenie, vospitanie* [Education, training, upbringing]. *Vedomosti*, (26), p. 88—102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-obuchenie-vospitanie>.
6. Jamaludinov G. (2004) *Obrazovanie et oi vospitanie* [Education and upbringing]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, (9), p. 115—118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9573876>.
7. Paevskaya S. L. (2014) *Suschnost ponyatiya "Obrazovanie": istoricheskiy i pravovoy aspekty* [The essence of the concept of "Education" historical and legal aspects]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, (4), p. 134—136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-obrazovanie-istoricheskiy-i-pravovoy-aspekty>.
8. Bezrukih M. M., Bolotov V. A., Glebova L. S. (2003) *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Pedagogical encyclopedic dictionary]. Moscow: BRE, 528 p.
9. Pestruilov A. S. (2020) *Sootnoshenie pravovogo vospitaniya s inymi smezhnymi yavleniyami* [Correlation of legal education with other related phenomena]. *Obschestvo i parvo*, 3(73), p. 117—121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44007423>.
10. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian statistical yearbook]. 2010: Stat. Rosstat. Moscow, 2010.
11. Starikova L. D. (2010) *O sootnoshenii ponyatiy "vospitanie" i "obuchenie"* [On the relationship between the concepts of "education" and "training"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (1), p. 194—202. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13920985>.

12. Stepanov P. V. (2017) Ponyatie "vospitenie" v sovremennykh pedagogicheskikh issledovaniyakh [The concept of "Education" in modern pedagogical research]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, (2), p. 121—129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vospitanie-v-sovremennyh-pedagogicheskikh-issledovaniyah>.
13. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on December 30, 2021) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a.
14. Kholodnaya M. A. (1999) *Intellectualnoe vospitanie lichnosti v usloviyakh sovremennogo shkolnogo obrazovaniya* [Intellectual education of personality in the conditions of modern school education]. *Sovremennaya psikhologiya*. Moscow: INFRA-M, p. 668—680.
15. Schurkova N. E. (2000) *Novoe vospitanie* [New education]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 132 p.



Е. С. Денисенко

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
elizaveta.one@yandex.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВИТИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ

В статье исследуется проблема формирования орфографических умений, рассматриваются условия и закономерности нормативного развития языковой системы. На основе теоретико-методологического анализа сделаны выводы о том, что наиболее значимым условием формирования языковых обобщений, которые представляют собой основу для усвоения орфографических правил, является уровень развития симультанного, т. е. одномоментного, и сукцессивного — последовательного анализа и синтеза. Также сделаны выводы о том, что для успешного овладения орфографическими правилами детям необходима целенаправленная организация мыслительного процесса, т. е. высокий уровень развития симультанного и сукцессивного анализа и синтеза, а также сформированность всех сторон речи: фонетико-фонематического, лексико-грамматического и синтаксического строя.

Ключевые слова: психолингвистическая характеристика, орфографические умения, языковая система, мыслительный процесс.

Орфографические принципы — это основания для определения правильного написания морфем / слов, обобщение правил русского языка. Каждая категория правил основывается на конкретном принципе языковой системы и является реализацией данного принципа на практике. Орфографические принципы необходимы для сохранения языковых законов, единообразного написания слов.

Орфографические умения представляют собой систему ассоциаций, формирование которой происходит при успешном освоении комплекса знаний и последующем применении его в письменной речи. Данный процесс является и интеллектуальным, и речевым. Основываясь на устной речи, орфографические умения включаются в письменную речевую деятельность. По данным исследователей, ребенком должны быть усвоены на высоком уровне фонетико-фонематическая и лексико-грамматическая стороны речи, сформированы когнитивные предпосылки: мыслительные операции абстрагирования и обобщения, анализа и синтеза языковых конструкций с учетом их семантики (Б. Г. Ананьев, Д. Н. Богоявленский, А. Н. Гвоздев, С. Ф. Жуйков, М. Р. Львов, М. С. Рождественский и др.) [7].

К наиболее значимым предпосылкам формирования орфографических навыков относятся степень развития лексики, а именно объем словаря, уровень понимания смысловых связей,

сформированность грамматического строя речи (словообразование, словоизменение, навыки построения различных моделей предложения).

Развитие орфографических навыков происходит по тем же закономерностям, что и автоматизация любого навыка. По определению С. Л. Рубинштейна [10], навык — это автоматизированный компонент сознательной деятельности человека, который является частью какой-либо целенаправленной активности человека как способ достижения этой деятельности. Становление навыков происходит на основе умений, а умения, закрепляясь, становятся навыками. Прежде всего дети обучаются выполнению частных операций, затем в процессе формирования навыка частные операции становятся автоматизированными действиями [8, 9].

Орфографические умения строятся на основе таких базовых навыков и умений, как:

- навык реализации графем;
- навык звукобуквенного и слогового анализа и синтеза;
- умение проводить разбор слова по составу и выделять в слове орфограмму, проверка которой необходима;
- умение соотнесения орфограммы и соответствующего ей правила и др.

Так, подбирая проверочное слово, учащемуся необходимо выполнить алгоритм правила, провести операции словоизменения и словооб-

разования, для этого ребенок должен знать как значение проверяемого слова, так и проверочного слова [1].

Для детей младшего школьного возраста характерно конкретно-образное мышление, т. е. мыслительный процесс осуществляется при помощи конкретных объектов или наглядных образов, представлений. Только ближе к подростковому периоду у детей постепенно начинают формироваться предпосылки отвлеченного мышления, включающего в себя оперирование собственно понятиями. В связи с этим у учащихся младших классов самостоятельная познавательная деятельность не сформирована полностью, поэтому для успешного овладения орфографическими правилами детям необходима целенаправленная организация мыслительного процесса. Для ребенка важно овладеть алгоритмом правила и обучиться самостоятельно применять его на практике. Алгоритмы орфографических правил состоят из нескольких этапов, количество которых зависит от типа изучаемого правила [5, 6].

Наиболее значимое условие формирования языковых обобщений, являющихся основой для усвоения орфографических правил, — это уровень развития симультанного, т. е. одномоментного, и сукцессивного, т. е. последовательного,

анализа и синтеза. Так, симультанный анализ необходим при проверке безударной гласной в корне для сравнения проверочного и проверяемого слова. Процесс сукцессивного анализа и синтеза необходим, например, при написании словоформы для последовательного сопоставления звучания слова и его правильного написания [2].

Уровень владения правилами русского языка характеризуется способностью к переводу «внешних» орфографических алгоритмов в умственный план [4]. Процесс интериоризации происходит в несколько этапов: вначале ребенок, выполняя упражнение, повторяет вслух формулировку правила, затем называет вслух все шаги, которые ему необходимо выполнить, чтобы применить правило, и, наконец, ребенок начинает проводить все операции, используя только внутреннюю речь.

Таким образом, успешное развитие орфографических навыков неразрывно связано со степенью понимания и осознания учащимися характеристик слова как единицы языка, необходим высокий уровень развития всех сторон речевой системы: фонетико-фонематического, лексико-грамматического, синтаксического строя, а также сформированность мыслительных операций.

Литература

1. Алгазина Н. Н. Формирование орфографических навыков / Н. Н. Алгазина. — Москва, 1987.
2. Бабайцева В. В. Принципы русской орфографии / В. В. Бабайцева // РЯШ. — 2009. — № 3. — С. 33—39.
3. Богоявленский Д. Н. Психология усвоения орфографии / Д. Н. Богоявленский ; АПН РСФСР. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Просвещение, 1966. — 307 с. — Библиогр.: с. 299—306.
4. Гальперин П. Я. Введение в психологию : учебное пособие для вузов / П. Я. Гальперин. — Москва : Книжный дом «Университет», 1999. — 332 с.
5. Глухов В. П. Основы психолингвистики : учебное пособие для студентов педвузов / В. П. Глухов. — Москва : АСТ : Астрель, 2005. — 351 с.
6. Граник Г. Г. Секреты орфографии / Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая. — 2-е изд. — Москва, 1994.
7. Лалаева Р. И. Выявление дизорфографии у младших школьников / Р. И. Лалаева, И. В. Прищепова. — СПб. : СПбГУПМ, 1999. — 36 с.
8. Рамзаева Т. Г. Орфографический навык и методические условия его формирования / Т. Г. Рамзаева // Начальная школа. — 1976. — № 8. — С. 24—29.
9. Рамзаева Т. Г. Методика обучения русскому языку в начальных классах : учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика начального обучения» / Т. Г. Рамзаева, М. Р. Львов. — М. : Просвещение, 1979. — 431 с., ил.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Москва [и др.] : Питер, 2012. — 705 с.

PSYCHOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF DEVELOPMENT SPELLING SKILLS IN CHILDREN

E. S. Denisenko

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)

elizaveta.one@yandex.ru

The article studies the processes of formation of spelling skills, as well as the conditions and patterns of the normative development of the language system. Based on the theoretical and methodological analysis, it was concluded that the most significant condition for the formation of linguistic generalizations, which are the basis for mastering spelling rules, is the level of development of simultaneous, i. e., one-step, and successive — sequential analysis and synthesis. Analysis of the literature showed that for the successful mastery of spelling rules, children need a purposeful organization of the thinking process, i. e. a high level of development of simultaneous and successive analysis and synthesis, as well as the formation of all aspects of speech: phonetic-phonemic, lexical-grammatical, syntactic structure.

Key words: psycholinguistic characteristics, spelling skills, language system, thought process.

References

1. Algazina N. N. (1987) Formirovanie orfograficheskikh navykov [Formation of spelling skills]. Moscow.
2. Babaytseva V. V. (2009) Printsipy russkoy orfografii [Principles of Russian spelling]. RYASH, (3), p. 33—39.
3. Bogoyavlensky D. N. (1966) Psikhologiya usvoeniya orfografii [Psychology of mastering spelling]. APN RSFSR, 2nd ed., rev. and add. Moscow: Prosveschenie, p. 299—306.
4. Halperin P. Ya. (1999) Vvedenie v psikhologiyu [Introduction to Psychology: Textbook for Universities]. Moscow: Book House "Universitet", 332 p.
5. Glukhov V. P. (2005) Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics: Textbook manual for students of pedagogical universities]. Moscow: ACT: Astrel, 351 p.
6. Granik G. G., Bondarenko S. M., Kontsevaya L. A. (1994) Sekrety orfografii [Secrets of spelling]. Moscow.
7. Lalaeva R. I., Prischepova I. V. (1999) Vyyavlenie disorfografii u mladshikh shkolnikov [Revealing dysorphography in younger schoolchildren]. St. Petersburg: SPbGUPM, 36 p.
8. Ramzaeva T. G. (1976) Orfograficheskiy navyk i metodicheskie usloviya ego formirovaniya [Spelling skill and methodological conditions for its formation]. Nachalnaya shkola, (8), p. 24—29.
9. Ramzaeva T. G., Lvov M. R. (1979) Metodika obucheniya russkomu yazyku v nachalnykh klassakh [Methods of teaching the Russian language in primary grades: Textbook. manual for ped students. in-tov on specials. N 2121 Pedagogy and methodology of early training]. Moscow: Prosveschenie, 431 p.
10. Rubinsteyn S. L. (2012) Osnovy obschey psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Piter, 705 p.

**А. В. Добрецов**

ГБУДО г. Москвы
«МГДМШ имени
И. О. Дунаевского»
(г. Москва, Россия)
andr-dob@mail.ru

**FASHION МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье выявляются проблемы духовного кризиса современного ребёнка, сложности восприятия классической музыки и рассматривается первая ступень современного музыкального образования — ДМШ и ДШИ. Привлекается внимание к поднятию Fashion (имиджа) музыкального образования и воспитанию детей и подростков на классической музыке, проводится анализ причин изменения отношения к классической музыке и современному музыкальному образованию. Предлагаются пути популяризации обучения детей в ДМШ и ДШИ, что в дальнейшем повлияет на нравственные ориентиры юных музыкантов — будущее нашей страны.

Ключевые слова: Fashion музыкального образования, современное общество, классическая музыка, духовный кризис, преподаватель, концертмейстер, дети и подростки, детская музыкальная школа, детская школа искусств.

Мстислав Ростропович сказал: «Между жизнью и смертью нет ничего, кроме музыки... Музыка — это исцеление. Музыка зажигает факел добра и может переустроить, усовершенствовать мир» [11].

Музыка шла рядом с человечеством из века в век, из эпохи в эпоху... Она обогащает восприятие человеком окружающего мира и заполняет его разными звуками. Музыка доступна человеку еще до его рождения, он слышит её в утробе матери. Она образует целый мир в его жизни. Вместе с ним музыка растёт, становится богаче и насыщеннее. Она оказывает влияние на его характер, поступки и облик. Ведь музыка бывает весёлой и шуточной, грустной и враждебной, а иногда она волшебная и таинственная [4, с. 1]. И для ребёнка музыка способна открыть завесу над чудесами, в которые он так хочет верить. Она дарит вдохновение, развивает эстетические качества и будит творческие способности человека. Немецкий поэт Иоганн Людвиг Тик сказал о музыке так: «Без музыки земля — пустой, недостроенный дом, в котором никто не живёт» [2].

Музыкальное образование сейчас, как и несколько столетий назад, основано на классической музыке, которая является самой сложной по своему содержанию. Само слово «классика» происходит от латинского *classicus* и означает «образцовый». Восприятие ребёнком классической музыки можно считать определённым видом его музыкальной деятельности. В большинстве слу-

чаев, употребляя определение «классическая», мы говорим про музыку, которая прошла испытание временем и которая даже в нашем современном обществе имеет свою аудиторию. Классические музыкальные произведения поразительны по своей форме и грандиозны по внутреннему содержанию. В XXI веке интерес к обучению музыке и формированию духовного влияния на психику ребёнка резко возрос во всём мире. Медики, психологи и педагоги-музыканты стараются донести до людей важность музыкального образования для культурной жизни общества.

В современном, динамично меняющемся мире перед музыкальным образованием стоит много задач. Самым первым и важным звеном в образовании обозначены ДМШ и ДШИ. Основная их задача — дать правильное эстетическое воспитание детям, всеми силами способствовать тому, чтобы вокруг созидалась нравственная и воспитывающая среда, и сформировать у детей целостное истинное мировоззрение, так как в их руках будущее нашей страны. Иначе и быть не может, ведь именно с качественного образования начинается формирование культурного общества в том виде, в каком оно сложится через десять, двадцать, тридцать лет. И от того, какие основы, образовательные и нравственные, будут заложены в детей сейчас, зависит и наше с вами будущее, и будущее следующих поколений.

В советское время сформировалась трехуровневая модель подготовки творческих кад-

ров: музыкальная школа, музыкальное училище и консерватория. Эта система признана всем мировым профессиональным сообществом, и именно она стала основой исполнительского искусства [5, с. 1].

Как правило, в обыденности занятия музыкой ассоциируются с долгими часами игры на инструменте, разучиванием нудных гамм, арпеджио и неинтересных классических произведений. Но жизнь и общество современного мира меняются так стремительно, что постоянно возникает потребность в новых идеях и подходах в сфере музыкального образования. Раньше получить музыкальное образование было очень престижно. Советская система музыкального образования считалась лучшей в мире, да и сейчас она не уступает пальму первенства.

Существовала целая система музыкального образования, которая в силу стабильности рынка труда не давала сбоев, трудоустроены были все. А это не только музыкальные школы, училища и консерватории, это оркестры, хоровые студии, клубы, самоокупаемые кружки, эстрада, музыканты, работающие в ресторанах. На престиж музыкального образования влияли многие факторы. Хорошая зарплата преподавателя музыкальной школы, музыканта оркестра и ансамбля не уступала зарплате инженера. Свободный график работы тоже был немаловажен и играл большую роль. Не каждый мог себе позволить купить дорогой инструмент, родители даже брали музыкальный инструмент в кредит. Статус общего и культурного образования родителей учеников был также высок.

Последние тридцать лет перевернули всё с ног на голову. То, что имело ценность тогда, сейчас обесценилось. В обществе как бы произошло изменение ориентиров ценностей. Музыкальное образование и культура уступили своё место прагматичности и низкосортной музыке и культуре. Музыкальное образование стало непривлекательным, сейчас отдают предпочтение экономике, финансам, менеджменту и т. д. Массовая продукция сейчас теснит художественную литературу, кинематограф, классическую музыку.

Популярная музыка, как выяснилось, более приспособлена к современному обществу. Но она низкая по качеству и смысловой нагрузке. Из этого сразу вытекает утрата способности сопереживать, потеря чувства прекрасного и, как следствие, духовный кризис, утверждение в обществе культа потребления, быстрое распространение продукта массовой культуры, которая не соответствует эстетическим нормам. И, есте-

ственно, классическая музыка вместе с музыкальным образованием представляется современному человеку чем-то старомодным и враждебным.

Быть хорошим классическим музыкантом сейчас финансово не выгодно, а значит, непрестижно. Родители приводят ребёнка в ДМШ для общего развития, и если ему это не нравится, то не настаивают на продолжении обучения. Мы понимаем, что по окончании ДМШ и ДШИ не все выпускники поступают в профессиональные ссузы и вузы. Подростки задают вопрос: «Что мне это даст в будущем? Где я буду работать? Сколько я буду зарабатывать?». Ведь много выпускников музыкальных училищ, консерваторий не работают по своей специальности. Причина всё та же — мало вакансий, большая загруженность отчётами, низкая заработная плата и утрата престижности. Пример тому — мои однокурсники, но практически никто из них не жалеет о полученном музыкальном образовании, ведь их годы обучения не прошли впустую.

Шостакович Д. Д. сказал: «Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей и мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдёте в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках» [13].

Традиция обучать с раннего детства музыке, родившаяся в аристократической среде России и Европы, доказала свою полезность. Сейчас первые шаги в обучении музыке начинаются в ДМШ и ДШИ. Задача всех педагогических коллективов — обеспечивать хорошее и качественное образование. И на стыке столетий наиболее разумный путь — это соединить бесценные знания прошлых лет, которые не утратили своей практической значимости и по сей день, педагогические методики музыкантов и учителей, которые во все времена стараются усовершенствоваться, а говоря языком нынешнего поколения, «апгрейдить» изжившую себя модель обучения музыке. Ведь современные ДМШ и ДШИ, сочетая интересы общества, государства и ребёнка, становятся учреждениями, в которых ученики приобретают актуальный статус культурного развития.

Взгляд в прошлое, на историю детских музыкальных школ, позволяет нам постепенно отказать от всеобщей профессионализации музыкального образования. Музыкальное образование, с позиций современности, должно служить претворению в жизнь главной цели общества — формированию всесторонне развитой

гармоничной личности с высокой духовной культурой. Мы, работники сферы музыкального образования, стараемся учить детей музыке профессионально, хотя в дальнейшем они могут остаться просто любителями классической музыки и не выберут музыку своей профессией.

Наши выпускники должны обладать навыками музыкального творчества, уметь самостоятельно разобрать и выучить музыкальное произведение, владеть инструментом, подобрать мелодию и аккомпанемент к ней. И в то же время педагогу надо выявить одарённых детей, которые в дальнейшем продолжат наше нелёгкое дело. Ведь благодаря музыке у ребёнка появляется представление о величественном и возвышенном, об окружающем мире и о себе.

Занятия музыкой развивают воображение, память, математические способности, чувства и интеллект. Это было доказано учёными ещё в прошлом веке. От педагога-музыканта, его мыслей, идей, чувств и формируется психика юного музыканта, любовь, сопереживание, понимание и отношение к музыке, меняется взгляд на жизнь. Ш. А. Амонашвили сказал: «Путь к сердцу ученика есть чистое сердце учителя» [1].

В каждой школе разрабатываются программы, которые подбираются в соответствии с возрастными и физическими возможностями учеников. Для педагогов и концертмейстеров всё больше усложняются задачи обучения музыке в школах. Но, усложняя эти задачи, нельзя злоупотреблять детской восприимчивостью. Особенности современного музыкального образования ставят перед педагогами много специфических задач. Ведь гармоничность обучения музыке будет достигнута лишь в том случае, если будут использованы программы, присущие определённому школьному возрасту и активизирующие творческие возможности. Педагог современной детской музыкальной школы всегда в поиске нового, он как бы импровизирует. Мы создаём условия, которые способствуют творческому росту детей и подростков. Стараемся поднять Fashion (имидж) музыкального образования. Как и раньше, обучение в ДШИ и ДМШ индивидуально, и каждое занятие — это новая творческая задача и творческий поиск для преподавателя.

Fashion музыкального образования невозможно поднять без развитого педагогического мышления, которое должно опираться на достижения современной науки, психологии, педагогики, методики и при этом использовать наработки старой школы прошлых поколений педагогов.

Если раньше, ещё совсем недавно, на вступительных экзаменах в музыкальной школе педагог отбирал лучших детей, так сказать, способных, то сейчас мы с радостью берём учить музыке всех детей. Этим детям и их родителям мы стараемся объяснить, что музыкальные занятия расширяют культурный кругозор не только ребёнка, но и всей семьи. И если ребёнок захочет и у него есть к этому способности, то он всегда может стать профессиональным музыкантом.

Развитие информационных технологий диктует новые требования к становлению и формированию личности. Поэтому современные педагоги-музыканты должны давать юным музыкантам качественные, глубокие знания, создавать современную интеллектуальную базу для дальнейшего развития личности и учитывать психофизиологические особенности каждого ученика.

Поднимая имидж музыкального образования, следует объяснять родителям его плюсы. А их немало. Занятия музыкой благотворно влияют на здоровье юного музыканта. У ребёнка физически не останется времени на плохую компанию, да и ему будет совершенно не интересно там, так как у него сформируется определённый круг интересов и друзей. Дети, которые обучаются сразу в двух школах, приучаются к дисциплине, умеют планировать своё время, развивают силу воли, упорство и прилежание. Выступая на концертах и экзаменах, ребёнок привыкает к публичным выступлениям, а это помогает в любой сфере деятельности в дальнейшем. Считая ритм, юный музыкант развивает математические способности. Разучивая произведение, ребенок мыслит трёхмерно, оперирует абстрактными понятиями, запоминает нотный текст. Все знают, что фирма Microsoft отдаёт предпочтение сотрудникам, получившим музыкальное образование, и программисту оно действительно полезно.

В связи с этим особый интерес представляют возможности и выгода музыкального обучения в ДМШ и ДШИ. Не обязательно иметь абсолютный слух или какие-то выдающиеся музыкальные данные, чтобы стать успешным в совершенно другой профессии. Сейчас модно говорить о развитии мелкой моторики у детей и методиках её формирования. Отметим, что занятия на любом музыкальном инструменте — не что иное, как развитие мелкой моторики.

Педагог должен грамотно подбирать репертуар для нынешнего поколения учеников, ведь нудное изучение гамм, этюдов, полонезов и мазурок может вызвать нелюбовь к классической

музыке и к музыкальной школе в целом. Поэтому необходимо чередовать обязательные произведения и те, которые хочет играть ученик. Пусть с этим произведением он не выступит на экзамене, но может сыграть его на концерте, классном часе, для друзей и одноклассников. Надо объяснить юному музыканту, что человек, владеющий музыкальным инструментом, будет всегда выделяться из общей массы. Кроме того, успехи в общеобразовательной школе значительно повышаются, когда ребёнок начинает заниматься музыкой.

Так как нам поднять Fashion музыкального образования в современном обществе? Здесь нет никакого секрета. Мы, педагоги-музыканты и концертмейстеры, должны считаться с сегодняшними реалиями. Учеба в музыкальной школе в течение пяти или семи лет — это кропотливый сложный процесс. Многие считают, что это долго и нелегко. Два урока специальности в неделю, сольфеджио, музыкальная литература, хор — это только малая часть школьной нагрузки. Также к каждому уроку специальности нужно подготовиться (специальностью вообще нужно заниматься каждый день хотя бы по полчаса, а лучше час).

Не все современные родители готовы и хотят уделять время музыке, искусству лишь для того, чтобы их дети были эстетически развиты. Они считают своё время, деньги и ограниченные ресурсы: некуда поставить пианино, бабушка не может водить ребёнка на музыку и т. д. Они не могут позволить себе любить искусство и классическую музыку так, как любили в прошлые века, просто за то, что она есть.

И ДМШ, и ДШИ помогут детям с помощью классической музыки и искусства подготовиться к дальнейшей жизни, научат детей быть творческими личностями, способными к восприятию новизны, умеющими импровизировать, чтобы смело входить в современный мир, быть конкурентоспособными во всех сферах жизни. Педагоги с родителями должны стать единомышленниками.

Включившись в обучение вместе с ребёнком, родители узнают, кто такой Людвиг ван Бетховен, чем его творчество отличается от творчества Камиля Сен-Санса; что означает аллегро и модерато. При этом обязательно кто-то в семье должен вникать в процесс обучения, потому что ребёнку трудно идти в мир музыки

одному. Родители, бабушки, дедушки, сёстры, братья юного музыканта — это благодарная публика, которая в дальнейшем будет посещать концерты филармонии и театров, что тоже немаловажно.

Главная задача педагогов ДМШ и ДШИ — выучить и воспитать из ученика не пианиста, скрипача или баяниста и т. д., а человека, способного решать жизненные задачи, креативную инициативную личность. Эти дети — будущее нашей страны. И этот Fashion современного музыкального образования мы должны создавать и, говоря современным сленгом, всячески пиарить. Необходимо организовывать больше концертов для своих учеников, чтобы родители видели своё чадо не только страдающим за инструментом дома, но и в лучах славы, маленьких лучах, но только ИХ славы. Родителям обязательно следует участвовать в музыкальных конкурсах с детьми. Пусть юный музыкант и не станет лауреатом, он получит опыт, приобретёт новых друзей. Успехи детей всегда вдохновляют родителей. Представьте юного музыканта, когда он, красиво одетый, на играет сцене «Вальс» Э. Грига по-взрослому и наслаждается своей игрой. Он понимает, как огромна и прекрасна музыка, которую извлекают его пальцы.

Родители должны осознавать все плюсы музыкального образования ребенка. Современная жизнь требует от нас не только знаний, но и творческого осмысления действительности. Дети, пока они ещё не стали взрослыми, любят музыку и поют, слушают её в своих гаджетах, обмениваются «песенками». Мы должны развивать у детей не только интеллект, но и душу. Научить их познавать мир, выстраивать этот мир, опираясь на искусство и классическую музыку. Морально-этические понятия, которые несут классическая музыка и искусство, должны стать личными для юного музыканта. Педагог ДМШ и ДШИ — это гуру для ученика. У педагога должен быть авторитет, как и в прошлые века. Этот союз должен быть тесным и крепким. Ведь педагоги ДМШ и ДШИ должны формировать у юных музыкантов правильные нравственные ориентиры, без которых знания и умения просто потеряются на фоне нынешней деградации, бескультурья и низкосортной музыки. Поэтому добро пожаловать в музыкальные школы и школы искусств! Мы всегда рады вашим детям и вам, дорогие родители!

Литература

1. Амонашвили Ш. А. Педагогические притчи / Ш. А. Амонашвили. — Москва : ООО «Амрита», 2010. — 240 с.
2. Вакенродер В. Г. Фантазии об искусстве / В. Г. Вакенродер. — Москва : Искусство, 1977. — 265 с.
3. Гутовец М. В. Некоторые особенности современного музыкального образования в детской музыкальной школе / М. В. Гутовец // Молодой ученый. — 2015. — № 22.3 (102.3). — С. 6—8.
4. Добрецов А. В. Волшебная и притягательная... классическая музыка в XXI веке / А. В. Добрецов // ВОП «ИКТ педагогам». — Св-во № ПР-877-2020. — 6 с.
5. Добрецов А. В. Психологические особенности ансамблевого исполнительства концертмейстера ДМШ и ДШИ / А. В. Добрецов // ВОП «ИКТ педагогам». — Св-во № ПР-855-2020. — 4 с.
6. Дуков Е. Слушатель в мире музыки с культурно-исторической точки зрения / Е. Дуков // Вопросы социологии музыки : сб. трудов. — Москва, 1990. — Вып. 3.
7. Из бесед А. Б. Гольденвейзера. О музыкальном воспитании и обучении детей // Вопросы музыкальной педагогики / под общ. ред. В. Натансона. — Ленинград : Музыка, 1967. — Вып. 2. — С. 5—24.
8. Критский Б. Д. Теория и практика подготовки учителя музыки: образовательный метатекст и проблемы его педагогической интерпретации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Б. Д. Критский. — Москва : МПГУ, 2001. — 49 с.
9. Лукин Ю. А. Искусство как информационная система / Ю. А. Лукин // Профессиональное образование. — 1995. — С. 6.
10. Малюков А. Н. Формирование художественной культуры подростка в процессе воспитания ценностного отношения к искусству : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. Н. Малюков. — Москва : МПГУ им. В. И. Ленина, 1996. — 39 с.
11. Ростропович М. Любовь с виолончелью в руках / М. Ростропович. — Москва : Алгоритм, 2015. — 208 с.
12. Франтова Т. Какие музыки мы слушаем сегодня / Т. Франтова // Музыка и музыкант в меняющемся постсоветском пространстве : сб. ст. / сост. А. М. Цукер. — Ростов н/Д., 2008.
13. <https://citaty.info/man/dmitrii-shostakovich>.

FASHION OF MUSIC EDUCATION IN MODERN SOCIETY**A. V. Dobretsov**State-financed Institution of Further Education "Children's Music School
named after I. O. Dunaevskiy" (Moscow, Russia)

andr-dob@mail.ru

This paper identifies the problems of the psychological crisis of a modern child, the complexity of the perception of classical music, and the first stage of modern music education — Children's Music School and Children's Art School. The author of the article draws attention to the Fashion (image) of music education and the upbringing of children and adolescents in regard to classical music, analyzes the reasons for changing attitudes to classical music and modern music education. The ways of popularizing the education of children in primary school and secondary school are proposed, which in the future will affect the moral guidelines of young musicians, and in the future, citizens of our country.

Key words: Fashion of music education, modern society, classical music, psychological crisis, teacher, concertmaster, children and teenagers, children's music schools and art schools.

References

1. Amonashvili Sh. A. (2010) *Pedagogicheskie pritchi* [Pedagogical parables]. Moscow: Amrita, 240 p.
2. Wakenroder V. G. (1977) *Fantazii ob iskusstve* [Fantasies about art]. Moscow: Iskusstvo, 265 p.
3. Gutovets M. V. (2015) *Nekotorye osobennosti sovremennogo muzykalnogo obrazovaniya v detskoj muzylalnoy shkole* [Some features of modern music education in children's music school]. *Molodoy uchenyj*, 22.3 (102.3), p. 6—8.
4. Dobretsov A. V. (2020) *Volshebnyaya i prityagatel'naya... klassicheskaya muzyka v XIX veke* [Magical and attractive ... classical music in the XXI century]. *VOP "ICT for teachers"*, 6 p.
5. Dobretsov A. V. (2020) *Psikhologicheskie osobennosti ansamblevogo ispolnitelstva kontsertmeystera DMSH i DSHI* [Psychological features of the ensemble performance of the concertmaster of the children's musical school and children's school of arts]. *VOP "ICT teachers"*, 4 p.

6. Dukov E. (1990) Slushatel v mire muzyki s kulturno-istoricheskoy tochki zreniya [Listener in the world of music from a cultural and historical point of view]. Voprosy sotsiologii v muzuke: Collection of works. Moscow, (3).
7. Natanson V. (1967) Iz besed A.B. Goldenveyzera. O muzykalnom vospitanii i obuchenii detey [From the conversations of A.B. Goldenweiser. About musical education and training of children]. Voprosy muzykalnoy pedagogiki. L.: Music, (2), p. 5—24.
8. Kritskiy B. D. (2001) Teoriya i praktika podgotovki uchitelya muzyki: obrazovatelnyj metatekst i problem ego pedagogicheskoy interpretatsii [Theory and practice of music teacher training: educational metatext and problems of its pedagogical interpretation]. Author's abstract ... PhD. in Education. Moscow: MPSU, 49 p.
9. Lukin Yu. A. (1995) Iskusstvo kak informatsionnaya Sistema [Art as an information system]. Professionalnoe obrazovanie, p. 6.
10. Malyukov A. N. (1996) Formirovanie khudozhestvennoy kultury podrostka v protsesse vospitaniya tsennostnogo otnosheniya k iskusstvu [The formation of the artistic culture of a teenager in the process of educating a value attitude to art]. Author's abstract ... PhD. in Education. Moscow: MPSU named after V. I. Lenin, 39 p.
11. Rostropovich M. (2015) Lyubov s violonchelyu v rukakh [Love with a cello in his hands]. Moscow: Algorithm, 208 p.
12. Frantova T. (2008) Kakie muzyki my slushaem segodnya [What kind of music we listen to today]. Music and musician in the changing post-Soviet space. Rostov-on-Don.
13. <https://citaty.info/man/dmitrii-shostakovich>.

**А. В. Емельяненкова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
annaemelyanenkova@gmail.com

**А. О. Кириллова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
anastaskomel@gmail.com

МОТИВЫ ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ СПОРТСМЕНОВ ГРУППОВЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА

В статье рассмотрена специфика мотивации и личностных характеристик спортсменов подросткового и юношеского возраста в индивидуальных и групповых видах спорта. Исследование проводилось с учащимися Ульяновского училища (техникума) олимпийского резерва в возрасте от 16 до 20 лет, всего в исследовании приняло участие 80 человек. Проведен сравнительный анализ мотивов занятия спортом и характеристик интернальности в области достижений и неудач, межличностных, производственных и семейных отношений, отношения к своему здоровью у спортсменов групповых и индивидуальных видов спорта. Наиболее яркие различия были получены по группе социальных мотивов — социального самоутверждения, социально-эмоционального и социально-морального мотивов. Особое внимание уделено взаимосвязям между видами мотивов и характеристиками интернальности, которые показали свою специфику у спортсменов индивидуальных и групповых видов спорта. На основе изучения теоретических аспектов мотивов занятия спортом и локуса контроля, а также проведенного эмпирического исследования были сформулированы рекомендации, позволяющие более эффективно работать с отдельными спортсменами и находить общие цели, способствующие сплочению команды, для продуктивной тренировочной деятельности и развития спортивных достижений.

Ключевые слова: мотивы занятия спортом, локус контроля.

Люди как часть природы с рождения имеют потребность в движении — это один из способов познания мира, самого себя, своих способностей и возможностей. В первые годы жизни человек развивается наибольшими темпами, однако по мере взросления он развивается умеренно, а физическое развитие замедляется или вовсе останавливается [1]. Актуальность темы нашего исследования заключается в том, что важной составляющей здорового развития организма в подростковом и юношеском возрасте является именно занятие спортом, когда развитие наиболее интенсивно [8]. В процессе взросления мера влияния на человека различных мотивов изменяется. По достижении юношеского возраста человек уже примерно как взрослый оценивает ценность задач или наличие интереса. Происходит становление сложной системы мотивов, которые связаны с социальными и личностными потребностями. Совершается анализ, в ходе которого осуществляется

оценка привлекательности задачи и просчет возможных результатов [4]. Описание мотивационной схемы каждого конкретного спортсмена в подростковом и юношеском возрасте осложнено, так как, с одной стороны, существует уже сформированная система установок и вероятность воздействия прошлого опыта на становление стремления к успеху, труду, спорту, с другой стороны — система личных ценностей еще подвергается интенсивному пересмотру [5, 10]. Так, в ходе сравнительного анализа мотивов занятия физической культурой у спортсменов и неспортсменов подросткового возраста исследователями было выявлено, что мотивами, имеющими значимость для спортсменов, являются готовность к самосохранению здоровья, стремление к приобретению практических навыков, реализации физкультурно-спортивных интересов, получению удовольствия от движения [9].

Феномен локуса контроля, или «локализации контроля волевого усилия», ученые связы-

вают с широким спектром жизнедеятельности человека — от профессиональных и творческих достижений до повседневных занятий и межличностного общения. Он отражает одну из основных характеристик личности, присваивание ответственности за происходящие события внешним или внутренним факторам, что является определяющим качеством при достижении целей [3, 7]. Люди интернального типа (с внутренним локусом контроля), как правило, чаще добиваются успеха, имеют собственные устойчивые принципы и обладают низкой конформностью, достаточно уверены в себе, а соответственно, менее тревожны, редко проявляют агрессивное поведение и часто вызывают к себе доверие. Их выраженные качества: целеустремленность, ответственность, трудолюбие, умение планировать, спокойствие, высокая продуктивность в одиночных видах деятельности [3].

Мы предположили, что существует взаимосвязь между локусом контроля и мотивами занятия спортом у спортсменов в юношеском возрасте, так как сила воли и осознанный контроль, а также уверенность в том, что именно собственные усилия приведут к нужному результату, играют важную роль в планомерных занятиях и распределении физической нагрузки. Для проверки данной гипотезы мы использовали методики «Уровень субъективного контроля» [2] и «Мотивы занятия спортом» [6], а также для обработки данных — методы описательной статистики, ранговой корреляции Спирмена, анализа различий по критерию Манна-Уитни. В исследовании приняли участие 80 человек в возрасте от 16 до 20 лет, при этом 40 человек занимаются индивидуальными видами спорта и 40 человек — групповыми видами спорта.

Опросник уровня субъективного контроля позволяет проанализировать шкалы, которые касаются экстернальности — интернальности в области достижений и неудач; межличностных, производственных и семейных отношений; а также в отношении своего здоровья и общей интернальности. Методика «Мотивы занятия спортом» предназначена, чтобы выявить доминирующие цели (личностные смыслы) для занятия спортом. Она включает в себя десять мотивов и менее распространена по сравнению с первой:

1) мотив эмоционального удовольствия как стремление, которое характеризует радость, получаемую от движения, физических усилий, достигнутых результатов;

2) мотив социального самоутверждения — желание проявить себя, показать свои сильные

качества, вызвать уважение со стороны других людей, прежде всего ближайшего окружения;

3) мотив физического самоутверждения — стремление к физическому развитию, к становлению характера, к сохранению и преумножению здоровья;

4) социально-эмоциональный мотив — стремление к участию в спортивных событиях ввиду их яркой эмоциональности, особой атмосферы соревнований, командного сплочения;

5) социально-моральный мотив — стремление к результатам ради своей команды, тренироваться и побеждать ради общего успеха;

6) мотив достижения успеха в спорте — желание улучшить личные спортивные результаты, поставить новые рекорды;

7) спортивно-познавательный мотив — внимание к вопросам технической и тактической подготовки, анализ научных принципов тренировки и развития своих физических и волевых качеств;

8) рационально-волевой мотив — желание заниматься спортом для компенсации дефицита двигательной активности при преобладании умственной и / или сидячей работы;

9) мотив подготовки к профессиональной деятельности — когда спорт рассматривается уже как будущая профессия, призвание и источник дохода;

10) гражданско-патриотический мотив — стремление к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях, для поддержания престижа спортивного сообщества, города, страны.

По результатам первичного анализа с помощью методов описательной статистики мы получили следующие тенденции.

На рисунке 1 приведен график средних показателей интернальности респондентов групповых и индивидуальных видов спорта.

Как мы можем видеть из графика, спортсмены групповых видов спорта превосходят своих сверстников в области общей интернальности и отношения к своему здоровью, все остальные показатели выше у спортсменов индивидуальных видов спорта, причем максимальны различия в области межличностных отношений (нашло подтверждение $U = 0,037$, $p < 0,05$) и переживания своих неудач ($U = 0,011$, $p < 0,05$).

На рисунке 2 представлен график средних показателей мотивов занятия спортом респондентов групповых и индивидуальных видов спорта.

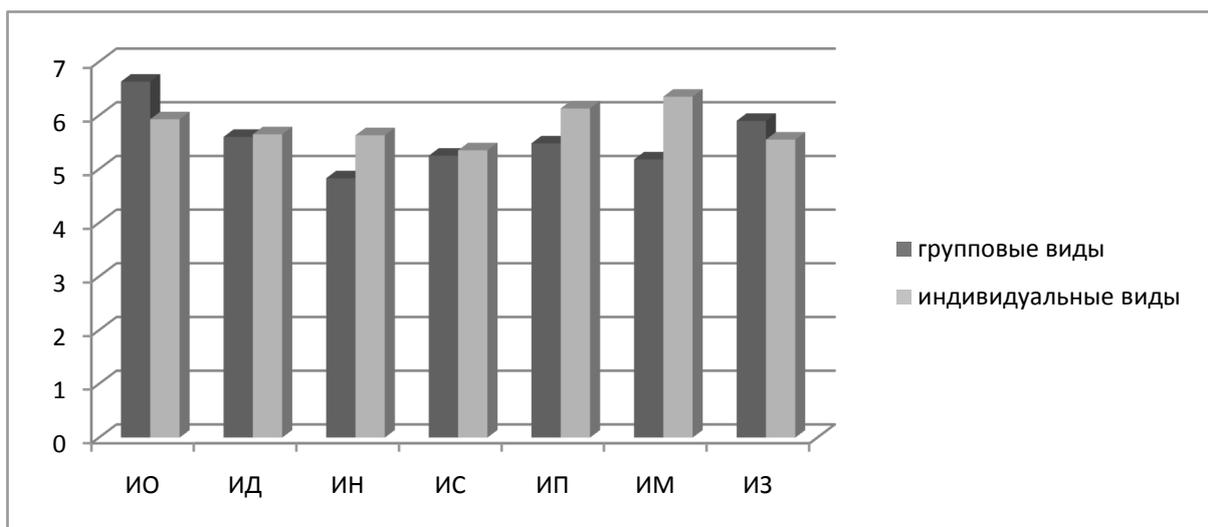


Рисунок 1. **График средних показателей интернальности респондентов групповых и индивидуальных видов спорта**

(ИО — общая интернальность, ИД — в области достижений, ИН — в области неудач, ИС — в семейных отношениях, ИП — в производственных отношениях, ИМ — в межличностных отношениях, ИЗ — в области здоровья)

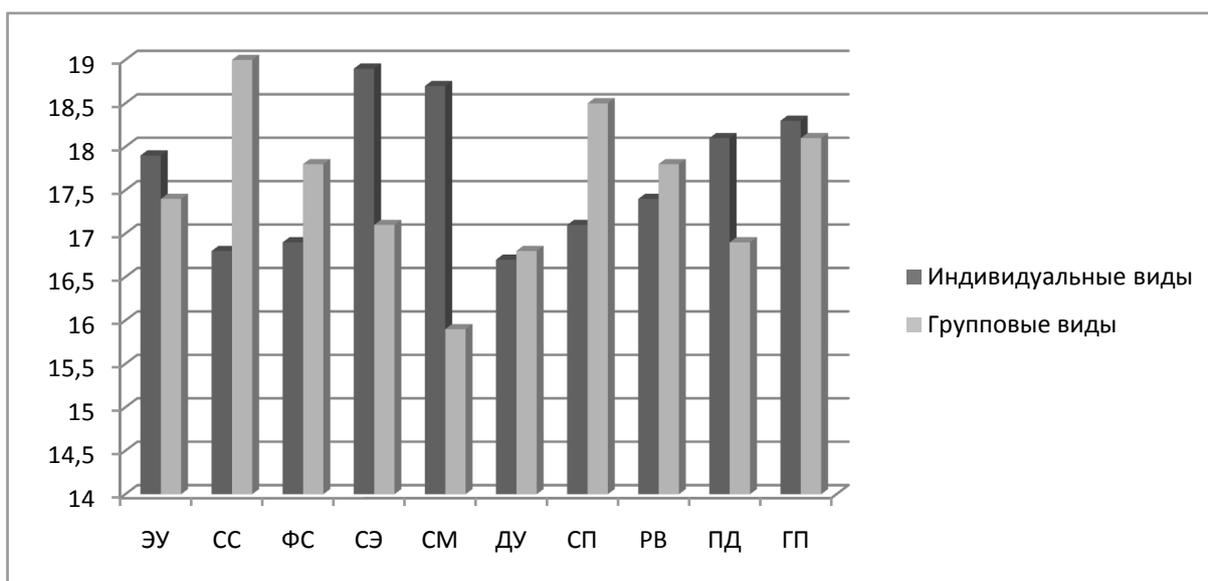


Рисунок 2. **График средних показателей мотивов занятия спортом респондентов групповых и индивидуальных видов спорта**

(ЭУ — мотив эмоционального удовольствия, СС — социального самоутверждения, ФС — физического самоутверждения, СЭ — социально-эмоциональный мотив, СМ — социально-моральный мотив, ДУ — мотив достижения успеха в спорте, СП — спортивно-познавательный мотив, РВ — рационально-волевой мотив, ПД — мотив подготовки к профессиональной деятельности, ГП — гражданско-патриотический мотив)

График наглядно демонстрирует, что для спортсменов групповых видов спорта ведущими мотивами являются социальное и физическое утверждение в спорте, спортивно-познавательный и рационально-волевой мотивы. Для представителей индивидуальных видов спорта — со-

циально-эмоциональный и социально-моральный мотивы ($U = 0,024$, $p < 0,05$), мотивы подготовки к профессиональной деятельности и эмоционального удовольствия. Отметим, что практически равно высоко у всех респондентов выражен гражданско-патриотический мотив.

Для проверки обозначенных тенденций мы решили не просто провести анализ различий по группам опрошенных респондентов, а просчитать корреляционные взаимосвязи между параметрами локуса контроля и мотивами занятия спорта в каждой из исследуемых групп, что позволит более глубоко рассмотреть проблему.

Используя корреляционный анализ Спирмена, мы получили, что в группе спортсменов, занимающихся групповыми видами спорта, значимые корреляции следующие: между гражданско-патриотическим мотивом и общей интернальностью ($-0,361$, $p < 0,05$) и интернальностью в межличностных отношениях ($-0,327$, $p < 0,05$), между спортивно-познавательным мотивом и интернальностью в области неудач ($-0,351$, $p < 0,05$); внутри самой методики мотивов спортивной деятельности высоки корреляции между спортивно-познавательным мотивом и мотивом эмоционального удовольствия ($0,319$, $p < 0,05$), а также достижения успеха в спорте ($0,357$, $p < 0,05$); физического самоутверждения и подготовки к профессиональной деятельности ($0,373$, $p < 0,05$).

Таким образом, мы можем видеть, что юные спортсмены групповых видов спорта высоко демонстрируют стремление к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях в целях поддержания престижа коллектива, города, страны, но при этом осознают, что данные достижения зависят не только от них лично, но и от всей команды в целом, выстраивания определенных межличностных отношений внутри команды, которые и приводят к более высокому результату под воздействием синергетического эффекта. Спортсмены стараются изучать вопросы технической и тактической подготовки, научно обоснованные принципы тренировки, чтобы понизить уровень неудач. Это приносит им эмоциональное удовольствие от занятия спортом, развивает мотивацию достижения успеха и формирует подготовку к спорту как к будущей профессиональной деятельности.

Анализируя результаты взаимосвязей спортсменов индивидуальных видов спорта, можно отметить в целом меньшее количество значимых корреляций. В частности, коррелируют интернальность в межличностных отношениях и мотив подготовки к профессиональной деятельности ($0,327$, $p < 0,05$), а также внутри методики спортивной мотивации — социально-эмоциональный мотив и мотив достижения успеха в спорте ($-0,381$, $p < 0,05$). Юные спорт-

смены понимают, что если они не смогут выстраивать свои отношения с другими людьми, то это отразится на успешности их спортивных достижений как профессиональной деятельности. При этом часть из них не готовы жертвовать своими социальными связями с окружающими в ущерб личным достижениям, а другие, наоборот, стремясь к личным достижениям, меньше заинтересованы в хороших взаимоотношениях с окружающими их людьми.

В целом наша гипотеза о существовании взаимосвязи между локусом контроля и мотивами занятия спортом у спортсменов в юношеском возрасте подтвердилась. Также была выявлена специфика данных взаимосвязей у юных спортсменов индивидуальных и групповых видов спорта.

Исследование показало, что в индивидуальных видах спорта успех профессиональной подготовки связан с самоутверждением и внутренним локусом контроля. Это можно объяснить тем, что человек, принимающий ответственность за все свои действия в целом, принимает на себя ответственность и за свои достижения [7]. У юных спортсменов групповых видов спорта достижение успеха тесно взаимосвязано как с уверенностью в собственных силах, осознанностью действий, так и с эмоциональным компонентом, который поддерживает и подталкивает их к новым достижениям. Особую роль играет межличностное взаимодействие, которое помогает достигать успеха в профессиональной деятельности (в качестве которой на настоящее время выступает спортивная деятельность), что вполне логично для групповых видов спорта.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что на основе изучения теоретических аспектов взаимодействия мотивов занятия спортом с локусом контроля в юношеском возрасте и проведенного эмпирического исследования нами были сформулированы рекомендации, позволяющие более эффективно организовать деятельность спортсменов индивидуальных и групповых видов спорта. В современном спорте важно учитывать не только физические и физиологические, но и психологические особенности спортсмена ради повышения эффективности тренировок и его целеустремленности. Знания о мотивации отдельных спортсменов и нахождение общих целей способствуют сплочению всей команды, что в дальнейшем помогает более продуктивно выстроить тренировочную деятельность и выйти на новый этап развития и спортивных достижений.

Литература

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология : учебник для вузов / Г. С. Абрамова. — Москва : Юрайт, 2012. — 811 с.
2. Бажин Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткин // Психологический журнал. — 1984. — Т. 5, № 3. — С. 152—163.
3. Бокова О. А. К вопросу о теоретических основах изучения психологических феноменов ответственности и локуса контроля / О. А. Бокова // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 5(48). — С. 181—183.
4. Волков Б. С. Возрастная психология / Б. С. Волков, Н. В. Волкова. — Москва : Академический проект, 2015. — 672 с.
5. Зубок Ю. А. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Научный результат. Социология и управление. — 2018. — Т. 4, № 3. — С. 3—13.
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб., 2006. — 512 с.
7. Слidyuk О. Р. Исследование представлений подростков с разной локализацией локуса контроля о конфликтах / О. Р. Слidyuk // Научно-практические исследования. — 2017. — № 2(2). — С. 244—247.
8. Мишина Е. И. Системогенез рефлексивного «Я» личности / Е. И. Мишина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2014. — № 3. — С. 6—9.
9. Пашенко Л. Г. Мотивы занятий спортом и отношение к состязательной физкультурно-спортивной деятельности у подростков / Л. Г. Пашенко, В. Г. Жалбэ // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2019. — № 6(172). — С. 198—202.
10. Федулов И. С. Мотивация занятия спортом у спортсменов подросткового возраста / И. С. Федулов // Психология в России и за рубежом : материалы II Международной научной конференции. — СПб. : Реноме, 2013. — С. 136—141.

MOTIVES FOR SPORTS IN CONNECTION WITH THE LOCUS OF CONTROL OF ATHLETES IN TEAM AND INDIVIDUAL SPORTS**A. V. Emelyanenkova**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
annaemelyanenkova@gmail.com

A. O. Kirillova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
anastaskomel@gmail.com

The paper deals with the specifics of motivation and personal characteristics of adolescent and youth athletes in individual and team. The study engaged 80 students of "Ulyanovsk school (technical school) of the Olympic reserve" aged 16 to 20 years. The authors carried out a comparative analysis of the motives for going in for sports and the characteristics of internality in the field of achievements and failures, interpersonal, industrial and family relations, as well as attitude to their health among athletes in team and individual sports. The most striking differences were obtained in the group of social motives — social self-assertion, social-emotional and socio-moral motives. Particular attention is paid to the relationship between the types of motives and the characteristics of internality, which have shown their specificity in athletes of individual and team sports. Based on the study of the theoretical aspects of the motives for going in for sports and the locus of control, as well as the conducted empirical research, recommendations were formulated that allow you working more effectively with individual athletes and find common goals that contribute to team building, for productive training activities and the development of sports achievements.

Key words: motives for sports, locus of control.

References

1. Abramova G. S. (2012) *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology: a textbook for universities]. Moscow: Izdatelstvo Yurayt, 811 p.
2. Bazhin E. F., Golyunkina E. A., Etkind A. M. (1984) *Metod issledovaniya urovnya subyektivnogo kontrolya* [Method for studying the level of subjective control]. *Psikhologicheskij zhurnal*, vol. 5, (3), p. 152—163.

3. Bokova O. A. (2014) K voprosu o teoreticheskikh osnovakh izucheniya psikhologicheskikh fenomenov otvetstvennosti i lokusa kontrolya [To the question of the theoretical foundations of the study of psychological phenomena of responsibility and locus of control]. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya*, 5 (48), p. 181—183.
4. Volkov B. S., Volkov N. V. (2015) *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology]. Moscow: Akademicheskii proyekt, 672 p.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2018) Smyslozhiznennye tsennosti v kulturnom prostranstve rossiyskoy molodezhi [Meaningful values in the cultural space of Russian youth]. *Nauchnyj rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 4, (3), p. 3—13.
6. Ilyin E. P. (2006) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, 512 p.
7. Slidzyuk O. R. (2017) Issledovaniya predstavleniy podrostkov s raznoy lokalizatsiey lokusa kontrolya o konfliktakh [A study of representatives of adolescents with different localization of the locus of control about conflicts]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya*, 2(2).
8. Mishina E. I. (2014) Sistemogenez refleksivnogo "Ya" lichnosti [Systemogenesis of the reflexive "I" of personality]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Psychological Sciences*, (3), p. 6—9.
9. Paschenko L. G., Zhalbe V. G. (2019) Motivy zanyatiya sportom i otnoshenie k sostyazatelnoy fizkulturno-sportivnoy deyatel'nosti podrostkov [Motives for going in for sports and attitude to competitive physical culture and sports activities among teenagers]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 6 (172), p. 198—202.
10. Fedulov I. S. (2013) Motivatsiya zanyatiya sportom u sportsmenov podrostkovogo vozrasta [Motivation for sports among adolescent athletes]. *Psychology in Russia and abroad: materials of the II Intern. scientific conf.* St. Petersburg: Renome, p. 136—141.

**Е. Н. Каленик**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kente@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ С ОВЗ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В статье речь пойдет о специфике социально-психологической адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) к условиям вуза от младших курсов к старшим. В материалах представлены показатели тестирования студентов с ОВЗ от младшего курса к старшим по личностному опроснику диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд. В работе обсуждены результаты по интегральным показателям: адаптация, принятие других, самовосприятие, эскапизм. В сравнении с названными показателями проанализирована стратегия преодоления стрессовых ситуаций у студентов с ОВЗ по методике определения стратегии преодоления стрессовых ситуаций (С. Хобфолл) в русскоязычной версии Н. Водопьяновой, Е. Старченковой. Поведенческий подход в данной методике позволил определить различия в преодолении стрессовых ситуаций между старшими и первым курсом студентов. В обсуждении результатов выявлено, что студенты с ОВЗ подвержены сложному процессу адаптации к учебному процессу, особенно на втором курсе обучения. В выводах представлены пути решения сложившихся проблем социально-психологической адаптации студентов в вузе.

Ключевые слова: студенты с ОВЗ, социально-психологическая адаптация, тест Роджерса-Даймонд, стратегия преодоления стрессовых ситуаций (SACS), адаптация к обучению в вузе.

В научной литературе до сих пор не существует единого подхода к вопросу о социально-психологической адаптации. Выделяют несколько условий адаптации: социальную и психологическую, а также описывают социально-психологическую адаптацию как процесс. Анализ проблемы адаптации студенчества принадлежит психологической школе Б. Г. Ананьева [1]. Студенческий возраст рассматривается как период сложнейшего структурирования интеллекта (Кушнерова О. Ф., Кушнерова Ю. Ю., 2013) [6]. Под адаптацией студента понимают процесс его приобщения к условиям вузовского образовательного процесса, в результате чего он становится субъектом новых видов деятельности, отношений и, следовательно, приобретает возможности оптимального выполнения своих функций (Вахрамеева О. А., 2016) [2]. Когда речь идет о студентах с ОВЗ, мы понимаем, что адаптационные возможности таких студентов ограничены, поэтому любое изменение привычного социального окружения может оказаться дезадаптацией. Профессиональное образование выступает как фактор социальной адаптации людей с ОВЗ и играет большую роль в их социальной жизни (Нефедова А. А., 2015) [7].

Проблема социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ особенно актуальна в современных условиях. В научных публикациях существуют различные точки зрения относительно социально-психологической адаптации студенчества. Анализ многочисленных исследований проблемы адаптации студентов с ОВЗ в вузе (С. М. Годник, П. А. Просецкий, Д. А. Андреева, Л. С. Шубина, О. А. Вахрамеева и др.) позволил выделить ведущий вид адаптации — социально-психологическую.

Социально-психологическая адаптация в вузе отражает изменение социальной роли студента, усвоение им норм и традиций вуза. Необходимым условием успешной деятельности студентов с ОВЗ является освоение новых для них правил жизнедеятельности и учебы в вузе. Происходит перестройка мышления, речи, внимания, памяти, зрительного восприятия, воли, способностей, приспособление к учебному ритму, методам и формам работы. В период профессионального обучения у студентов с ОВЗ важным фактором социально-психологической адаптации становятся особые потребности к образовательным программам вуза в зависимости от ограничения возможностей.

Социально-психологическая адаптация студентов с ОВЗ в вузе — это базовый процесс, определяющий условия социального взаимодействия личности и ее развития, процесс вхождения обучающихся в совокупность новых ролей и форм деятельности, обуславливающих выработку оптимального режима функционирования в образовательной среде. Учитывая вышеизложенные аспекты данной проблемы, становится важным знать специфику социально-психологической адаптации студентов в вузе от младших курсов до старших.

Цель исследования: изучить специфику социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ в вузе.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена на базе Ульяновского государственного университета, на кафедре физической культуры. В исследовании приняли участие студенты с ограниченными возможностями здоровья Ульяновского государственного университета с первого по третий курс очного обучения по разным специальностям, 30 юношей и девушек. В исследовательских группах были студенты с заболеваниями органов зрения, сердечно-сосудистой системы, с ВСД и черепно-мозговыми дисфункциями (в том числе с последствиями травм головы), заболеваниями, относящимися к эндокринологии и нефрологии, с заболеваниями ОДА (с последствиями сложных переломов, операций на позвоночнике, артритами и т. д.), с хроническими неспецифическими заболеваниями легких.

Группы проходили обследование в одно и то же время, в утренние часы. Исследование проводилось в физиологической лаборатории факультета физической культуры и реабилитации Института медицины, экологии и физической культуры Ульяновского государственного университета.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования:

— Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд — личностный опросник, предназначенный для изучения особенностей социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности. Стимульный материал представлен 101 утверждением. По методике предусмотрена достаточно дифференцированная 7-балльная шкала ответов. Версия опросника модифицирована А. К. Осницким в 2004 году.

Авторами выделено шесть интегральных показателей: адаптация, принятие других, интернальность, самовосприятие, эмоциональная комфортность и стремление к доминированию. Каждый из них рассчитывается по индивидуальной формуле. Интерпретация осуществляется в соответствии с нормативными данными, рассчитанными для взрослой выборки. Тестирование студенты проходили на сайте «Психологического журнала» в онлайн-режиме [9].

— Методика определения стратегии преодоления стрессовых ситуаций (С. Хобфолл) в русскоязычной версии Н. Водопьяновой, Е. Старченковой. Поведенческий подход в данной методике позволяет более дифференцированно подойти к различиям в преодолении стрессовых ситуаций. Анализ результатов проводится на основании сопоставления данных конкретного человека по каждой из субшкал со средними значениями моделей преодоления в исследуемой (студенческой, возрастной и др.) группе. В результате сравнения индивидуальных и среднегрупповых показателей делается заключение о сходстве или различиях преодолевающего поведения данного индивида относительно исследуемой категории людей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результат диагностики адаптации / дезадаптации по методике диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд представлен на рисунке 1.

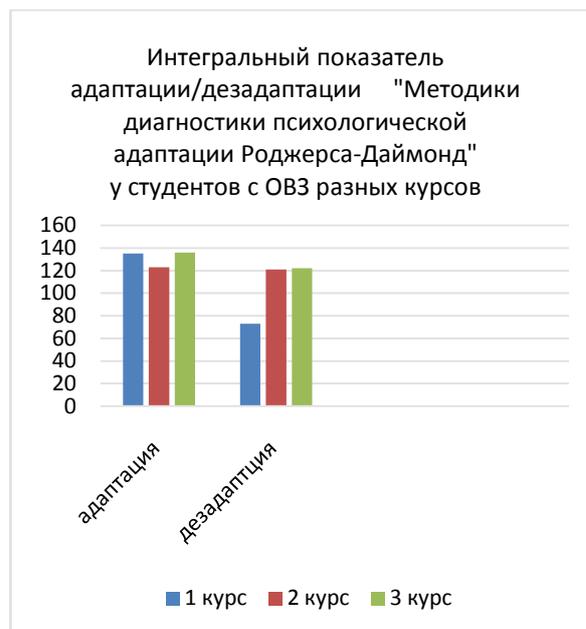


Рисунок 1. Результат диагностики адаптации / дезадаптации по методике Роджерса-Даймонд

Студенты первого и третьего курсов показали результат позитивной адаптации (66 и 56,5%), показатель в пределах нормы. У студентов второго курса адаптированность ниже (50,1%), низкая граница нормы. Статистические различия в группах не выявлены, но в индивидуальных показателях студенты первого курса более оптимистично настроены и адаптированы, чем студенты старших курсов. Среднестатистические индивидуальные показатели адаптации / дезадаптации в баллах по группам представлены на рисунке 1. Обсуждая полученные результаты, можно резюмировать, что студенты с ОВЗ на втором курсе хуже справляются с вхождением в совокупность ролей и форм учебной деятельности. Адаптация обучающихся с ОВЗ к специфике выбранной специальности происходит с трудностями, что влечет за собой сложности выбора оптимального режима работы в образовательном процессе. Возможно, препятствиями к социальной адаптации данной категории студентов являются кумулятивный эффект от обучения с первого курса или неудачный выбор специальности, трудное включение в коллектив студенческой группы, новизна социального окружения, жесткие требования самого процесса обучения на старших курсах, отсутствие психологической помощи. Результат влияния этих проблем и трудностей может способствовать снижению адаптации, вернее, увеличению показателя дезадаптации.

Нарушения в социально-психологической адаптации могут быть обусловлены доминированием определенных личностных свойств (конфликтностью, эгоцентризмом и т. д.). Кроме того, по мнению ряда авторов (Л. С. Выготский, Т. А. Донских, В. Т. Кондрашенко, И. Тэйлор), данные свойства обуславливают процесс формирования девиантного поведения и приводят к деформации личности (Выготский Л. С., 2000) [3]. Проблема социализации студенческой молодежи с ОВЗ в современных условиях приобретает мобильный характер. «Социальные изменения могут превратить прежде сформированную социализированность в неудачную, и возможность вновь достигнуть успеха в этом плане зависит также от способности адаптироваться в изменившихся условиях» (Салахова В. Б., 2015) [8].

По стратегии преодоления стрессовых ситуаций по тесту SACS, студенты первого курса в большинстве своем выбирают просоциальную модель поведения (действия). Акцент в поведении делается на поиск социальной поддержки в стрессовых ситуациях, стремление поделиться своими переживаниями с другими людьми, об-

судить с ними ситуацию, найти у них сочувствие и понимание. Однако степень выраженности преодолевающей модели выхода из стрессовой ситуации понижена.

Студенты старших курсов, например третьего, выбирают среднюю степень выраженности стратегии преодолевающей модели в стрессовых ситуациях по тесту SACS. Модель поведения просоциальная, выражается в разнообразии социальных контактов для того, чтобы совместными усилиями с другими более эффективно разрешать критическую ситуацию. Этот факт можно интерпретировать как выработку оптимального режима учебы в вузе к старшему курсу, более осторожного выбора контактов, уменьшение коммуникации в учебном коллективе. Студенты второго курса в равном количестве выбирают просоциальную пониженную или среднюю модель поведения (действия).

Следующий интегральный показатель теста Роджерса-Даймонд — «принятие других». Результаты этого показателя позволяют выявить, насколько студенты с ОВЗ принимают окружающих людей такими, какие они есть, а также адекватность восприятия человеком окружающих людей и тех социальных групп, членом которых он является.

Данные этого показателя четко показывают проблемы студентов с ОВЗ, которые проявляются через чувство одиночества, ощущение ненужности, в связи с этим недоверие и неприятие других. На первом курсе этот показатель составил $24,0 \pm 2,3$ балла, 61%; на втором курсе — $20,2 \pm 4,5$ балла, 59%; на третьем курсе — $22,2 \pm 5,3$ балла, 60%. Невысокие показатели связаны с трудным включением в образовательный процесс, отсутствием сплоченного и дружного коллектива студенческой группы. Студенты с ОВЗ с опаской относятся к относительно здоровым сверстникам, в связи с этим у них меньше социальных контактов, и к старшим курсам показатель «принятия» не налаживается, с усложнением учебного взаимодействия внутри коллектива, возможно, возрастают конфликты или увеличивается изолированность. Показатель стратегии преодоления стрессовых ситуаций по тесту SACS пассивный, степень выраженности преодолевающей модели высокая — студенты с ОВЗ занимают позицию поведения «все мне должны» или жалостливую позицию по отношению к себе. В некоторых ситуациях студенты с ОВЗ могут показывать недоверие и агрессию.

Показатель выборки «принятия себя» такими, какие они есть, у студентов первого курса

средний, у второго — средний с тенденцией к низкому, у третьего — средний с тенденцией к высокому. У младших курсов больше проявляются реактивные реакции, отсутствует управление своими эмоциями. К третьему курсу появляется более осмысленное управляемое поведение. В доказательство показатель выборки «внутренний контроль» на первом курсе составляет $61,5 \pm 10\%$, на втором — $63,2 \pm 7,2\%$, а на третьем курсе этот показатель высокий — $72,1 \pm 14,1\%$.

И еще один показатель, эскапизм, очень низкий, в подтверждение, что студенты с ОВЗ нуждаются в поддержке — баллы по данному показателю очень низкие — 11 ± 4 — первый курс, 13 ± 4 — второй курс, 17 ± 3 — третий курс. Уход от проблем свойственен лицам с ограниченными возможностями. Социально-психологическая адаптация таких студентов будет успешной лишь в максимально благоприятных условиях среды с нормальным уровнем тревожности (Гусева В. Ю., Тихонова А. Ю., 2016) [4]. Различные виды серьезных органических нарушений приводят к изменениям в психике, личностном статусе и социальном поведении студента с ОВЗ. Чем тяжелее заболевание организма, тем сильнее оно влияет на состояние психического и социального здоровья. Для студентов с ОВЗ необходимы инклюзивные программы, которые будут учитывать ограниченные

возможности здоровья, запросы и нужды, сложности в адаптации к учебным нагрузкам (Каленик Е. Н., 2020) [5].

Таким образом, мы выявили, что с социально-психологической адаптацией в вузе у студентов с ОВЗ возникает ряд сложностей. Студенты с ОВЗ с опасением устанавливают связи с социумом, круг общения у них небольшой. Проявляется недоверие к сверстникам. Сложности возникают и в образовательном процессе, студенты нуждаются в особых формах обучения. Стратегия преодоления стрессовых ситуаций — низкая или пассивная.

Чтобы достигнуть положительной социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ в вузе, необходимо выполнение ряда задач:

— помощь студентам с ОВЗ в адаптации в вузе, студенческом сообществе, саморазвитии, самореализации во время обучения;

— включение в инклюзивные образовательные программы, позволяющие быстрее пройти профессиональную адаптацию студентов с ОВЗ;

— внедрение в учебный процесс особых форм обучения, с помощью которых решаются особые потребности студентов с ОВЗ в обучении;

— создание доступной среды в условиях вуза для успешного освоения образовательных программ лицами с ограниченными возможностями.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия / Б. Г. Ананьев, М. Д. Дворяшина, Н. А. Кудрявцева. — Москва : Просвещение, 1968. — 333 с.
2. Вахрамеева О. А. Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к образовательному пространству вуза / О. А. Вахрамеева // Вестник ШПГУ. — 2016. — № 3.
3. Выготский Л. С. Психология / Л. С. Выготский. — Москва : Апрель Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2000. — 1007 с.
4. Гусева В. Ю. Социально-психологическая адаптация студентов с ограниченными возможностями / В. Ю. Гусева, А. О. Тихонова // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. — 2016. — Т. 2, № 1(12). — С. 26—28.
5. Каленик Е. Н. Особенности социального здоровья студентов с ограниченными возможностями здоровья / Е. Н. Каленик // Сборник работ по результатам Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной сферы и сферы сервиса: теория и практика». — Ульяновск, 2020. — С. 40—43.
6. Кушнерова О. Ф. Специфика социально-психологической адаптации студентов первого курса к обучению в вузе / О. Ф. Кушнерова, Ю. Ю. Кушнерова // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10-10. — С. 2314—2317.
7. Нефедова А. А. Потенциальное образование и его роль в социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья / А. А. Нефедова // Профессиональное образование в современном мире. — 2015. — № 3(18). — С. 123.
8. Салахова В. Б. Проблема ресоциализации девиантной личности / В. Б. Салахова // Симбирский научный вестник. — 2015. — № 3(21). — С. 95.
9. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд. — URL: https://psychojournal.ru/tests_online/528-diagnostics-socialno-psihologicheskoy-adaptacii-krodzhers-rdaymond.html.

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF STUDENTS WITH DISABILITIES TO STUDY AT A UNIVERSITY
(ON THE EXAMPLE OF ULYANOVSK STATE UNIVERSITY)****E. N. Kalenik**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kente@mail.ru

The article deals the specifics of the social and psychological adaptation of students with disabilities to the conditions of the university. The materials present the indicators of testing the students with disabilities according to the personality questionnaire — diagnostics of social and psychological adaptation of Rogers-Diamond. The author discusses the results obtained according to the integral indicators of adaptation, joining others, self-perception, escapism.

In comparison with the above indicators, the strategy of overcoming stressful situations among students with disabilities was analyzed according to the method of "determining the strategy for overcoming stressful situations" (S. Hobfall) in the Russian version of N. Vodopyanova, E. Starchenkova. The behavioral approach in this method made it possible to determine the differences in overcoming stressful situations between senior and first-year students. In the discussion of the results, it was revealed that students with disabilities are subject to a complex process of adaptation to the educational process, especially in the second year of study. The conclusions present ways to solve the existing problems of social and psychological adaptation of students in the university.

Key words: students with disabilities, social and psychological adaptation, Rogers-Diamond test, stress coping strategy (SACS), adaptation to study at a university.

References

1. Ananyev B. G., Dvoryashina M. D., Kudryavtseva N. A. (1968) Individualnoe razvitiye cheloveka i konstantnost vospriyatiya [Individual human development and constancy of perception]. Moscow: Prosveschenie, 333 p.
2. Vakhrameeva O. A. (2016) Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya studentov mladshikh kursov k obrazovatel'nomu prostranstvu vuza [Socio-psychological adaptation of junior students to the educational space of the university]. Vestnik SHPSU, (3).
3. Vygotsky L. S. (2000) Psikhologiya [Psychology]. Moscow: Aprel Press: EKSMO-Press, 1007 p.
4. Guseva V. Yu., Tikhonova A. O. (2016) Sotsialno-psykhologicheskaya adaptatsiya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami [Socio-psychological adaptation of students with disabilities]. Vestnik soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti, (2), p. 26—28.
5. Kalenik E. N. (2020) Osobennosti sotsialnogo zdorovya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami [Features of the social health of students with disabilities]. Collection of works based on the results of the International Correspondence Scientific and Practical Conference "Actual problems of the social sphere and the sphere of service: theory and practice". Ulyanovsk, p. 40—43.
6. Kushnerova O. F., Kushnerova Yu. Yu. (2013) Spetsifika sotsialno-psykhologicheskoy adaptatsii studentov pervogo kursa k obucheniyu v vuze [Specificity of socio-psychological adaptation of first-year students to study at a university]. Fundamentalnye issledovaniya, (10-10), p. 2314—2317.
7. Nefedova A. A. (2015) Potentsialnoe obrazovanie i ego rol v sotsialnoy reabilitatsii kyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya [Potential education and its role in the social rehabilitation of people with disabilities]. Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire, 3(18), p. 123.
8. Salakhova V. B. (2015) Problema resotsializatsii deviantnoy lichnosti [The problem of resocialization of a deviant personality]. Simbirskiy nauchnyy vestnik, 3(21), p. 95.
9. Metodika diagnostiki sotsialno-psykhologicheskoy adaptatsii Rodzhersa-Daymond [Rogers-Diamond method of diagnosis of socio-psychological adaptation]. URL: https://psychojournal.ru/tests_online/528-diagnostika-socialno-psykhologicheskoy-adaptatsii-krodzhers-rdaymond.html.

**Н. А. Крашенинникова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kna.73@mail.ru

**Е. И. Крашенинникова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
katekrash98@mail.ru

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ: СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Образовательные учреждения в России до настоящего момента были основаны на традиционных методах обучения, т. е. обучение школьников и студентов велось в виде очных занятий в классе или аудитории. Однако внезапная вспышка смертельной болезни под названием COVID-19, вызванная коронавирусом (SARS-CoV-2), оказала влияние на экономику, здравоохранение и, конечно, образование всего мира. В марте 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавируса. Внештатная ситуация бросила вызов мировой системе образования и вынудила педагогов практически мгновенно перейти на онлайн-режим обучения, поскольку у образовательных учреждений просто не было иного выбора. В пользу онлайн-обучения выступают несколько аргументов. Самыми основными из них являются доступность, гибкость, постоянность, непрерывность и т. д. В то же время онлайн-обучение не лишено и недостатков. Основным является отсутствие надлежащих компетенций для эффективного включения в образовательный процесс как у студентов, так и у преподавателей. В данной статье рассматривается онлайн-обучение как таковое, проводится анализ его сильных и слабых сторон, возможностей и проблем во время пандемии. Авторы также затрагивают вопрос о необходимости усовершенствования онлайн-курсов и рационального использования технологий.

Ключевые слова: образование, онлайн-обучение, дистанционное обучение, коронавирус, COVID-19.

Смертельное инфекционное заболевание коронавирус, также известное как COVID-19, оказало значительное влияние на мировую экономику, здравоохранение и образование. Вспышка пандемии COVID-19 вынудила многие школы, колледжи и университеты России временно перейти на онлайн-обучение. Аналогичная ситуация наблюдалась во всем мире на протяжении 2020—2021 гг. и до сих пор наблюдается в отдельных странах и регионах. Школы, колледжи и университеты периодически переходят на онлайн-обучение в зависимости от эпидемиологической ситуации в регионе. Многие исследователи утверждают, что в ближайшее время вряд ли удастся полностью вернуться к обычному формату обучения. Более того, население все еще должно соблюдать правила социального дистанцирования, а это может негативно сказаться на рассадке учащихся в аудитории. Образовательные учреждения пытаются найти варианты выхода из сложившейся ситуа-

ции: перед ними остро встала задача выработать разнообразные сценарии работы в ближайшем будущем [15]. Одним из вариантов решения проблемы является обучение на различных платформах, внедрение онлайн-курсов или использование смешанного формата.

В пользу онлайн-обучения выступают несколько аргументов. Самыми основными из них являются доступность, гибкость, постоянность, непрерывность и т. д. Считается, что онлайн-обучение легкодоступно и может охватить даже отдаленные районы. Оно также считается относительно дешевым способом получения образования с точки зрения отсутствия затрат на транспортные услуги, снижения затрат на питание и проживание, а в некоторых случаях даже снижения общей стоимости обучения в учебном заведении. Известно, что в 2020 году студенты некоторых российских вузов активно выступали с требованиями перерасчета оплаты очного обучения. Гибкость — еще один интересный ас-

пект онлайн-обучения. Учащийся может сам запланировать время прохождения онлайн-курсов, доступных в Интернете. Сочетание очных занятий с онлайн-лекциями приводит к смешанному обучению или даже модели «перевернутого класса», когда освоение нового материала происходит дома, во время самостоятельной работы, а в классе происходит его закрепление под контролем учителя [6].

Конечно, живое общение между педагогом и учеником заменить невозможно. Однако пандемия, вызванная коронавирусом, является еще одним аргументом в пользу онлайн-обучения, так как именно оно может стать своеобразной панацеей во время кризиса. Очевидно, что онлайн-обучение позволяет студентам учиться в любое время и в любом месте, а также развивает у них новые навыки. Более того, онлайн-обучение может охватить все возрастные категории и способствовать непрерывному обучению.

Онлайн-обучение, или электронное обучение. Стремительное развитие информационных технологий упростило процедуру дистанционного обучения [11]. «Большинство терминов, характеризующих электронное обучение (онлайн-обучение, открытое обучение, компьютерное обучение, смешанное обучение, мобильное обучение и т. д.), объединяет возможность использования компьютера, подключенного к сети Интернет, что дает возможность учиться из любого места, в любое время, в любом ритме, любыми методами» [5]. Онлайн-обучение можно назвать особым инструментом, который может ориентировать образовательный процесс на учащихся, сделать его более инновационным и гибким. Онлайн-обучение представляет собой «опыт обучения в синхронной или асинхронной среде с использованием различных устройств (например, мобильных телефонов, ноутбуков и т. д.) с доступом в Интернет. В этих условиях учащиеся могут быть где угодно (независимо друг от друга) и при этом учиться и взаимодействовать с преподавателями и другими студентами» [16]. Синхронная учебная среда структурирована так, что учащиеся посещают лекции в режиме реального времени, что способствует взаимодействию преподавателей и учащихся. Более того, существует возможность мгновенной обратной связи, тогда как при асинхронном обучении мгновенная обратная связь невозможна, практически отсутствуют живые лекции или занятия [10]. Синхронное обучение может предоставить множество возможностей для социального взаимодействия [11]. В условиях распространения коронавируса необходимы такие

онлайн-платформы, где возможны видеоконференции с участием не менее 40—50 студентов, можно проводить дискуссии со студентами, присутствует стабильное интернет-соединение, существует возможность подключения с мобильных телефонов, а не только с ноутбуков, есть архив записанных лекций с постоянным доступом и можно получать мгновенную обратную связь от студентов [3].

Онлайн-обучение как необходимость. В начале пандемии большая часть мира находилась в ситуации жесткого локдауна. Школы, колледжи и университеты закрылись, а дети ушли на вынужденные каникулы. В таких условиях онлайн-преподавание и онлайн-обучение стало своеобразной панацеей. Коронавирус заставил практически все учебные заведения перейти от офлайн-режима к онлайн-режиму обучения. Ситуация пандемии вынудила изменяться даже те учреждения, которые сильно этому сопротивлялись и не хотели внедрять современные технологии. Глобальная катастрофа подчеркнула все преимущества онлайн-преподавания и обучения. При помощи онлайн-технологий преподаватели смогли вернуться к учебе. Всем учебным заведениям пришлось пересмотреть существующие подходы и выбрать наиболее эффективные варианты использования электронных технологий. Многие университеты по всему миру, учитывая нестабильность ситуации, полностью перевели обучение в цифровой формат. На некоторое время онлайн-обучение стало единственным возможным способом продолжить образовательный процесс. По мере стабилизации ситуации с коронавирусом студенты и школьники вернулись за парты, однако дистанционное обучение сохранилось для проведения лекций в больших группах или для работы со студентами заочного отделения. Действительно, в первом случае решается проблема раскладки студентов в аудитории, а во втором иногородним студентам предоставляется возможность получать образование «из дома».

В настоящее время наиболее остро встает вопрос повышения качества образовательного процесса в онлайн-формате. После вспышки COVID-19 использование онлайн-технологий в образовательных учреждениях увеличилось в геометрической прогрессии. Преподавателям всего мира пришлось изменить способы преподавания в кратчайшие сроки, чтобы приспособиться к новым рыночным условиям и адаптироваться к меняющейся ситуации. Основная проблема на данном этапе обучения заключается не в том, смогут ли онлайн-технологии обес-

печить качественное образование, а в том, смогут ли образовательные учреждения столь массово и стремительно внедрять технологии онлайн-обучения [4].

Многие педагоги понимают, что сопротивление изменениям не поможет ни одному образовательному учреждению. Репутация учебных заведений поставлена на карту и находится под пристальным вниманием. В эпоху пандемии их будут оценивать на основании того, как быстро они адаптируются к изменениям и при этом поддерживают качество образовательного процесса. Очевидно, что учебные заведения не смогут в одночасье перевести все учебные программы в онлайн-режим. Количество преподаваемых дисциплин и личностное взаимодействие являются сейчас достаточно важными проблемами [9]. Быстрому переходу в режим онлайн-обучения может способствовать, например, использование уже существующих продуктов Google, таких как электронная почта, Google-формы, календари, G-Drive, Google Hangouts, Google-доска, Google Classroom и т. д. Все эти инструменты можно успешно применять в качестве альтернативной формы очным занятиям [3]. Google-формы достаточно просты в использовании, удобны при составлении различного рода тестов. На их основе достаточно удобно создавать различные олимпиады и викторины, поскольку они позволяют использовать аудио- и видеофайлов.

Проблемы, связанные с онлайн-преподаванием и обучением. Несмотря на наличие множества технологий онлайн-обучения, каждая из них имеет свои проблемы или неудобства. Это могут быть ошибки загрузки, проблемы, связанные с установкой, со входом в систему, проблемы со звуком, видео и т. д. Иногда студент может воспринимать онлайн-обучение как скучное и неинтересное. Онлайн-обучение требует много времени и подразумевает высокую самодисциплину, однако не все студенты способны к самоорганизации. Планирование личного времени и концентрация внимания также являются значимыми проблемами для обучающихся. Более того, не всегда бывает возможным реализовать постоянный процесс двустороннего взаимодействия.

Еще одной проблемой является невозможность практической реализации полученных навыков [2]. Иногда онлайн-контент носит глубоко теоретический характер, а, как мы уже говорили, онлайн-обучение не всегда может предоставить двустороннее взаимодействие преподавателя и студента для эффективного усвоения ма-

териала. Поскольку переход на онлайн-обучение был стремительным, посредственное содержание учебных курсов может стать серьезной проблемой. Технические проблемы, отсутствие живого общения и недопонимание требований преподавателя также стоят в ряду проблем, выделяемых студентами [17]. На время пандемии дом стал для многих местом работы. Преподаватели и студенты были недостаточно подготовлены к тому, чтобы совмещать семью и повседневную жизнь с работой или учебой в онлайн-формате. У многих преподавателей и студентов отсутствовали гаджеты, с которых они могли бы работать или учиться, или у них не было соответствующих компетенций для осуществления образовательного процесса онлайн [13]. С течением времени удалось решить многие технические проблемы, приспособиться к онлайн-платформам, установить приемлемый график работы. Тем не менее до сих пор многие студенты жалуются на отсутствие камер, невозможность подключения микрофона или плохую связь, а преподаватель, в свою очередь, не в состоянии с полной уверенностью сказать, насколько достоверны такие жалобы.

Возможные решения проблем. Несомненно, онлайн-образование несет множество проблем, но нельзя отрицать тот факт, что во время пандемии такой формат имеет намного больше преимуществ. Следовательно, необходимо искать пути преодоления возникающих в ходе образовательного процесса проблем. Технические трудности можно решить предварительной записью видеолекций на случай перебоев со связью.

Онлайн-курсы нужно делать динамичными, интересными и интерактивными. Учителя должны установить ограничения по времени и напоминания для учащихся, чтобы вырабатывать у последних внимательность и самодисциплину. Очевидно, что учащиеся наряду с педагогами испытывают значительный стресс от новых образовательных технологий. Преподавателям необходимо адаптировать своих учеников к новым реалиям, уделять им больше личного внимания.

На современном этапе все большее значение начинают иметь онлайн-курсы и электронные учебники [1], качество которых необходимо постоянно улучшать. При составлении курсов важно учитывать такие аспекты, как интерактивность, ориентированность на обучаемого и возможность групповой работы над материалом курса [14]. Такого рода онлайн-курсы требуют от педагогов значительного количества времени на их разработку и последующую запись, по-

скольку педагогам необходимо освоить новые компетенции, необходимые как для их разработки, так и для последующей поддержки. Более того, каждый курс должен сопровождаться онлайн-инструкциями, которые облегчат обратную связь с учащимися и помогут им успешно пройти курс [7, 12]. Учебным заведениям приходится изменять традиционные подходы к обучению и делать упор на коллаборативное и проектное образование [8].

Онлайн-методы обучения поддерживают и облегчают преподавательскую деятельность, но существует острая необходимость взвесить все

за и против применения технологий, а затем рационально использовать их потенциал. Бедствия и пандемии, такие как COVID-19, могут создать хаос и напряженность, поэтому существует важная необходимость глубокого и тщательного изучения разнообразных возможностей электронных технологий, чтобы сбалансировать напряженность в условиях кризисных ситуаций. Задача образовательных учреждений заключается как в поиске новых технологий и их эффективном использовании, так и в переосмыслении всего образовательного процесса и обучении цифровой грамотности.

Литература

1. Крашенинникова Н. А. Электронный учебник как способ повышения эффективности учебного процесса / Н. А. Крашенинникова, Е. А. Путилина, Е. И. Крашенинникова // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. — 2016. — № 1(15). — С. 157—160.
2. Ускова Е. О. Компетентностно ориентированные задания в обучении иностранному языку / Е. О. Ускова, Е. И. Крашенинникова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. — 2018. — № 1(25). — С. 255—262.
3. Basilaia G. Replacing the classic learning form at universities as an immediate response to the COVID-19 virus infection in Georgia / G. Basilaia, M. Dgebuadze, M. Kantaria, G. Chokhoniidze // International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology. — 2020. — N 8(III).
4. Carey K. Is everybody ready for the big migration to online college? Actually, no / K. Carey // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 06.03.2022).
5. Cojocariu V.-M. SWOT analysis of e-learning educational services from the perspective of their beneficiaries / V.-M. Cojocariu, I. Lazar, V. Nedeff, G. Lazar // 5th World Conference on Educational Sciences, WCES, 5-8.02.2013, Universitatea din Roma, Italia. Volume: Procedia — Social and Behavioral Sciences. — Volume 116/2014. — P. 1999—2003.
6. Flipped classroom. — URL: <https://bokcenter.harvard.edu/flipped-classrooms> (дата обращения: 06.03.2022).
7. Keeton M. T. Best online instructional practices: Report of phase I of an ongoing study / M. T. Keeton // Journal of Asynchronous Learning Networks. — 2004. — N 8(2). — P. 75—100.
8. Kim K.-J. The future of online teaching and learning in higher education: The survey says / K.-J. Kim, C. J. Bonk // Educause Quarterly. — 2006. — N 4. — P. 22—30.
9. Liguori E. W. From offline to online: Challenges and opportunities for entrepreneurship education following the COVID-19 pandemic / E. W. Liguori, C. Winkler // Entrepreneurship Education and Pedagogy. — URL: <https://doi.org/10.1177/2515127420916738> (дата обращения: 06.03.2022).
10. Littlefield J. The difference between synchronous and asynchronous distance learning / J. Littlefield. — URL: <https://www.thoughtco.com/synchronous-distance-learning-asynchronous-distance-learning-1097959> (дата обращения: 06.03.2022).
11. McBrien J. L. Virtual spaces: Employing a synchronous online classroom to facilitate student engagement in online learning / J. L. McBrien, R. Cheng, P. Jones // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. — 2009. — N 10(3). — P. 1—17.
12. Nesterova A. A. The eco-psychological approach: Designing parent education and support programs in an inclusive school / A. A. Nesterova, N. S. Babieva, I. V. Merenkova, A. V. Grinenko, I. E. Sololovskaya, N. A. Krashennikova // Ekoloji. — 2019. — Vol. 28, N 107. — P. 737—742.
13. Parkes M. Student preparedness for university e-learning environments / M. Parkes, S. Stein, C. Reading // The Internet and Higher Education. — 2014. — N 25. — P. 1—10.
14. Partlow K. M. Indicators of constructivist principles in internet-based courses / K. M. Partlow, W. J. Gibbs // Journal of Computing in Higher Education. — 2003. — N 14(2). — P. 68—97.
15. Rieley J. B. Corona Virus and its impact on higher education. Research Gate / J. B. Rieley. — URL: https://www.researchgate.net/post/Corona_Virus_and_its_impact_on_higher_education (дата обращения: 06.03.2022).

16. Singh V. How many ways can we define online learning? A systematic literature review of definitions of online learning (1988—2018) / V. Singh, A. Thurman // *American Journal of Distance Education*. — 2019. — N 33(4). — P. 289—306.
17. Song L. Improving online learning: Student perceptions of useful and challenging characteristics / L. Song, E. S. Singleton, J. R. Hill, M. H. Koh // *The Internet and Higher Education*. — 2004. — N 7(1). — P. 59—70.

ONLINE LEARNING: A WAY TO SOLVE THE PROBLEM DURING COVID-19

N. A. Krasheninnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kna.73@mail.ru

E. I. Krasheninnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
katekrash98@mail.ru

Up to now the majority of educational institutions in Russia have been based on traditional teaching methods, i. e. schoolchildren and students were trained offline directly facing the teacher in class. However, the sudden outbreak of a deadly disease called COVID-19, caused by the coronavirus (SARS-CoV-2), has had a global impact on the economy, healthcare and, of course, education. In March 2020, the World Health Organization declared the coronavirus pandemic. The emergency situation challenged the global education system and forced teachers to switch to online learning almost instantly. Academic institutions simply did not have any other choice. There are several arguments in favor of online learning, namely, accessibility, flexibility, continuity, etc. At the same time, some drawbacks peculiar to online learning can also be observed. The main one is the lack of proper competencies, which can help both students and teachers to be effectively involved in the process of online education. This article discusses online learning, analyzes its strengths and weaknesses, opportunities and challenges during a pandemic. The authors also suggest that it is necessary to improve the content of online courses and to use technology rationally.

Key words: education, online learning, distant learning, coronavirus, COVID-19.

References

1. Krasheninnikova N. A., Putilina E. A., Krasheninnikova E. I. (2016) Elektronnyj uchebnik kak sposob povysheniya effektivnosti uchebnogo protsessa [Electronic textbook as a way of educational process efficiency]. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii v prepodavanii estestvenno-nauchnykh distsiplin*, 1(15), p. 157—160.
2. Uskova E. O., Krasheninnikova E. I. (2018) Kompetentnostno orientirovannye zadaniya v obuchenii inostrannomu yazyku [Competence-oriented tasks in teaching a foreign language]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 1(25), p. 255—262.
3. Basilaia G., Dgebuadze M., Kantaria M., Chokhanelidze G. (2020). Replacing the classic learning form at universities as an immediate response to the COVID-19 virus infection in Georgia. *International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology*, 8(III).
4. Carey K. (2020). Is everybody ready for the big migration to online college? Actually, no. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com> (access date: 06.03.2022).
5. Cojocariu V.-M., Lazar I., Nedeff V., Lazar G. (2014). SWOT analysis of e-learning educational services from the perspective of their beneficiaries // 5th World Conference on Educational Sciences, WCES, 5-8.02.2013, Università di Roma, Italia. Volume: *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, Volume 116/2014, p. 1999—2003.
6. Flipped classroom. URL: <https://bokcenter.harvard.edu/flipped-classrooms> (access date: 06.03.2022).
7. Keeton M. T. (2004). Best online instructional practices: Report of phase I of an ongoing study. *Journal of Asynchronous Learning Networks*, 8(2), 75—100.
8. Kim K.-J., Bonk C. J. (2006). The future of online teaching and learning in higher education: The survey says. *Education Quarterly*, 4, p. 22—30.
9. Liguori E. W., Winkler C. (2020). From offline to online: Challenges and opportunities for entrepreneurship education following the COVID-19 pandemic. *Entrepreneurship Education and Pedagogy*. URL: <https://doi.org/10.1177/2515127420916738> (access date: 06.03.2022).
10. Littlefield J. (2018). The difference between synchronous and asynchronous distance learning. URL: <https://www.thoughtco.com/synchronous-distance-learning-asynchronous-distance-learning-1097959>.

11. McBrien J. L., Cheng R., Jones P. (2009). Virtual spaces: Employing a synchronous online classroom to facilitate student engagement in online learning. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 10(3), p. 1—17.
12. Nesterova A. A., Babieva N. S., Merenkova I. V., Grinenko A. V., Sololovskaya I. E., Krasheninnikova N. A. The eco-psychological approach: Designing parent education and support programs in an inclusive school. *Ekoloji*, 2019, Vol. 28, N 107, p. 737—742.
13. Parkes M., Stein S., Reading C. (2014). Student preparedness for university e-learning environments. *The Internet and Higher Education*, 25, p. 1—10.
14. Partlow K. M., Gibbs W. J. (2003). Indicators of constructivist principles in internet- based courses. *Journal of Computing in Higher Education*, 14(2), p. 68—97.
15. Rieley J. B. (2020). Corona Virus and its impact on higher education. Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/post/Corona_Virus_and_its_impact_on_higher_education (access date: 06.03.2022).
16. Singh V., Thurman A. (2019). How many ways can we define online learning? A systematic literature review of definitions of online learning (1988—2018). *American Journal of Distance Education*, 33(4), p. 289—306.
17. Song L., Singleton E. S., Hill J. R., Koh M. H. (2004). Improving online learning: Student perceptions of useful and challenging characteristics. *The Internet and Higher Education*, 7(1), p. 59—70.

**С. Н. Митин**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

**Т. С. Митина**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
cherrity07@mail.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализ современного студенчества основывается на понимании его как составной части молодежи, но при этом определяется и его отличительная особенность как специфической малой социальной группы, в которой сформированы особые условия и подходы к воспитанию личности. Для студентов характерна подготовка к будущей профессиональной деятельности в выбранной ими сфере.

Молодежь не может рассматриваться только как саморазвивающаяся система, поскольку она является частью общества и включена во многие его связи и отношения. Вместе с тем студенческой молодежи присущи специфические функции, одной из которых является получение образования. В годы студенчества на молодого человека оказывает большое влияние воспитательная деятельность вуза. Студенческая молодежь в данном случае рассматривается в комплексе определенных факторов: границы социального развития, социальный статус, ценностные ориентации.

Воспитание как педагогическое явление всегда предполагает качественные изменения личности студенческой молодежи, с которой работает педагог, или формирование в ней конкретных качеств. Воспитание является неотъемлемой частью образовательного процесса, в том числе и в высшей школе, в ходе которого закладываются основы мировоззрения студентов, развивается эмоционально-волевая сфера личности, формируются привычки поведения, нравственные качества и духовная культура.

Ключевые слова: молодежь, воспитание, студент, культура, поколение, общество, патриотизм.

Сегодня, ставя задачу изучения специфики формирования духовной культуры студентов, необходимо начинать с определения сущности научного подхода к анализу студенческой молодежи с точки зрения социогуманитарного подхода. Основные особенности данной социально-демографической группы складываются в рамках только ей присущих характеристик, выделяемых в отечественной науке в рамках исследований, посвященных изучению молодежи.

Наиболее емкое определение понятия «молодежь» дал В. Т. Лисовский: «Молодежь — поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции: в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [4, с. 65].

Молодежь рассматривается как общность на основе возрастных признаков и связанных с ними различных видов деятельности. В рамках

социокультурного подхода молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, которая выделяется на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места в жизни и функций в структуре социальных отношений общества в целом.

Среди специфических особенностей студенческой молодежи следует выделить прежде всего следующие: учебная деятельность, связанная с подготовкой к профессиональной деятельности, принадлежность к одной возрастной группе (очень важно при исследовании ввиду того, что возраст влияет на своеобразие мировоззрения человека и психофизиологические особенности личности). В. И. Филоненко отметил, что современное студенчество в большей степени дифференцировано, нежели интегрировано, — среди разделяющих студенческую молодежь свойств он выделил этнокультурную принадлежность и избранную молодыми людьми профессию [13].

В настоящее время существует множество различных толкований понятия «студенческая молодежь». В переводе с латинского "students" означает «усердно работающий, занимающийся» или «овладевающий знаниями». Студенчество как особая группа возникло с появлением первых университетов в Европе в XII веке. Средневековое студенчество было неоднородно как в социальном, так и в возрастном плане.

Многие отечественные исследователи давали свои характеристики студенчеству. Так, Ю. Р. Вишневецкий выделяет особый статус студенчества и относит его к так называемому переходному периоду, основной целью которого является подготовка к высококвалифицированному умственному труду, отличающемуся особыми формами социальной активности [2].

По мнению Б. Рубина и Ю. Колесникова, «студенчество — это мобильная социальная группа, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве» [8].

Кроме профессиональной подготовки исследователями был отмечен важный аспект: «Студенчество как социальная группа функционирует в системе высшего образования, выступает в качестве объекта производства, предметом которого является не вещь, а сам человек, личность. Поэтому главной формой производства является воспитательно-образовательная деятельность» [6, с. 34].

Тем самым они выделили значимую функцию системы высшего образования, которое ориентировано не только на профессиональную подготовку и подготовку к выполнению социальных ролей, но и на воспитание личности студента.

Исследуя феномен студенчества, А. Н. Семашко указывает на то, что для студенчества характерны все признаки, позволяющие отнести студентов к особой социальной группе: выполнение в обществе определенных функций, объективное существование, особое поведение членов групп и их статус, целостность, самостоятельность, наличие специфических социально-психологических черт и системы ценностей [10].

Таким образом, студенты — это социально-демографическая группа, состоящая из молодежи, обучающейся в среднепрофессиональных и высших учебных заведениях, которая характеризуется численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением, особым социальным положением, ролями и стату-

сами, особой стадией социализации, которую проходит большая часть молодежи.

Высшее учебное заведение выступает как объект профессионального самоопределения, так как именно в период обучения в вузе молодой человек получает профессиональную квалификацию. Наряду с этим в вузе создаются более углубленные, в сравнении со школой, условия для самоопределения учащихся, завершается процесс определения роли молодого человека в обществе, его жизненных ценностей и ориентаций.

С одной стороны, студенчество можно рассматривать как субъект профессионального становления, с другой — студенческий период является важным этапом в социокультурном развитии личности. В своем исследовании мы будем рассматривать духовный аспект в воспитании студентов, обучающихся в вузе.

Рудакова О. В. выделяет следующие характеристики молодежи:

«1. Студенчество — самая значительная по численности и по роли в системе общественного воспроизводства социальная группа;

2. Главная функция студенчества — пополнение рядов квалифицированных слоев общества специалистов и интеллигенции;

3. Студенческая молодежь является особой переходной социальной группой, в рамках которой осуществляется личностное и социальное становление;

4. Отличительная особенность студенчества — стремление ко всему новому, в силу отсутствия опыта — склонность к максимализму, преувеличению собственного мнения;

5. Состав студенческой группы формируется из представителей различных слоев и классов населения примерно одинакового возраста с определенным уровнем образования;

6. Студенческая молодежь наиболее чувствительна к общественным трансформациям и открыта для восприятия любых инноваций» [9, с. 64].

Социальное положение студенческой молодежи и молодежи в целом неразрывно связано с процессом социализации и во многом зависит от него. Именно поэтому необходимо знать специфику этого процесса в образовательной среде.

Понятие социализации довольно широкое и несет в себе процессы и результаты формирования отдельных аспектов личности. Социализация в узком смысле — это процесс, а в конечном итоге и результат взаимодействия личности и общества, интеграция индивида в структуру общества. Именно молодость является перио-

дом формирования идеалов и установок, приобретения новых знаний, умений, навыков и развития творческого потенциала человека.

Научный подход к изучению студенческой молодежи предполагает рассмотрение ее под влиянием воспитательной деятельности высшей школы в процессе социализации, которая способствует успешному функционированию молодого человека в обществе, усвоению им важнейших жизненных ценностей и формированию духовной культуры его личности.

Период студенчества является, бесспорно, важнейшим периодом в жизни молодого человека. Ведь именно в это время формируются не только профессионально-трудовые качества, но и нравственные и этические установки. Происходит становление личности, в том числе и ее духовной культуры, характера, приобретение житейского опыта.

Подводя итоги, можно сказать, что категория студенческой молодежи — это особый феномен нашего общества, который имеет множество различных аспектов для рассмотрения. Молодежь представляет интерес для исследования в гуманитарных науках и имеет немало особенностей. В силу своего возраста юноши и девушки отличаются высокой активностью, очень мобильны и находятся на этапе, когда им предстоит сделать выбор, который повлияет на их дальнейшую жизнь [3].

В период студенчества формируются основные жизненные ценности молодых людей, закладывается фундамент мировоззрения. Важно отметить, что именно студенческая молодежь является важнейшим ресурсом нашей страны и фактором ее развития, так как несет в себе творческий и интеллектуальный потенциал.

Студенты наименее обременены опытом и ошибками прошлых поколений и потому способны к инновациям и социальному переустройству мира. Они несут в себе ключевые тенденции и ценности развития существующего общества. Более того, студенты являются наиболее образованными и профессионально ориентированными среди всей молодежи. Однако в современной России трудно говорить о полной реализации потенциала студенческой молодежи: происходит кардинальное реформирование социально-экономической сферы. И, конечно, система образования должна соответствовать целям модернизации и формировать у студентов систему духовно-нравственных ценностей.

Важно следить за тем, как развивается молодежь, ведь именно эта социальная группа несет в себе весь потенциал нашего общества.

Духовная культура — важный аспект личности человека. Она формируется не только во время обучения в общеобразовательной школе, но и на протяжении всей жизни индивида. В вузе человек продолжает развивать свое мировоззрение и систему ценностей. Воспитательная деятельность высшей школы является важным фактором духовной культуры молодых людей. Поэтому в рамках анализа процесса формирования духовной культуры студенчества феномен воспитательного пространства вуза представляет интерес для нашего исследования. Нами были выявлены и детально рассмотрены главные воспитательные возможности и условия вуза, необходимые для формирования высокого уровня духовной культуры студенческой молодежи, а также в рамках проведенного нами исследования был проанализирован вопрос эстетического воспитания молодежи.

Современные российские студенты живут в условиях огромного влияния Интернета и СМИ на их сознание. Используя социальные сети и проводя большую часть своего времени в Интернете, молодые люди зачастую игнорируют культурные ценности, которые веками формировались в человеческом обществе и могут служить подлинным источником духовно-нравственного начала. А молодое поколение, как известно, наиболее мобильно и активно, а потому наиболее восприимчиво к различным новациям и подвержено мировоззренческим перестройкам. В настоящее время также актуально противоречие между потребностью общества в духовно развитых людях, способных к творческой деятельности, и отсутствием экономических и социокультурных условий для удовлетворения этой потребности [14].

Решение вопроса о духовном воспитании студенческой молодежи находится в плоскости теоретических разработок о развитии духовной культуры личности. Психолого-педагогические исследования показывают, что проблема формирования духовной культуры современных студентов особенно актуальна, поскольку студенческий период — важнейший этап в жизни молодого человека, когда у него формируются индивидуальные установки, приоритеты и ценности. Поэтому всем подразделениям высших учебных заведений важно уделять внимание успешному воспитанию духовной культуры у молодежи. Духовное воспитание должно быть составной частью педагогического процесса в высшем учебном заведении, которая связана с усвоением наиболее значимых жизненных ценностей.

Для обоснования вышесказанного необходимо для начала проанализировать сущность воспитательного процесса. Воспитание — это специально организованная деятельность педагогов по реализации определенного воздействия на личность для достижения педагогических целей в условиях образовательного процесса. Чаще всего воспитание рассматривается как управление процессом развития личности или формированием у нее отдельных качеств в соответствии с потребностями общества. Кроме того, воспитание — это способ передачи жизненных ценностей и опыта от предыдущих поколений. Воспитание также существует для удовлетворения практической потребности общества и государства в приобщении подрастающего поколения к существующим условиям жизнедеятельности.

Одним из важных направлений воспитания в студенческий период является духовно-нравственное воспитание, которое направлено прежде всего на усвоение и понимание важнейших ценностей культурного развития общества. Главное, чтобы эти ценности стали основой поведения и деятельностного начала через формирование характера и основных ориентаций студенческой молодежи.

Воспитание связано с обучением и в целостной структуре образовательного процесса вузов тесно с ним взаимодействует. В образовательных учреждениях молодой человек проводит большую часть своего времени и формируется как личность.

И воспитание, и обучение протекают в одном образовательном учреждении, осуществляются одними и теми же людьми — преподавателями — и направлены на достижение общей цели: подготовку личности к самостоятельной жизнедеятельности. Более того, в ходе процесса освоения научных знаний имеет место воспитательный аспект, реализуемый через содержание учебно-методического материала и взаимодействие преподавателя со студентами. Чтобы выявить эффективность воспитания духовной культуры студентов, необходимо проанализировать систему воспитания высшей школы.

В социальной среде обучение в вузе имеет большое значение для воспитания молодежи. Современный российский университет включает в себя два основных компонента: учебно-воспитательный процесс и научно-исследовательскую работу. Последняя является доминирующей частью университета, реализующего социальный заказ по подготовке специалистов в различных сферах профессиональной деятель-

ности. Но именно воспитание является важнейшим фактором в процессе формирования личностных качеств студентов. Рассмотрим подробнее структуру воспитательной системы высшей школы.

Сформированная система воспитания высшей школы — это сложная система, которая включает в себя:

- цель воспитания — идеи, для которых система воспитания создается;
- деятельность, обеспечивающую реализацию целей воспитания;
- субъекты, реализующие деятельность и в ней участвующие;
- воспитательное пространство, в котором непосредственно происходит процесс воспитания студентов [10].

Основной целью воспитательной деятельности высшей школы является успешная социализация студентов в современном обществе, которая включает в себя развитие молодого человека как субъекта социальных отношений и формирование у него необходимых духовно-нравственных личностных качеств. Для достижения этой цели на этапе высшего образования должны решаться следующие задачи:

1. Формирование у студентов гуманистических ценностей и идеалов;
2. Воспитание ответственного отношения к труду и творческой деятельности, интереса к выбранной профессии;
3. Воспитание уважения к Родине, ее культуре и традициям;
4. Духовно-нравственное воспитание и формирование эстетической культуры студентов;
5. Создание условий для личностного и профессионального самоопределения, саморазвития и самоутверждения в различных сферах деятельности.

Потенциал воспитательного воздействия в вузе во многом зависит от создания условий для реализации обучающегося студента как субъекта посредством его активного включения в общественную и образовательную деятельность: участие в творческих общественных объединениях, связанное с формированием своих возможностей и способностей. Процесс воспитания студентов в вузе — это приобретение обществом нового активного субъекта. Поэтому деятельность в вузе должна связывать учебную и внеучебную работу в один целостный процесс. Она должна быть творческой и одновременно личностно значимой.

Воспитательная деятельность университета складывается из образовательного процесса как

средства интеллектуально-творческого развития студентов и внеучебной культурно-творческой деятельности как средства социально-культурной практики и развития личности в культурном пространстве.

В университете студенты часто вовлекаются в активную творческую деятельность. Важнейшую роль в формировании духовной культуры студентов играют именно учреждения внеучебной деятельности: различные центры культуры и досуга студентов. Участие в разнообразных творческих конкурсах и мероприятиях развивает у молодежи понимание важности творчества в жизни — оно несет в себе не только эмоциональную разгрузку, но и способствует развитию отдельных качеств личности.

Одним из воспитательных механизмов в системе воспитания высшей школы является ее воспитательное пространство. Обратимся к значению воспитательного пространства университетов и осуществлению воспитательной деятельности в них, так как они характеризуют развитие теории воспитания в педагогике и решают реальные проблемы, возникшие в процессе политических, социальных и экономических изменений в российской действительности, оказывающих огромное влияние на студенческую молодежь.

Воспитательное пространство можно определить как систему необходимых и достаточных связей, в которой находится воспитуемый. Воспитание — сложный общественный процесс с множеством трудностей. Воспитание студентов осложняется тем, что они испытывают разностороннее социальное воздействие, поэтому наиболее актуально формирование целенаправленной воспитательной среды (пространства) в самом образовательном учреждении высшего образования. В настоящее время в университетах разработана не только концепция профессионального воспитания молодых специалистов, но и общая концепция воспитания личности студентов.

Воспитательное пространство вуза — это социальное пространство, которое дополняется социальными связями, характеризующимися: 1) воспитательной направленностью; 2) воспитательным эффектом; 3) ограничением негативных социальных связей за пределами университета; 4) формированием новых социальных связей с положительной воспитательной направленностью [12, с. 122].

На наш взгляд, создание эффективного воспитательного пространства на базе высшей образовательной школы обусловлено и тем, что она способна предоставить нужные элементы

для его организации: квалифицированных специалистов, постоянный контакт со студентами, необходимую базу психолого-педагогической теории. Тем не менее при построении воспитательного пространства вуз должен руководствоваться определенными принципами, обеспечивающими эффективное функционирование данной системы. Необходимо создать среду, под влиянием которой будет проходить формирование и развитие личности студентов. Это должно быть однородное пространство, которое будет оказывать на молодых людей положительное воздействие и в котором для них будет существовать множество возможностей для всестороннего культурного развития и формирования определенных качеств личности. Такая среда становится средством воспитания с соответствующими ей целями и задачами.

Для оценки эффективности воспитательного пространства высшей школы в воспитании духовной культуры молодежи важно знать, из каких элементов состоит духовная культура личности. Обратимся к понятию «духовная культура». Духовная культура — это важнейшая составляющая не только всего общества, но и каждой личности. Она неразрывно связана с духовной сферой деятельности и является ее следствием. Чтобы раскрыть понятие духовной культуры личности и ее основные составляющие, приведем несколько определений данного понятия [5].

Многие авторы приходили к тому, что духовность — это сфера отношения человека к человеку. Так, С. Л. Рубинштейн писал: «Первейшее из первых условий жизни человека — это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину» [7, с. 262].

Познавательное, нравственное и эстетическое является важным в становлении духовно-нравственного начала студенческой молодежи. Этим трем компонентам соответствуют три сферы духовной деятельности: научное знание, искусство, нравственность. Устремленность человека к высшим нравственным ценностям через добро, красоту и истину — это направления духовно-нравственного воспитания молодежи.

Красота действительно является одной из высших ценностей человека и относится к категории эстетических ценностей. Это обусловлено тем, что ценностные ориентиры человека выступают показателем его внутреннего мира и духовной культуры, которые, в свою очередь, находят отражение в его поступках и деятельности, во взаимодействии с окружающим его

миром. Поэтому не стоит забывать о том, что воспитание многоаспектно и должно включать в себя формирование не только нравственных качеств, таких как мораль, ответственность, честь и эмпатия, но и системы эстетических ценностей, вкуса и тяги к творчеству через эстетическое воспитание. А высшая школа должна удовлетворять этим потребностям и создавать все условия для воспитания у студентов высокого уровня культуры. Для изучения проблем эстетического воспитания молодежи необходимо иметь представление о сущности самого процесса. Подробнее остановимся на вопросе эстетического воспитания молодежи в вузе.

«Эстетическое воспитание молодежи — это целенаправленное, систематическое воздействие на личность с целью ее эстетического развития, то есть формирования творчески активной личности, способной воспринимать и оценивать прекрасное в природе, труде, общественных отношениях с позиций эстетического идеала, а также испытывать потребность в эстетической деятельности» [1].

Духовно-эстетическое воспитание молодежи — значимое направление культурно-образовательной политики нашего государства, которое обуславливает комплексный подход в воспитании личности молодого человека. Духовно-эстетическое воспитание должно быть художественно наполненным и творчески направленным, а также развивающим социальное начало личности.

В процессе духовно-эстетического воспитания происходит взаимодействие личности с культурным достоянием человечества и приобретение индивидов к ценностям, усвоение их и переход во внутренние установки молодых людей. Воспитание через красоту формирует не только эстетико-ценностные ориентации личности, но и тягу к творчеству, к осознанию важности эстетических ценностей в деятельности и в поведении.

Необходимо создавать эффективную эстетико-воспитательную среду в вузе с учетом возрастных особенностей для культурно-просветительской деятельности молодежи. Речь идет об адаптации воспитательного пространства университетов для удовлетворения потребностей студентов в творчестве и освоения культурных ценностей. Дополняя воспитательное пространство вуза, мы можем добиться эффективного и глубинного освоения эстетической и культурной среды молодежью.

В процессе обучения студент, помимо получения знаний, навыков и умений, должен совершенствовать личные моральные и волевые качества, приобрести чувство гражданственности, осознание социально значимых ценностей. Поэтому воспитание и образование современной молодежи на базе ценностных доминант должны осуществляться именно через систему многоуровневого образования, составной частью которого и является высшая школа с ее особым механизмом воспитания и воспитательным пространством.

Литература

1. Андреева Л. В. Эстетическое воспитание молодежи / Л. В. Андреева // Молодежь. Образование. Общество : материалы Международной научно-практической конференции. — Иркутск, 2017.
2. Вишневский Ю. Р. Студент 1995—2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / Ю. Р. Вишневский. — Екатеринбург : УрФУ, 2017. — 904 с.
3. Кон И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — Москва, 1989. — 256 с.
4. Лисовский В. Т. Советское студенчество: социологические очерки / В. Т. Лисовский. — Москва, 1990.
5. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России : учебное пособие / В. Т. Лисовский. — СПб., 2000. — 508 с.
6. Молодежная политика. Информационный бюллетень № 129—130 / под ред. Б. А. Ручкина. — Москва, 2007. — С. 34.
7. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — СПб., 2004. — 675 с.
8. Рубин Б. Г. Студент глазами социолога / Б. Г. Рубин, Ю. С. Колесников. — Ростов н/Д., 1968. — 277 с.
9. Рудакова О. В. Жизненные стратегии современного российского студенчества : дис. ... канд. социол. наук / О. В. Рудакова. — Москва, 2004. — С. 64.
10. Семашко А. Н. Художественные потребности и их развитие у молодежи / А. Н. Семашко. — Киев, 1977. — 159 с.
11. Социология молодежи : энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — Москва, 1996. — 200 с.
12. Степашев Н. С. Воспитательное пространство вуза / Н. С. Степашев // Высшее образование. — 2010. — № 1. — С. 122.

13. Филоненко В. Репрезентативная культура современного российского студенчества / В. Филоненко, Л. Штомпель, О. Штомпель // Социологическое обозрение. — 2018. — Т. 17, № 3. — С. 221—239.
14. Филоненко В. И. Современное российское студенчество в транзитном обществе: противоречия и парадоксы социализации / В. И. Филоненко. — Ростов н/Д., 2009. — 42 с.

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF STUDENTS IN THE FRAMEWORK OF MODERN SOCIO-HUMANITARIAN RESEARCH

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
cherrity07@mail.ru

The analysis of modern student community is based on understanding it as an integral part of youth, but at the same time, its distinctive feature is also determined as a specific small social group in which special conditions and approaches to personal education are formed. Students are characterized by preparation for future professional activity in the chosen field. Youth cannot be considered only as a self-developing system, since it is part of society and is included in many of its connections and relationships. At the same time, students have specific functions, one of which is receiving an education. During the student years, the educational activities of the university have a great influence on the young person. In this case, the student youth is viewed according to a complex of certain factors: the boundaries of social development, social status, value orientations. Education as a pedagogical phenomenon always involves qualitative changes in the personality of the student youth or the formation of specific qualities in him. Education is an integral part of the educational process, including in higher school, during which the foundations of students' worldview are laid, the emotional and volitional sphere of personality develops, behavioral habits, moral qualities and spiritual culture are formed.

Key words: youth, education, student, culture, generation, society, patriotism.

References

1. Andreeva L. V. (2017) Esteticheskoe vospitanie molodezhi [Eretic upbringing of the youth]. Molodezh. Obrazovanie. Obschestvo: proceedings of international scientific and practical conference, Irkutsk.
2. Vishnevskiy Yu. R. (2017) Student 1995—2016 gg.: dinamika sotsiokulturnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala [Student of 1995—2016: dynamic of social and cultural development of studentship in the Midland Urals]. Yekaterinburg: UrFU, 904 p.
3. Kon I. S. (1989) Psikhologiya ranney yunosti [Psychology of the early youth]. Moscow, 256 p.
4. Lisovskiy V. T. (1990) Sovetskoe studenchestvo: sotsiologicheskie ocherki [Soviet studentship: socio-science essays]. Moscow.
5. Lisovskiy V. T. (2000) Dukhovnyj mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii [Inner world and value orientations of Russian youth: textbook]. St. Petersburg, 508 p.
6. Ruchkina B. A. (2007) Molodezhnaya politika [Youth policy]. Informatsionnyj byulleten, (129-130), Moscow, p. 34.
7. Rubinshteyn S. L. (2004) Chelovek i mir [Man and world]. St. Petersburg, 675 p.
8. Rubin B. G., Kolesnikov Yu. S. (1968) Student glazami sotsiologa [Student as viewed by a sociologist]. Rostov-on-Don, 277 p.
9. Rudakova O. V. (2004) Zhiznennye strategii sovremennogo rossiyskogo studenchestva [Life strategies of a contemporary Russian studentship]. Dis. ... Candidate of Sociology, Moscow, p. 64.
10. Semashko A. N. (1977) Khudozhestvennye potrebnosti i ik hrazvitie u molodezhi [Art needs and their development in youth]. Kiev, 159 p.
11. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (1996) Sotsiologiya molodezhi: entsiklopedicheskiy slovar [Sociology of the youth: encyclopedic dictionary]. Moscow, 200 p.
12. Stepashev N. S. (2010) Vospitatelnoe prostranstvo vuza [Educational space of a university]. Vyssheobrazovanie, (1), p. 122.
13. Filonenko V., Shtompel L., Shtompel O. (2018) Rezentativnaya kultura sovremennogo rossiyskogo studenchestva [Representative culture of modern Russian students]. Sotsiologicheskoe obozrenie, vol. 17, (3), p. 221—239.
14. Filonenko V. I. (2009) Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo v tranzitnom obshchestve: protivorechiya i paradoksy sotsializatsii [Contemporary Russian studentship in the transit society: challenges and contrasts of socialization]. Rostov-on-Don, 42 p.

**А. С. Селиванова**

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
ansel19@yandex.ru

РАСШИРЕННАЯ ДИАГНОСТИКА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ НАРУШЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С РАС

В статье описывается диагностика нарушений компонентов речи детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), а также выдвигается предположение, что при иных нарушениях, таких как нарушения сенсорных систем, недостаточная работа префронтальной области коры головного мозга, они могут быть первично схожи с расстройствами аутистического спектра, что может привести к ошибочному диагнозу. При этом ошибочный диагноз влияет не только на медицинский статус пациента, но и может привести к нежелательным или недостаточным результатам в процессе коррекционной работы. В статье приводятся примеры проб, которые доказывают важность и точность установления первичного нарушения, для дальнейшей успешной коррекционной работы.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра, диагностика, сенсорные системы, нарушение коммуникации, компоненты речи.

По статистике Министерства здравоохранения, за последние 5 лет частота выявления детей с расстройствами аутистического спектра выросла более чем в 2,5 раза. При этом средний возраст постановки диагноза в России — 5 лет (по данным Московского научно-исследовательского института психиатрии — филиала «НМИЦ ПН имени В. П. Сербского» Минздрава России).

Расстройства аутистического спектра представляют собой ряд психических нарушений, которые влекут диаду нарушений социального взаимодействия и коммуникации, что приводит к социальной дезадаптации и наличию стереотипных паттернов. При этом расстройства аутистического спектра включают в себя группу психических нарушений, различных по степени выраженности: начиная от синдрома Каннера (ранний детский аутизм) до пограничных расстройств социального взаимодействия. Однако при любом виде РАС специфического лечения не существует, но разрабатываются все новые способы диагностики и различные методы коррекционной работы, которые направлены на преодоление когнитивных, поведенческих нарушений и нарушений коммуникации у детей данной категории.

Активной разработкой методов исследования симптомов расстройств аутистического спектра, а также направлениями коррекционной

работы занимались Е. В. Максимова, М. К. Бардышевская, В. В. Лебединский, О. С. Никольская, И. Л. Шпицберг.

В последние годы частота выявления диагноза РАС у детей увеличилась, несмотря на это, процент постановки ошибочного диагноза достаточно велик. В связи с этим расширенная и точная диагностика позволяет определить этиопатогенетический статус речевого нарушения, а также правильное направление коррекции для преодоления коммуникативных трудностей у детей с РАС.

Для исследования речевого развития детей с РАС необходимо проведение диагностических проб по каждому компоненту речи:

- фонетика;
- фонематика;
- лексика;
- грамматика;
- связная речь.

В первую очередь при проведении дифференциальной диагностики необходимо выявить: возможное невыполнение проб является следствием нарушения коммуникации либо нарушение коммуникации является следствием нарушения сенсорных систем.

По словам И. Л. Шпицберга, «вместо последовательного развития и совершенствования сенсорных систем в направлении изучения окружающего мира у ребенка развивается меха-

низм игнорирования внешних сигналов. В то же время интенсивно развивается чувствительность по направлениям, несущим минимум сенсорной информации, вместо насыщенного сенсорными сигналами фронтального направления развиваются периферические зрительные и слуховые поля» [13]. Именно поэтому стоит отметить, что при проведении расширенной диагностики детей с РАС допустимо использовать формирующий эксперимент, так как нарушение коммуникации у детей с РАС может привести к искаженным результатам всего исследования. Исходя из этого, для фиксации результатов диагностики была использована индивидуальная речевая карта, которая была расширена дополнительными пробами для лучшего понимания возможностей ребенка по восприятию и действия со своим телом, так как телесный компонент «Образ Я» искажается при любой психической патологии, в том числе и при расстройствах аутистического спектра.

Ребенок 4,5 года. Первичный диагноз: расстройство аутистического спектра.

Анамнез: не отягощен.

Жалобы (со слов матери): не разговаривает, зрительный контакт не поддерживает, со сверстниками в детском саду не взаимодействует. Часто бывают необоснованные истерики.

Из наблюдений при первом визите: ребенок говорит, и словарный запас соответствует возрасту, речь шепотная, присутствуют отсроченные эхолалии в виде фраз из мультфильмов. Глазной контакт устанавливает, однако длительно не удерживает. При этом проблемы с установлением коммуникации у ребенка при первой встрече не были ярко выражены. Ребенок пытался общаться, отвечал на вопросы, выполнял инструкцию. Было принято на второй встрече провести расширенную диагностику.

Далее представим несколько наиболее интересных для интерпретации проб во время расширенной диагностики:

1. Проба «Найди такой же». Данная проба необходима для проверки степени развития анализа и синтеза. Ребенку предлагается подобрать к картинке фигурку, выбранную по сигнальным признакам. Картинка и фигурка не идентичны. На видео можно наблюдать, как ребенок включается в выполнение данной пробы. Он внимательно слушает и выполняет задание.

2. Проба «Один — много». В данной пробе ребенку предлагается назвать предмет в единственном и во множественном числе.

Видео 1: стоит обратить внимание, что на первый взгляд ребенок не образует множест-

венное число, но именно для таких случаев мы используем несколько вариантов одной пробы, потому что причины невыполнения пробы могут быть различными (в данном случае ребенок выполняет задание с карточками, притом любыми, но не выполняет с подручным материалом). Также стоит отметить застревание на одном слове, так как возникают проблемы с переключением с единственного числа на множественное.

Видео 2: ребенок получает другой материал для пробы, исключается переключение (ребенок сразу называет увиденные предметы во множественном числе), и проба выполнена.

3. Проба «Глагольный словарь». Ребенку предлагается несколько картинок, где используются глаголы как в прямом значении, так и в переносном. Ребенку необходимо выбрать картинку, где изображено названное действие. Вопрос строится таким образом: «Где идет?», «Где стучит?» и т. д.

Видео 3: здесь стоит обратить внимание на то, как ребенок к глаголам прибавляет известные существительные. Это может говорить о том, что у ребенка не сформировано само понимание значения глагола, однако заучены обороты, которые ребенок использует: «Варит суп», «Лежит кровать».

4. Диагностика слоговой структуры слова. Слоговая структура не нарушена, однако, как и в пробе «Глагольный словарь», можно заметить добавление заученных речевых оборотов.

5. Проба «Составь фразу». Несмотря на то, что ребенок часто выдает готовые трафаретные фразы, самостоятельно построить фразу он затрудняется. На этой пробе снова видно застревание, и ребенок выпадает из цели задания. Хотя, как показала первая проба «Найди такой же», ребенок способен принимать, удерживать и выполнять полученную задачу.

Необходимо также отметить, что уход от полученной задачи нельзя рассматривать только как отрицательную черту. В предложенных видео видно, что уход от деятельности и «ускользание» на другую задачу больше похожи на развивающийся познавательный интерес. А это является несомненным плюсом при коррекции нарушения.

Таким образом, делая выводы по диагностике данного ребенка, мы определили, что интерпретация обращенной речи нарушена, однако в первую очередь это вызвано возможным нарушением в развитии сенсорных систем и недостаточной работой префронтальной области коры головного мозга. А так как мышление и

развитие сенсорных систем идет параллельно друг другу, то при возникающем нарушении сенсорных систем затормаживается и мышление, что и приводит к подобным «застреваниям» и невозможности переключиться с одной задачи на другую. При постоянных случаях «застревания» ребенок не может расширить ни когнитивную, ни коммуникационную деятельность. И, как результат, происходит нарушение коммуникации, а невозможность переключения

и застревания на одном действии или слове рассматривается как стереотипный паттерн.

Вследствие этого стоит отметить, что при обследовании компонентов речи у детей с РАС недостаточно использовать речевую карту, необходимо расширять диагностику дополнительными когнитивными пробами. Это дает возможность глубже понять структуру нарушения любого компонента речи, а значит, выстроить правильную коррекцию.

Литература

1. Баенская Е. Р. Ранняя диагностика и коррекция РАС в русле эмоционально-смыслового подхода / Е. Р. Баенская // Аутизм и нарушения развития. — 2017. — Т. 15, № 2(55).
2. Бардышевская М. К. Диагностика эмоциональных нарушений у детей / М. К. Бардышевская, В. В. Лебединский. — Москва : УМК «Психология», 2003.
3. Богдашина О. Аутизм: определение и диагностика / О. Богдашина. — Донецк, 1999.
4. Динамика показателей госпитализации детей с расстройствами аутистического спектра в детском психиатрическом стационаре / Т. А. Куприянова, Е. В. Корень, М. Т. Датуашвили, М. Ю. Корнева, В. А. Красов // Социальная и клиническая психиатрия. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 40—44.
5. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А. Р. Лурия. — Москва : Издательство Московского университета, 1966.
6. Максимова Е. В. Уровни общения: причины возникновения раннего детского аутизма и его коррекция на основании теории Н. А. Бернштейна / Е. В. Максимова. — Москва : Диалог-МИФИ, 2008.
7. Никольская О. С. Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение / О. С. Никольская. — Москва : МГППУ, 2008.
8. Ньюкиктъен Ч. Детская поведенческая неврология / Ч. Ньюкиктъен. — Москва : Теревинф, 2021.
9. Ньюкиктъен Ч. Различия в уязвимости между полушариями в раннем детстве и во взрослой жизни / Ч. Ньюкиктъен // Физиология человека. — 2006. — № 32(1). — С. 45—50.
10. Хомская Е. Д. Проблема факторов в нейропсихологии / Е. Д. Хомская // Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. — Москва : Наука, 1986. — С. 23—32.
11. Цветков А. В. Нейропсихология аутизма и депрессии / А. В. Цветков. — Москва, 2015.
12. Цветкова Л. С. Методика нейропсихологической диагностики детей / Л. С. Цветкова. — Москва : Педагогическое общество России, 2002.
13. Шпицберг И. Л. Коррекция нарушений развития сенсорных систем у детей с расстройствами аутистического спектра / И. Л. Шпицберг // Аутизм и нарушения развития. — 2013. — Т. 11, № 2. — С. 33—45.

ADVANCED DIAGNOSTICS IN DETECTING SPEECH COMPONENT DISORDERS IN CHILDREN WITH ASD

A. S. Selivanova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)

ansel19@yandex.ru

The article describes the diagnosis of speech components disorders of children with ASD, and also suggests that in other disorders, such as disorders of sensory systems, as well as inadequate work of the prefrontal region of the cerebral cortex may be primarily similar to autism spectrum disorders, which can lead to misdiagnosis. At the same time, an erroneous diagnosis affects not only the medical status of the patient, but can also lead to undesirable or insufficient results in the process of corrective work. The article provides examples of tests that prove the importance and accuracy of establishing the primary violation for further successful corrective work.

Key words: autism spectrum disorder, diagnostics, sensory systems, communication disorders, speech components.

References

1. Baenskaya E. R. (2017) Rannaya diagnostika i korrektsiya RAS v rusle emotsionalno-smyslovogo podkhoda [Early diagnosis and correction of ASD in line with the emotional-semantic approach]. *Autism i narusheniya razvitiya*, vol. 15, 2(55).
2. Bardyshevskaya M. K., Lebedensky V. V. (2003) Diagnostika emotsionalnykh narusheniy u detey [Diagnosis of emotional disorders in children]. Moscow: UMK "Psikhologiya".
3. Bogdashina O. (1999) Autism: opredelenie i diagnostika [Autism: definition and diagnosis]. Donetsk.
4. Kupriyanova T. A., Koren E. V., Datuashvili M. T., Korneva M. Y., Krasov V. A. (2019) Dinamika pokazateley gospi-talizatsii detey s rasstroystvami autisticheskogo spectra v detskom psikiatricheskom stacionare [Dynamics of indicators of hospitalization of children with autism spectrum disorders in a children's psychiatric hospital]. *Sotsial-naya i klinicheskaya psikiatriya*, vol. 29, (1), p. 40–44.
5. Luria A. R. (1966) Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokalnykh porazheniyakh mozga [Higher cortical functions of a person and their disorders in local brain lesions]. Moscow: Moscow University Press.
6. Maksimova E. V. (2008) Urovni obscheniya: prichiny vozniknoveniya rannego detskogo autizma i ego korrektsiya na osnovanii teorii N. A. Bernshteina [Communication levels: the causes of early childhood autism and its correction based on the theory of N. A. Bernstein]. Moscow: Dialog-MIPhI.
7. Nikolskaya O. S. (2008) Affektivnaya sfera kak Sistema smyslov, organizuyuschikh soznanie i povedenie [The affective sphere as a system of meanings that organize consciousness and behavior]. Moscow: MGPPU.
8. Nyokiktien Ch. (2021) Detskaya povedencheskaya nevrologiya [Children's behavioral neurology]. Moscow: Terevinf.
9. Nyokiktien Ch. (2006) Razlichiya v uyazvimosti mezhdru polushariyami v rannem detstve i vo vzrosloy zhizni [Differences in vulnerability between hemispheres in early childhood and in adulthood]. *Fiziologiya cheloveka*, 32(1), p. 45–50.
10. Chomskaya E. D. (1986) Problema faktorov v neyropsikhologii [The problem of factors in neuropsychology]. Neuropsychological analysis of interhemispheric asymmetry of the brain. Moscow: Nauka, pp. 23-32.
11. Tsvetkov A. V. (2015) Neyropsikhologiya autizma i depressii [The neuropsychology of autism and depression]. Moscow.
12. Tsvetkova L. S. (2002) Metodika neyropsikhologicheskoy diagnostiki detey [Methods of neuropsychological diagnostics of children]. Moscow: Pedagogicheskoe obschestvo Rossii.
13. Shpitsberg I. L. (2013) Korrektsiya narusheniy razvitiya sensornykh system u detey s rasstroystvami autisticheskogo spectra [Correction of developmental disorders of sensory systems in children with autism spectrum disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, vol. 11, (2), p. 33–45.

**А. Е. Шумская**

Первый Московский
государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова
(г. Москва, Россия)
hishappiness596@gmail.com

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ
И ОРАЛЬНОГО ПРАКСИСА
У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В НОРМЕ И С ПАТОЛОГИЕЙ**

Статья посвящена исследованию формирования мелкой моторики и орального праксиса у детей дошкольного возраста. Автором рассмотрена взаимосвязь развития мелкой моторики и орального праксиса и их роль у детей в аспекте формирования речи в дошкольном периоде. Выделены ключевые направления коррекционно-развивающей работы, ориентированной на формирование мелкой моторики и орального праксиса у детей с речевой патологией в системе логопедического воздействия, в частности, рассмотрены направления логопедической работы с детьми, имеющими признаки дизартрии.

Ключевые слова: мелкая моторика, оральный праксис, дошкольный возраст, речевое развитие, логопедическое воздействие, дизартрия.

На сегодняшнем этапе развития науки и практики дошкольного образования на основе нейрофизиологических исследований доказано предположение, согласно которому общий уровень сформированности двигательного анализатора влияет на развитие высшей познавательной деятельности. В частности, на высшие формы познавательной деятельности влияет процесс развития двигательной активности кистей и пальцев рук. В связи с этим считается обязательным осуществление мероприятий по развитию мелкой моторики в системе целостного концепта воспитания и образования, а также в рамках коррекционно-развивающего направления обучения детей, испытывающих трудности в освоении материала разного характера. Специалистами сферы педагогики, нейрофизиологии и логопедии доказано, что у детей с речевыми нарушениями часто диагностируется моторная недостаточность, которая проявляется с разной интенсивностью. Кроме того, у детей с речевыми нарушениями нередко присутствуют отклонения в развитии тонких дифференцированных движений пальцев рук.

Дети дошкольного возраста с отклонениями в речевом развитии сталкиваются с трудностями при тонких движениях рук. В частности, следует обратить внимание на наиболее распространенные формы отклонений — нарушенная регуляция движений произвольного характера, нарушения четкости, координации, а также проявления хаотичности движений. Если ребенок

осуществляет тонкие движения в игре, где необходимо повторить точный образец, то движение не получается выполнить сразу — ему необходимо несколько попыток, прежде чем он сможет повторить заданную форму. Также дети, у которых наблюдаются нарушения речи, не могут двигать пальцами обеих рук по заданной инструкции. Указанные нарушения интегрируются в дальнейшую учебную деятельность ребенка (коммуникации, чтение, рисование, аппликация, лепка, конструирование, письмо). Нарушения тонких произвольных движений пальцев и кистей рук наблюдаются у значительного количества детей дошкольного возраста с различными логопедическими нозологиями и становятся в будущем причиной школьной дезадаптации в младшем школьном возрасте. Поэтому проблема развития моторики детей с речевой патологией является актуальной.

Целью данной статьи является освещение физиологии формирования мелкой моторики и орального праксиса у детей дошкольного возраста.

Особую роль мелкой и общей моторики в речевом и интеллектуальном развитии детей отмечают ряд отечественных и зарубежных исследователей, среди которых в рамках данной статьи следует выделить таких, как Левина Р. Е., Куинджи Н. Н., Филичева Т. Б., Чиркина Г. В., Ткаченко Т. А., Безруких М. М., Соськин В. Д., Фарбер Д. А., Сухарева Л. М., Надеждин Д. С. и др. Согласно утверждениям многочисленных ав-

торов и исследователей, корни детских способностей заложены в кончиках пальцев, что, безусловно, является образным утверждением. Однако именно пальцы выступают в роли первоисточника, который подталкивает ребенка к реализации творческого замысла. Поэтому ученые в сфере специального образования подчеркивают значение работы, в ходе которой дети могут развивать мелкую моторику. Эта работа должна занимать важную роль в системе коррекционно-развивающей деятельности.

С тренировкой движений пальцев рук речь ребенка не только развивается более интенсивно, но и формируется более досконально. Таким образом, развитие двигательного аппарата, в частности мелкой моторики пальцев рук, является фактором, стимулирующим развитие речи. В этом контексте перед специалистами в области специального образования, как теоретиками, так и практиками, встает проблема разработки и исследования методов, технологий по развитию моторики рук детей, имеющих речевые нарушения.

Многие отечественные и зарубежные ученые, которые занимались разработкой вопросов, связанных с психикой и деятельностью мозга, обращают внимание на их ведущую роль в функции руки ребенка. Так, Н. А. Бернштейн подчеркивает некоторый парадокс, который очень часто встречается среди педагогов: они не всегда осознают, что в рамках двигательной деятельности задействованы как руки, так и мозг. Причем роль последнего намного существеннее, чем кажется на первый взгляд. Исследователь разработал уровневую теорию организации функций движения, и речь занимает в ней высокий уровень [4].

Нарушения звукопроизношения у детей в значительной степени обусловлены моторным недоразвитием, а особенно недоразвитием речевой моторики — нарушением формирования орального праксиса. Праксис — это способность к произвольному воспроизведению поз и действий. Если способность воспроизведения нарушена, то это апраксия. Оральный праксис базируется на абстрактных действиях (подуть, пощелкать языком, надуть щеки и пр.).

Так как речь и движения тесно связаны между собой, специалисты обращают внимание на взаимозависимость задержки речевого и моторного развития. Согласно А. В. Лубовскому, двигательный анализатор и словесная система имеют как теоретическую, так и прикладную значимость. Многие ученые в области нейрофизиологии свидетельствуют о том, что оценка

двигательных нарушений у ребенка играет важную роль в разных сферах его развития — коммуникативной, когнитивной, творческой и пр. Это обусловлено тем, что двигательный анализатор играет ключевую роль в развитии высшей нервной деятельности [10]. Основной задачей коррекционной работы по формированию звуковой культуры речи у детей дошкольного возраста является развитие ощущений артикуляционных поз и движений, преодоление и профилактика оральной апраксии.

Оральный праксис развивается в процессе становления артикуляции ребенка. Следует обратить внимание на сущность праксиса. Так, праксис — сложная система аналитических и синтетических процессов, направленных на организацию определенного двигательного акта. В праксисе задействовано несколько анализаторов, что обусловлено невозможностью действия без рецепторного контроля. В речевой деятельности праксис играет значимую роль. Более того, развитие орального праксиса влияет на формирование речевой активности. Если у ребенка нарушена речь, развитие орального праксиса деформируется. На отклонения в развитии орального праксиса могут повлиять парезы и параличи мышц артикуляционного аппарата, слабость кинестезии, напряженность губ, языка и прочие нарушения центральной нервной системы, которые часто сопровождаются кинестетическими нарушениями в области рта. Если при этом присутствует рефлекторная патология, формирование праксиса и артикуляции осуществляется с многочисленными осложнениями [1, 20].

Работы М. М. Кольцовой обосновывают положение о том, что развитие речи зависит от развития общей моторики ребенка. На предварительном этапе подготовки ребенка к активной речевой деятельности нужно развивать не только артикуляцию и моторику речи — в этом контексте движения пальцев рук требуют особого внимания. М. М. Кольцова в своих трудах представляет кисть как часть речевого аппарата, а двигательная проекционная зона кисти руки — это дополнительная речевая зона мозга [6].

В свою очередь, Е. М. Мастюкова определила корреляционную зависимость между интенсивностью развития речи и моторики у детей с церебральной патологией. Причем это наблюдение она соотносит с разными степенями развития ребенка. Согласно утверждениям автора, двигательная и кинестетическая стимуляция — ключевой принцип логопедического воздействия на детей, у которых диагностирована церебральная патология [11].

В то же время Л. В. Фомина выявила, что нормальное речевое развитие осуществляется в условиях соответствия возрастного развития ребенка и уровня сформированности моторики рук. Когда уровень сформированности моторики рук не соответствует возрасту ребенка, речь также развивается с трудностями. При этом общая моторика может и не быть нарушенной [17]. С точки зрения педагогики и логопедии эти выводы представляют особый интерес для современных исследователей.

Среди детей, которые испытывают трудности с речью (общее недоразвитие речи (ОНР)), нередко встречаются случаи, когда ослабленность моторики влечет нарушения в сенсомоторном развитии орального аппарата, ног, рук или отклонения в процессе их взаимодействия [18]. Дети с ОНР очень часто демонстрируют отставание в развитии общей, мимической, артикуляционной моторики. Помимо этого, у детей с ОНР присутствуют нарушения в развитии движений и физических качеств, таких как скорость, статическая и динамическая координация, ловкость. Следовательно, имеют место нарушения и в речевом развитии: у этой категории детей нарушен конструктивный оральный праксис. Согласно проведенным исследованиям, праксис — результат недоразвития мелкой моторики пальцев рук. В итоге дети с нарушениями конструктивного орального праксиса с трудом осваивают процессы, связанные с манипуляцией мелкими предметами.

Чтобы запустить механизм развития активной речевой деятельности, необходима специальная подготовка, которая включает в себя меры по нормализации работы орально-моторного механизма. Также следует обратить внимание на артикуляцию и специфику ее формирования как в норме, так и в патологии. Нарушения орально-моторных функций — это результат воздействия факторов внешнего и внутреннего характера. При таких отклонениях наблюдается неправильное произношение, что связано с быстротой речевых движений наряду с остальными движениями организма.

Как показали исследования Т. Б. Филичевой и Г. В. Чиркина, в последнее время у детей все чаще обнаруживают отставание в развитии моторной функции мелких мышц пальцев рук, особенно это касается детей с общим недоразвитием речи. По мнению этих ученых, в работе с такими детьми большое внимание необходимо уделять именно развитию мелкой моторики рук, ведь движения рук тесно связаны с речью, они являются одним из факторов ее формирования.

Оптимизация функций, связанных с мелкой моторикой рук, — это сильный фактор речевого, психического развития ребенка, у которого есть признаки ОНР. Движения рук тесно взаимосвязаны с чувствительностью, координацией, ориентацией в пространстве [16].

Согласно исследованиям, проведенным многочисленными авторами, развитие мелкой моторики рук связано с развитием левых височных и левой лобной участков головного мозга, которые, в свою очередь, отвечают за формирование многих психических функций [21, 22]. Специалисты подтвердили связь интеллектуального развития с развитием моторики рук.

Результаты исследований указывают на то, что кора головного мозга переживает чувствительный период развития с 2 до 10 лет. В этом возрасте у детей формируются мелкая моторика, центральная нервная система [8]. Необходимо обращать внимание на то, что деятельность по развитию мелкой моторики рук должна соответствовать уровню развития речи и возрасту. Иными словами, следует основываться на принципе адекватности при выборе деятельности, нагрузке и пр. Согласно мнению ученых, уровень речевого развития часто связан с показателями сформированности тонких движений пальцев рук. Так, в первую очередь развиваются мелкие движения пальцев, и только после этого ребенок развивает слоговую и артикуляционную структуру слова.

В контексте преодоления ОНР особое внимание должно обращаться на оценку двигательных нарушений. Это обусловлено важностью двигательного анализатора в развитии высшей нервной деятельности ребенка. Также он отвечает за развитие психических функций [7, 12]. Перед тем как формируется артикуляция слогов, формируется система движений пальцев рук. Таким образом, можно сделать вывод, что развитие речи зависит от того, как развивается мелкая моторика рук.

Об этом пишут многие авторы, в частности В. В. Цвынтарный. Он обосновывает взаимосвязь мелкой моторики и речевого развития у детей с общим недоразвитием речи. Также автор обращает внимание на то, что между речевой зрелостью ребенка и степенью сформированности у него подвижности пальцев рук есть прямая зависимость. Следовательно, отставание моторики рук влечет задержки в развитии речи у ребенка. Ввиду вышеизложенного В. В. Цвынтарный предлагает воздействовать на речь посредством тренажа пальцев рук и их движений. Исследователь пишет, что кинесте-

тические импульсы, исходящие от рук, стимулируют участки в коре мозга, которые отвечают за речь. В детском возрасте этот механизм можно проследить, так как в это время происходит активное развитие речевой и моторной областей. Придерживаясь принципа систематизма в выполнении специальных упражнений, направленных на речевое и моторное развитие, можно быстро достичь высоких результатов в показателях работоспособности коры головного мозга, что является залогом успешного освоения речи [19].

Киселевой В. Л. разработана и апробирована специализированная методика развития мелкой моторики у детей 3—6 лет. Эта система упражнений разделена на блоки, только после овладения одним блоком можно переходить к следующему. Результаты применения методики показывают, что ранняя стимуляция моторного развития и коррекция двигательных нарушений позволяют предотвратить общее недоразвитие речи у детей с ранним незначительным органическим поражением центральной нервной системы [5]. О. В. Бачина большую роль отводит упражнениям, формам и методам развития мелкой моторики у детей с ОНР. Первостепенную роль исследовательница отводит пальчиковым играм, подчеркивая, что когда ребенок занимается пальчиковой гимнастикой, происходят определенные сдвиги в его психофизическом развитии. Основные из них охарактеризованы ниже:

— когда ребенок выполняет упражнения, основанные на ритмических движениях для пальцев рук, происходит интенсификация развития в зонах головного мозга, отвечающих за развитие речи. В итоге осуществляется значительное стимулирование речевого развития;

— применение пальчиковых игр позволяет не только воздействовать на речь и движения пальцев, но и на эмоциональное состояние ребенка. В процессе игры он учится подражать поведению взрослых, приобретает навык понимания и различения речи и ее смысла у взрослых, что повышает его речевую активность и интенсивность ее развития;

— в процессе выполнения упражнений у ребенка развивается внимание. Он учится концентрироваться на основных задачах, получает навыки распределения внимания;

— применение специальных упражнений со стихотворными строчками позволяет сформировать четкую, яркую речь, а также оказывает положительное влияние на память ребенка;

— выполнение специальных упражнений влияет на развитие воображения как одной из ключевых функций психики;

— упражнения способствуют развитию силы, гибкости, подвижности пальцев рук, что является важнейшей основой для приобретения навыков письма при обучении в школе [2].

Соковых С. В. особую роль в развитии мелкой моторики у детей с общим недоразвитием речи отводит играм с песком, подчеркивая, что они развивают творческий потенциал, пространственное восприятие, образно-логическое мышление, мелкую моторику [13].

Учеными описано множество видов техник по развитию мелкой моторики рук: плетение косичек, вышивание шнурком, завязывание бантиков, различные виды шнуровки, застегивания и расстегивания пуговиц, молний, кнопок, вязание на спицах, вышивание шнурком по контуру предмета, оперирование (игра) мелкими предметами (фасолью, горохом, семенами, мелкими пуговицами, скрепками, спичками, палочками) [14, 15]. Исследователи также относят сюда и работу с ножницами: разрезание листа бумаги на части по образцу, по инструкции, вырезание знакомых геометрических фигур и несложных предметов по контуру и без него. Эти упражнения делают детские пальчики ловкими и умелыми.

Специфическая особенность нарушений артикуляционной моторики — задержка обратного развития ряда врожденных рефлексов, орального автоматизма: сосательного, хоботкового, поискового рефлексов, рефлекторного глотания, откусывания и некоторых других. Наличие нарушений этих рефлексов препятствует развитию произвольных артикуляционных движений.

Целесообразно подчеркнуть, что в исследованиях последних лет неуклонно прослеживается тенденция роста количества детей с отклонениями развития по типу дизартрии. Дизартрия рассматривается как нарушение произносительной стороны речи, которое является следствием органического поражения центральной нервной системы (ЦНС). Нарушения иннервации мышечного артикуляционного аппарата, связанные с поражением как периферической, так и ЦНС, характеризуются проявлениями недостатков звукопроизношения, голосообразования, изменением темпа речи, ритма, интонации, мимики, дикции, что приводит к тяжелому расстройству всей речевой деятельности ребенка при отсутствии соответствующей коррекционной работы со стороны логопедического воздействия [15]. В структуре речевого дефекта ведущим звеном является дизартрическое расстройство, при этом ребенку может быть присущ определенный уровень его выраженности.

Применяя функциональные нагрузки в рамках специальных исследований, у ребенка с дизартрией можно выявить неврологические симптомы. Что касается развития сформированности моторной сферы, то следует отметить ее замедленность и отсутствие дифференциации. Иными словами, движения не характеризуются ловкостью, целесообразностью, продуктивностью. У детей с дизартрией очень часто проявляются трудности в развитии мелкой моторики. Так, у них присутствуют отклонения в точности, координации, ловкости движений [9]. Если при этом у ребенка не диагностировано нарушений опорного аппарата, то вышеперечисленные симптомы носят слабовыраженный характер. В то же время при дизартрии нарушен процесс функционирования двигательных нервов, отвечающих за речевую моторику и артикуляцию [20]. В результате у таких детей проявляются нарушения в дифференцированных движениях кончика и спинки языка, а также губ.

Дизартрия имеет свойство выражаться в нарушениях кинестетического восприятия движений и артикуляционных поз. Нарушение обратной кинестетической афференции может задерживать интеграцию различных функциональных систем, имеющих непосредственное отношение к развитию речи.

Традиционным в лечении двигательной патологии является коррекция сложившегося патологического двигательного стереотипа [3]. Процесс логопедического сопровождения ребенка с данным типом нарушений дает возможность осуществлять превентивную работу с ребенком, позволяет своевременно реагировать на проявления нарушений психофизического развития, преодолевать их с максимальной эффективностью.

Непрерывность логопедического сопровождения обеспечивается распределением объема и содержания работы на периоды, соответствующие возрастным особенностям развития ребенка. В рамках личностного подхода наиболее важной составляющей логопедического сопровождения является согласованная работа логопеда и семьи ребенка начиная с раннего возраста. В рамках программы логопедического сопровождения могут применяться как традиционные формы работы логопеда, так и формы профилактической работы с детьми раннего и младшего дошкольного возраста, к которым следует отнести логопедическое консультирование и информирование семей и педагогического состава воспитательных и образовательных учреждений.

Чтобы устранить проблемы, возникающие в ходе развития двигательной сферы ребенка, следует уделять внимание коррекционной работе над функциональными возможностями кистей рук. Это необходимо для того, чтобы ребенок мог осваивать жизненно важные навыки и умения — обслуживать себя самого, готовиться к письму, рисовать, заниматься конструированием. Следует отметить, что комплексный подход к коррекции двигательной деятельности и развитию моторики рук — важнейший фактор в формировании познавательной сферы ребенка. Логопедическая работа с детьми должна учитывать этот аспект, а также ориентироваться на значимость коммуникативного развития и профилактику отклонений в личностном развитии [12].

Осуществление логопедической работы с раннего возраста в организованном образовательном и коррекционно-развивающем пространстве обеспечивает повышение степени осведомленности семей, мотивационной потребности родителей в контроле речевого развития ребенка и сознательного поиска логопедической помощи в случаях наличия нарушения речи, а также повышение эффективности логопедической помощи.

Включение детей раннего возраста в специально организованную коррекционно-развивающую работу обеспечивает повышение энергетического, эмоционального и сенсомоторного потенциала детей с дизартрией и иными патологиями развития речи, расширение сенсорного опыта, предупреждение (профилактику) возникновения тяжелых нарушений речи, а также позволит эффективнее компенсировать нарушения в психофизическом развитии ребенка и тем самым предупреждать нарушения в познавательной деятельности и эмоционально-волевой сфере ребенка дошкольного возраста.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Итак, осуществив теоретический обзор научных работ, посвященных исследованию исключительной роли развития моторики рук детей с нарушениями речи, можно констатировать, что развитие мелкой моторики тесно связано с развитием речи у детей. В коррекционной работе с детьми, имеющими патологии развития речи, применяются различные методы и средства, среди которых представляются достаточно распространенными и наиболее действенными упражнения и игры, направленные именно на развитие мелкой моторики рук.

Обосновывая этот тезис, следует обратить внимание на мнение ученых о том, что кисть детской руки — это, по сути, орган. Он активизирует деятельность коры головного мозга, повышает ее общую работоспособность, оказывает положительное воздействие на развитие высших психических функций, влияет на речь.

Перспективы дальнейших изысканий состоят в решении задачи исследования на практике развития мелкой моторики рук дошкольников с дизартрией и разработке коррекционной программы по преодолению отставания в формировании точных движений рук детей данной категории.

Литература

1. Бабиева Н. С. Междисциплинарный подход к коррекции речевых нарушений у детей с аномалиями окклюзии зубных рядов / Н. С. Бабиева, А. В. Швец, З. М. Багомедова // Сибирский научный вестник. — 2020. — № 1—2 (39—40). — С. 19—28.
2. Бачина О. В. Пальчиковая гимнастика с предметами / О. В. Бачина. — Москва : АРКТИ, 2009. — 88 с.
3. Безруких М. М. Возрастная физиология (Физиология развития ребенка) / М. М. Безруких, В. Д. Сонькин, Д. А. Фарбер. — Москва : Издательский центр «Академия», 2003. — 416 с.
4. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений : избранные психологические труды / Н. А. Бернштейн. — 3-е изд. — Москва : МПСУ, 2008. — 643 с.
5. Киселева В. Л. Развитие тонкой моторики / В. Л. Киселева // Дошкольное воспитание. — 2006. — № 1. — С. 24—29.
6. Кольцова М. М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка / М. М. Кольцова. — Москва : Педагогика, 2013. — 143 с.
7. Куинджи Н. Н. Функциональная готовность ребенка к школе: ретроспектива и актуальность / Н. Н. Куинджи // Вестник РАМН. — 2009. — № 5. — С. 33—37.
8. Култаева О. В. Формирование коммуникативных навыков дошкольников посредством развития мелкой моторики рук / О. В. Култаева, Ю. А. Луценкова // Вестник научных конференций. — 2020. — № 1-1(53). — С. 58—59.
9. Левина Р. Е. Нарушение речи и письма у детей : избранные труды / Р. Е. Левина ; ред.-сост. Г. В. Чиркина, П. Б. Шошин. — Москва : АРКТИ, 2005. — 221 с.
10. Лубовский В. И. «Врастание в культуру» ребенка с нарушениями развития / В. И. Лубовский // Культурно-историческая психология. — 2006. — Т. 2, № 3. — С. 3—7.
11. Мاستюкова Е. М. Ребенок с отклонениями в развитии: ранняя диагностика и коррекция / Е. М. Мاستюкова. — Москва : Просвещение, 2016. — 95 с.
12. Наседкина Ю. Н. Влияние мелкой моторики на интеллектуальное развитие ребенка-дошкольника / Ю. Н. Наседкина, Е. М. Бойко, И. С. Фортова // Проблемы и перспективы образования XXI века. — 2016. — № 8. — С. 3—5.
13. Соковых С. В. Использование нетрадиционных приемов развития мелкой моторики / С. В. Соковых // Логопед : научно-методический журнал. — 2009. — № 3. — С. 63—67.
14. Сухарева Л. М. Особенности нервно-психического развития детей при поступлении в школу / Л. М. Сухарева, Д. С. Надеждин // Российский педиатрический журнал. — 2012. — № 4. — С. 41—45.
15. Ткаченко Т. А. Мелкая моторика. Гимнастика для пальчиков / Т. А. Ткаченко. — Москва : ЭКСМО, 2013. — 48 с.
16. Филичева Т. Б. Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина. — Москва : Айрис-пресс, 2008. — 224 с.
17. Фомина Л. В. Роль движений рук и моторной речи ребенка / Л. В. Фомина // Проблемы речи и психолингвистики. — Москва : МГПИИЯ, 1971. — С. 36—40.
18. Халина И. В. Развитие мелкой моторики дошкольников / И. В. Халина // Альманах мировой науки. — 2017. — № 4-2(19). — С. 26—28.
19. Цвынтарный В. В. Играем пальчиками и развиваем речь / В. В. Цвынтарный. — Москва : Полиграф, 2002. — 32 с.
20. Babieva N. S., Kidinov A. V., Kochetkov I. G., Bagomedova Z. M. Multi-disciplinary approach to speech and breathing therapy in children // Opcion. — 2020. — Т. 36, N S27. — P. 1751—1765.
21. Martzog Ph., Suggate S. Fine motor skills and mental imagery: Is it all in the mind? // Journal of Experimental Child Psychology. — 2019. — Vol. 186. — P. 59—72.
22. Suggate S., Pufke E., Stoeger H. Children's fine motor skills in kindergarten predict reading in grade 1 // Early Childhood Research Quarterly. — 2019. — Vol. 47. — P. 248—258.

**DEVELOPMENT OF FINE MOTOR SKILLS AND ORAL PRAXIS
IN PRE-SCHOOL CHILDREN IN HEALTH AND IN DISEASE****A. E. Shumskaya**

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)

hishappiness596@gmail.com

The article is devoted to the study of the development of fine motor skills and oral praxis in preschool children. The author examines the linkage between the development of children's fine motor skills and oral praxis and their role in the aspect of speech formation in preschool period. The author reveals the key directions of correctional and developmental work aimed at the formation of fine motor skills and oral praxis in children with speech pathology considering speech therapy system, particularly the ways of speech therapy work with children with signs of dysarthria.

Key words: fine motor skills, oral praxis, pre-school age, speech development, speech therapy, dysarthria.

References

1. Babieva N. S., Shvets A. V., Bagomedova Z. M. (2020) Mezhdistsiplinarnyj podkhod k korrektsii rechevykh narusheniy u detey s anomalijami okklyuzii zubnykh ryadov [Interdisciplinary approach to the correction of speech disorders in children with anomalies of occlusion of the dentition]. *Simbirskiy nauchnyj vestnik*, 1—2 (39—40), p. 19—28.
2. Bachina O. V. (2009) *Palchikovaya dinamika s predmetami* [Finger gymnastics with objects]. Moscow: ARKTI, 88 p.
3. Bezrukikh M. M., Sonkin V. D., Farber D. A. (2003) *Vozrastnaya fiziologiya (Fiziologiya razvitiya rebenka)* [Age physiology (Physiology of child development)]. Moscow: Academy, 416 p.
4. Bernstein N. A. (2008) *Biomekhanika i fiziologiya dvizheniy* [Biomechanics and physiology of movements: selected psychological works. 3rd ed]. Moscow: MPSU, 643 p.
5. Kiseleva V. L. (2006) *Razvitie tonkoy motoriki* [Development of fine motor skills]. *Doshkolnoe vospitanie*, (1), p. 24—29.
6. Koltsova M. M. (2013) *Dvigatel'naya aktivnost i razvitie funktsiy mozga rebenka* [Motor activity and development of brain functions of a child]. Moscow: Pedagogika, 143 p.
7. Kuindzhi N. N. (2009) *Funktsional'naya gotovnost rebenka k shkole: retrospektiva i aktualnost* [Functional readiness of a child for school: a retrospective and relevance]. *Vestnik RAMN*, (5), p. 33—37.
8. Kultaeva O. V., Luschenkova Yu. A. (2020) *Formirovanie kommunikativnykh navykov doshkolnikov posredstvom razvitiya melkoy motoriki ruk* [Formation of communicative skills of pre-schoolers through the development of fine motor skills of hands]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy*, 1-1(53), p. 58—59.
9. Levina R. E., Chirkina G. V., Shoshin P. B. (2005) *Narushenie rechi i pisma u detey* [Speech and writing disorders in children]. Moscow: ARKTI, 221 p.
10. Lubovsky V. I. (2006) "Vrastanie v kulturu" rebenka s narusheniyami razvitiya ["Growing into culture" of a child with developmental disorders]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 2, (3), p. 3—7.
11. Mastjukova E. M. (2016) *Rebenok s otkloneniyami v razviti: rannaya diagnostika i korrektsiya* [A child with developmental disabilities: early diagnosis and correction]. Moscow: Prosveschenie, 95 p.
12. Nasedkina Yu. N., Boyko E. M., Fortovaya I. S. (2016) *Vliyanie melkoy motoriki na intellektualnoe razvitie rebenka-doshkolnika* [The influence of fine motor skills on the intellectual development of a pre-school child]. *Problemy i perspektivy obrazovaniya XXI veka*, (8), p. 3—5.
13. Sokov S. V. (2009) *Ispolzovanie netraditsionnykh priemov razvitiya melkoy motoriki* [The use of non-traditional methods for the development of fine motor skills]. *Logoped*, (3), p. 63—67.
14. Sukhareva L.M., Nadezhdin D. S. (2012) *Osobennosti nervno-psikhicheskogo razvitiya detey pri postuplenii v shkolu* [Features of the neuropsychic development of children when entering school]. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal*, (4), p. 41—45.
15. Tkachenko T. A. (2013) *Melkaya motorika. Gimnastika dlya palchikov* [Fine motor skills. Gymnastics for fingers]. Moscow: EKSMO, 48 p.
16. Filicheva T. B., Chirkina G. V. (2008) *Ustranenie obschego nedorazvitiya rechi u detey doshkolnogo vozrasta* [Elimination of general speech underdevelopment in preschool children]. Moscow: Airis-press, 224 p.
17. Fomina L. V. (1971) *Rol dvizheniy ruk i motornoy rechi rebenka* [The role of hand movements and motor speech of a child]. *Problemy rechi i psikhologvistiki*. Moscow: MGPIIA, p. 36—40.

18. Khalina I. V. (2017) Razvitie melkoy motoriki doshkolnikov [Development of fine motor skills of prep-schoolers]. Almanakh mirovoy nauki, 4-2(19), p. 26—28.
19. Tsvyntarny V. V. (2002) Igraem palchikami i razvivaem rech [We play with our fingers and develop speech]. Moscow: Poligraf, 32 p.
20. Babieva N. S., Kidinov A. V., Kochetkov I. G., Bagomedova Z. M. (2020) Multi-disciplinary approach to speech and breathing therapy in children Opcion. Vol. 36. N S27. P. 1751—1765.
21. Martzog Ph., Suggate S. (2019) Fine motor skills and mental imagery: Is it all in the mind? // Journal of Experimental Child Psychology. Vol. 186. P. 59—72.
22. Suggate S., Pufke E., Stoeger H. (2019) Children's fine motor skills in kindergarten predict reading in grade 1 // Early Childhood Research Quarterly. Vol. 47. P. 248—258.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

**Н. Н. Окутина**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ocutina@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКА)**

Рассматривая вопросы кадрового потенциала органов местного самоуправления Ульяновской области на примере муниципального образования «город Ульяновск», автор обстоятельно доказывает назревшую необходимость сформировать единый, а главным образом работающий механизм кадрового резерва. В статье раскрываются наиболее острые вопросы, с которыми сталкиваются муниципальные служащие ежедневно в своей профессиональной деятельности.

Автор настаивает на важности совершенствования подходов к развитию профессиональных навыков муниципальных служащих, формированию единого кадрового пространства. Это важное практическое предложение, целью которого является повышение престижа муниципальной службы в целом. В статье предлагается решать вопрос дефицита высококвалифицированных кадров посредством постоянной актуализации знаний, организации не программ повышения квалификации, а получения дополнительного образования. Компетентный сотрудник — важная составляющая успешного муниципального служащего, системы муниципального управления в целом.

Ключевые слова: муниципальная служба, муниципальный служащий, администрация города, Ульяновск, антикоррупционное поведение, Кодекс этики, инцидент-менеджмент.

В настоящее время вопросы дальнейшего реформирования местного самоуправления как неперменной основы конституционного строя имеют особое значение для развития всей системы российской государственности. Местное самоуправление в России вполне обоснованно можно назвать школой гражданственности, демократической организации местной жизни. Оно приучает общество к самоорганизации, необходимой для качественного решения вопросов в соответствии с интересами граждан.

В муниципальных образованиях формируется чувство общего интереса и ответственности местных жителей, которые привыкают не только самостоятельно решать свои дела, но и контролировать деятельность избранных ими должностных лиц. К сожалению, дефицит высоко-

коквалифицированных кадров сегодня налицо. Муниципальная служба является правовым институтом, формирующим особый статус муниципального служащего с набором специальных прав, обязанностей, ограничений, запретов и требований к служебному поведению. Сегодня муниципальный служащий должен не только обладать определенным объемом знаний, но и постоянно его актуализировать. Компетентный сотрудник — необходимая составляющая успешного муниципального служащего, системы муниципального управления в целом.

Всего общая штатная численность муниципальных служащих Ульяновской области в 2019 году составляла 1868 штатных единиц, из них в органах местного самоуправления: муниципальных районах — 794; городских поселениях — 36;

сельских поселениях — 249; городских округах — 789. В администрации областного центра — самого крупного муниципального образования Ульяновской области — Ульяновске, в том числе в отраслевых (функциональных) и территориальных органах, по данным на 2020 год, трудовую деятельность осуществляли 634 муниципальных служащих:

— 610 муниципальных служащих с высшим образованием, из них:

- 474 муниципальных служащих с высшим образованием, соответствующим направлению деятельности;
- 136 муниципальных служащих с высшим образованием, не соответствующим направлению деятельности;

— 24 муниципальных служащих имеют среднее профессиональное образование, из них:

- 13 муниципальных служащих имеют среднее профессиональное образование, соответствующее направлению деятельности;
- 11 муниципальных служащих имеют среднее профессиональное образование, не соответствующее направлению деятельности [5, с. 17].

В целях развития и совершенствования муниципальной службы в Ульяновске действует муниципальная программа «Развитие муниципальной службы в администрации города Ульяновска», утвержденная на 2021—2025 гг. Ее целевым индикатором является увеличение доли муниципальных служащих, получивших дополнительное профессиональное образование за счет средств городского бюджета. Предполагается, согласно документу, что к концу 2025 года порядка 44 % (280 человек) от общего количества муниципальных служащих администрации Ульяновска получат дополнительное профессиональное образование.

Следует отметить, что, согласно данным отчета о выполнении мероприятий областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» на 2019—2021 гг., в 2020 году в рамках проведения квалификационного экзамена муниципальных служащих аппарата администрации Ульяновска, включая руководителей отраслевых (функциональных), территориальных органов администрации, из 73 экзаменуемых успешно прошли испытания только 71 %, т. е. 52 человека [4]. Важно подчеркнуть, что в структуре квалификационного экзамена, помимо проверки знаний информационной грамотности и муниципального права, обязатель-

ными являются вопросы по соблюдению правил служебного поведения, профессиональной этики, стандарта антикоррупционного поведения и правовых основ противодействия коррупции в Ульяновской области и Российской Федерации в целом. Поэтому реализация программ повышения квалификации и получения дообразования является важной составляющей повышения уровня правовой грамотности муниципальных служащих в области противодействия коррупции.

Обучение муниципальных служащих Ульяновска также призвано решить следующие задачи. Во-первых, внедрить практику подготовки управленческих кадров с применением современных технологий и с учетом специфики профессиональной деятельности. Во-вторых, существенно повысить качество профподготовки муниципальных служащих. Повышение квалификации в данном случае не должно выступать самоцелью. Речь идет о смене подходов: от реально существующего — «квалифицированный специалист как человек знающий» — к современному — «компетентный специалист как человек, решающий проблемы».

Собственно профессиональная компетентность — важный показатель готовности к выполнению конкретной профессиональной деятельности на определенном качественном уровне.

Компонентами профессиональной компетентности являются:

1) функциональная компетентность — подготовленность к самостоятельному выполнению конкретных видов деятельности, умение решать типовые профессиональные задачи и оценивать результаты своего труда, способность самостоятельно приобретать новые знания и умения по специальности;

2) социальная компетентность — способность к групповой деятельности и сотрудничеству с другими работниками, готовность к принятию на себя ответственности за результаты своего труда, окружающую среду и другие истинные ценности, владение приемами профессионального обучения;

3) индивидуальная компетентность — готовность к постоянному повышению квалификации и реализации себя в профессиональном труде, способность к самомотивированию, рефлексии, саморазвитию личности в профессиональном труде.

Анализируя кадровый вопрос, необходимо рассмотреть важный аспект — профессиональная ответственность лиц, замещающих должност-

сти муниципальной службы. Думается, что сегодня на второй план должен отойти вопрос имиджа власти, информационного позиционирования определенным образом руководства органов местного самоуправления. Ключевой вопрос — это социальная и юридическая ответственность муниципальной власти перед населением. Это, действительно, стало краеугольным камнем, ведь органы местного самоуправления наиболее близки к населению. Реалии сегодняшнего дня таковы, что образ власти у граждан формируется на основании поступков, действий или бездействий конкретных лиц, обладающих статусом муниципального служащего, а значит, обладающих определенной долей власти.

Термин «муниципальный служащий» можно рассматривать в двух плоскостях: правовой и социальной (т. е. состояние вообще). При этом интересен вопрос: к кому же или чему относится муниципальный служащий — к конкретной занимаемой должности или лицу, которое ее замещает? Второй и не менее важный вопрос касается характеристики муниципального служащего: низок или высок его статус и есть ли критерии для подобной оценки?

Очевидно, что статус муниципального служащего весьма сложен и многогранен, он не укладывается в рамки исключительно правовых норм Федерального закона № 25 «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8], ряда иных законодательных актов, принятых на региональном и местном уровне, закрепленных в антикоррупционном законодательстве. Ответственность муниципального служащего можно рассматривать с нескольких сторон: юридической (должностной), социальной и нравственной.

Рассматривая юридическую ответственность лиц, замещающих должности муниципальной службы, прежде всего следует говорить о дисциплинарной ответственности. В соответствии со ст. 27 Федерального закона № 25-ФЗ выделяют следующие основания привлечения к данному виду ответственности: неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципальным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, а также несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции.

Куда серьезнее обстоит дело с определением социальной ответственности муниципального служащего. Вопрос социального статуса муниципального служащего весьма многоаспектен.

Речь идет не только о причастности лица к разработке, непосредственном принятии решения, возможности выступать в пределах своих полномочий от имени муниципалитета, но и о необходимости действия в строгих рамках нормативной регламентации. Повышение социальной ответственности лиц, замещающих должности муниципальной службы, является одним из важных составляющих укрепления доверия граждан к власти на местах и развития местного самоуправления в целом. Ведь прежде всего, несмотря на обращение к электронному документообороту, введение экспериментальной системы работы с обращениями граждан в социальных сетях «Инцидент-менеджмент», внедрение элементов дистанционного приема обращений граждан, предоставление муниципальных услуг через многофункциональные центры и т. д., стоит помнить, что сама профессия муниципального служащего находится в плоскости «человек — человек». Исходя из этого, из особенностей отношений между людьми складывается фундамент профессиональных способностей, на котором строится эффективная профессиональная деятельность индивида. Речь, разумеется, идет о комплексной оценке ряда важных качеств, определяющих высокоэффективного и желающего оказать заявителю необходимую помощь муниципального служащего. По мнению Е. В. Романенко, таковыми могут быть «хорошая адаптивность к стрессу и давлению извне, самостоятельность, вовлеченность во многие сферы, способность видеть перспективу, ответственность, эмпатия, толерантность, самопринятие, социальное присутствие» [7, с. 54]. Данный список можно дополнить такими категориями, как стрессоустойчивость, обязательность, ответственность, добросовестность, самоконтроль. В этой связи весьма обоснована точка зрения, согласно которой «социальная ответственность муниципального служащего является составляющей частью профессиональной ответственности, которая в большей степени проявляется в определении муниципальным служащим своего поведения, соответствующего занимаемой должности, в его личной позиции по конкретному вопросу» [3, с. 355].

В данном контексте ответственность муниципального служащего всё же следует рассматривать в качестве весьма устойчивого личностного качества индивида. Весьма точную оценку ответственности как свойства субъекта дала Л. И. Дементий. По ее мнению, именно ответственность обеспечивает готовность человека к ситуациям любой сложности, постоянное и при-

вычное подразумевание себя ответственным «за», «перед» кем-то» [1, с. 13].

Представляется, что назрела необходимость кадровым службам органов местного самоуправления организовать работу по обеспечению своевременной и объективной оценки дисгармонии в структурных подразделениях, вести разработку программ развития не только профессиональных, но и личностных качеств, формировать обоснованную комплексную систему отбора кадров, развивать эффективные коммуникации. К сожалению, в настоящее время приоритетом по-прежнему является «обеспечение повышения профессионального уровня муниципальных служащих» [5, с. 16]. Профессионализм и профессиональная культура, безусловно, выступают неотъемлемой характеристикой муниципального служащего, но важно осознавать, что в общении с заявителем необходимо уделять внимание и таким качествам, как доброжелательность, участие, открытость. Справедливости ради отметим, что в целях повышения профессиональной и социальной ответственности не только посредством правовой регламентации, в российских муниципалитетах ведется работа по практической реализации разработанных на местах мер. Речь идет о так называемых кодексах этики. В частности, в Ульяновске с 2016 года действует «Кодекс профессиональной этики сотрудников администрации города Ульяновска» [6]. Действительно, данные нормативные акты дают профессиональные и этические ориентиры для муниципальных служащих. Они, в отличие от разрабатываемых муниципальных программ по развитию кадрового потенциала, направлены на развитие профессиональной культуры служащих, определяют важные нравственные принципы и этические нормы. Важность таких документов сложно переоценить. Они способствуют переходу муници-

пального служащего от внешнего контроля к самоконтролю. Однако, наряду с подобными кодексами в целях формирования этического поведения лиц, занимающих должности муниципальной службы, должны реализовываться программы тренингов и семинаров, на которых происходит анализ деятельности, обучение правильным моделям поведения в разных ситуациях. И в данном случае соответствие поведения муниципального служащего нормам Кодекса этики вполне обоснованно может стать одним из критериев успешного прохождения аттестации. Важно вести отбор муниципальных служащих или лиц, поступающих на муниципальную службу, имеющих устойчивое антикоррупционное поведение, твердую гражданскую позицию. Кроме того, сегодня чрезвычайно важна разработка «качественной реформы управленческой структуры», направленной на формирование управленцев нового типа [2, с. 74].

Дальнейшее развитие муниципалитетов возможно также при условии совершенствования муниципальной службы, подготовки и отбора кадров, предоставления широких возможностей для последующего кадрового роста. Это означает реальную работу механизма «кадровый резерв». В настоящее время формально существующий кадровый резерв не предоставляет реальных возможностей потенциальным кандидатам, претендующим на должность муниципальной службы, занять таковую. Кроме того, действующая «горизонтальная» система ротации кадров является существенным препятствием для развития кадрового потенциала и совершенствования деятельности муниципальных служащих. Наряду с этим необходимо дальнейшее совершенствование систем оценки эффективности деятельности муниципальных служащих и механизмов развития профессиональных компетенций.

Литература

1. Дементий Л. И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Л. И. Дементий. — Москва, 2005. — 45 с.
2. Копылов В. В. Необходимость формирования принципа «устойчивого антикоррупционного поведения» государственных гражданских и муниципальных служащих в РФ / В. В. Копылов, О. А. Копылова // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 2. — С. 70—75.
3. Окутина Н. Н. Правовая и социальная ответственность муниципального служащего / Н. Н. Окутина // Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 8—10 октября 2020 г.) / редкол.: Л. И. Дементий, А. Ю. Маленова, А. А. Маленов. — Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2020. — С. 355.
4. Отчёт о выполнении мероприятий областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» на 2019—2021 годы (администрация муниципального образования «город Ульяновск») за

- 2020 год. — URL: <http://ulmeria.ru/sites/default/files/unsorted/2021/01/29/отчёта%20областной%20программы%202020%20г..pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Постановление администрации города Ульяновска от 03.08.2020 № 1226 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие муниципальной службы в администрации города Ульяновска» // Ульяновск сегодня. — 2020. — № 68(2046). — 4 авг.
 6. Распоряжение администрации города Ульяновска № 235-р от 23.06.2016 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудников администрации города Ульяновска». — URL: <http://ulmeria.ru/sites/default/files/unsorted/2016/07/01/235-%D1%80.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).
 7. Романенко Е. В. Межличностные отношения в сфере государственного и муниципального управления: психологический аспект / Е. В. Романенко // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия: Педагогические и психологические науки. — 2008. — № 4. — С. 54.
 8. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 10. — Ст. 1152.

PROFESSIONAL AND OFFICIAL ACTIVITIES OF MUNICIPAL EMPLOYEES: STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF ULYANOVSK)

N. N. Okutina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

ocutina@mail.ru

Considering the issues of personnel potential of local self-government bodies of the Ulyanovsk region on the example of the municipal formation "city of Ulyanovsk", the author proves the urgent need to form a single and working mechanism of the personnel reserve. The author reveals the most pressing issues faced by municipal employees on a daily basis in their professional activities. The author insists on the importance of improving approaches to the development of professional skills of municipal employees, the formation of a single personnel space. This is an important practical proposal, the purpose of which is to increase the prestige of the municipal service as a whole. The article proposes to solve the problem of the shortage of highly qualified personnel through the constant updating of knowledge, the organization of advanced training programs, and gaining extended education. A competent employee is an important component of a successful municipal employee, as well as the system of municipal administration.

Key words: municipal service, municipal employee, city administration, Ulyanovsk, anti-corruption behavior, Code of Ethics, incident-management.

References

1. Dementiy L. I. (2005) *Otvetstvennost lichnosti kak svoystvo subjekta zhiznedeyatelnosti* [Personal responsibility as a characteristic of a person]. Author's abstract ... PhD in Psychology: 19.00.01. Moscow, 45 p.
2. Kopylov V. V., Kopylova O. A. (2019) *Neobkhodimost formirovaniya printsipa "ustoychivogo antikorrupsionnogo povedeniya" gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipalnykh sluzhaschikh v RF* [Necessity for formation of the principle of "stable anti-corruption behavior" of civil and municipal officers in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (2), p. 70—75.
3. Okutina N. N. (2002) *Pravovaya i sotsialnaya otvetstvennost munitsipalnogo sluzhaschego* [Legal and social responsibility of a municipal officer]. *Sotsialnaya, professionalnaya i personalnaya otvetstvennost lichnosti v sovremennom obschestve: proceedings of All-Russian scientific and practical conference with international participation* (Omsk, 8—10 October 2020). Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, p. 355.
4. *Otchet o vypolnenii meropriyatiy oblastnoy programmy "Protivodeystvie korruptsii v Ulyanovskoy oblasti" na 2019—2021 gody* (administratsiya municipal'nogo obrazovaniya "gorod Ul'yanovsk") za 2020 god [Report on completion of regional program "Fight corruption in the Ulyanovsk region" in 2019—2021 (municipal administration "Ulyanovsk") over 2020]. URL: <http://ulmeria.ru/sites/default/files/unsorted/2021/01/29/otchyota%20oblastnoj%20programmy%202020%20g..pdf> (access date: 20.05.2021).
5. *Postanovlenie administratsii goroda Ulyanovska ot 03.08.2020 N 1226 "Ob utverzhdenii munitsipalnoy programmy "Razvitie munitsipalnoy sluzhby v administratsii goroda Ulyanovska"* [Resolution of Ulyanovsk administration dated 03.08.2020 N 1226 "On approval of municipal program "Development of the municipal service in Ulyanovsk administration"]. *Ulyanovsk segodnya*, 2020, 68 (2046), 4 August.

6. Rasporyazhenie administratsii goroda Ulyanovska 235-r ot 23.06.2016 "Ob utverzhdenii Kodeksa professionalnoy etiki sotrudnikov administratsii goroda Ulyanovska" [Administrative decree of Ulyanovsk 235-r dated 23.06.2016 "On approval of professional ethics of staff workers in Ulyanovsk"]. URL: <http://ulmeria.ru/sites/default/files/unordered/2016/07/01/235-%D1%80.pdf> (access date: 20.05.2021).
7. Romanenko E. V. (2008) Mezhlichnostnye otnosheniya v sfere gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya: psikhologicheskiy aspekt [Interpersonal relations in the field of state and municipal administration: psychological aspect]. Vestnik RGU im. I. Kanta, ser. Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki, (4), p. 54.
8. Federalnyj zakon ot 02.03.2007 N 25-FZ "O munitsipalnoj sluzhbe v Rossiyskoy Federatsii" [Federal law dated 02.03.2007 N 25-FZ "Municipal service in the Russian Federation"]. Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federacii, (10), art. 1152.

**Н. Н. Окутина**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ocutina@mail.ru

**О. С. Амосова**

Владимирский
юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
(г. Владимир, Россия)
Amosova.o.s@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена вопросам развития и дальнейшего реформирования территориального общественного самоуправления в России как наиболее востребованной формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в настоящее время. Автором рассматриваются ключевые проблемы правового регулирования территориального общественного самоуправления на современном этапе развития, а также наиболее перспективные направления повышения эффективности ТОС. На примере территориального общественного самоуправления определены проблемы соответствия правового регулирования правоприменительной практике, а также роль органов государственной власти и местного самоуправления в деятельности по совершенствованию развития ТОС. В статье сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства по организации местного самоуправления и территориального общественного самоуправления, которые призваны способствовать эффективному взаимодействию граждан с органами власти всех уровней, а также повысить правовой статус ТОС.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, самоуправление, народовластие, местное самоуправление, формы непосредственной демократии.

Особая роль в системе местных сообществ на сегодняшний день отводится органам территориального самоуправления (далее — ТОС). На современном этапе развития ТОС представляет собой одну из ключевых составляющих местного самоуправления, которая призвана обеспечить консолидацию общественных инициатив и реализацию локальных проектов, направленных на развитие территорий. Собственно уникальность ТОС состоит в том, что для его функционирования необходима самоорганизация граждан. По мнению В. П. Кобыльникова, только при участии официальных институтов «гражданская активность в формате ТОС способна стать одним из драйверов развития местных территорий» [4, с. 445].

По данным федерального Минюста, в настоящее время в Российской Федерации зарегистрированы и ведут свою деятельность 33 042 территориальных общественных самоуправления в 82 субъектах страны [8]. Однако только

2541 ТОС всей страны (7,6 % от общего числа) зарегистрированы в качестве юридических лиц и только 7 % получают поддержку из местных бюджетов на реализацию собственных инициатив. На сегодняшний день в Ульяновской области действуют 314 ТОС, зарегистрированных в качестве юридического лица. Всего на территориях, в границах которых созданы ТОС, проживают 169 764 человека. На территории областного центра действуют 100 ТОС, из которых 95 ТОС зарегистрированы в качестве юридического лица. Количество жителей старше 16 лет, проживающих в границах ТОС, — 131 137 человек.

Правовую базу статуса ТОС определяют положения сразу нескольких нормативных правовых актов — Конституция Российской Федерации [5], Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [11], Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9], Федеральный закон № 82-ФЗ

«Об общественных объединениях» [10]. Анализ правовых норм свидетельствует об отсутствии четкого определения ТОС, т. е. законодатель одновременно рассматривает данную форму участия граждан в решении вопросов местного значения в качестве некоммерческой организации и общественной организации, что собственно является взаимоисключающими нормами.

Пунктом 1 Федерального закона № 556-ФЗ «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 27.12.2018 было законодательно закреплено новое определение ТОС. В частности, под ТОС понимается «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив» [12].

Очевидным является тот факт, что в настоящее время назрела необходимость внесения поправок в действующее законодательство для детализации правового статуса ТОС. Для создания эффективного механизма функционирования ТОС, реализации гражданских инициатив необходимо решить ряд задач. В частности, следует окончательно определить организационно-правовую форму ТОС в качестве юридического лица, устранив существующие правовые коллизии путем внесения соответствующих поправок в действующий Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» или принятия отдельного законодательного акта. Являясь юридическим лицом, ТОС вправе приобретать на доходы от хозяйственной деятельности имущество исключительно на праве частной собственности. Учитывая обозначенные особенности правового статуса органов территориального общественного самоуправления, следует на законодательном уровне урегулировать вопрос определения порядка управления имуществом ТОС. Законодательством предусмотрена возможность наделения органов территориального общественного самоуправления полномочиями юридического лица, что, в свою очередь, гарантирует получение дополнительных финансовых средств в случае осуществления предпринимательской деятельности. Анализ деятельности ТОС свидетельствует о том, что на сегодняшний день они не используют предоставленное зако-

ном право для получения альтернативного источника дохода. Вместе с тем очевидно, что реализация федеральных проектов с участием ТОС и предоставление субсидий из муниципальных бюджетов являются недостаточными для осуществления широкого перечня их полномочий. Справедливости ради следует отметить, что в декабре 2020 года Государственная Дума VII созыва в первом чтении приняла законопроект, согласно которому органы государственной власти субъектов РФ уполномочены оказывать финансовую поддержку ТОС, не зарегистрированным в качестве юрлиц. Кроме того, законопроектом уточняется момент учреждения ТОС, а именно принятия уполномоченным органом местного самоуправления решения об учреждении такового. В настоящее время не завершен процесс внесения поправок ко второму чтению законопроекта, однако очевидно, что данные поправки не решают вопрос определения правового статуса ТОС в части необходимости наделения его статусом юридического лица [3].

Еще одна проблема состоит в том, что 93 % действующих на территории страны ТОС не принимают участия в муниципальных программах финансирования [7, с. 5]. Это свидетельствует о том, что лишь малая часть действующих ТОС на территории Среднего Поволжья имеют возможность получать финансовую поддержку со стороны органов власти. Являясь субъектом муниципальных правоотношений, незарегистрированный в качестве юридического лица ТОС не может быть объектом гражданских правоотношений.

В соответствии с п. 3 ч. 8 ст. 27 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ТОС уполномочены использовать средства муниципального бюджета на основании заключенного договора с органами местного самоуправления с целью выполнения хозяйственной деятельности. Однако ст. 50 Гражданского кодекса РФ определяет ТОС в качестве общественной организации, тем самым лишая ТОС финансовой поддержки. В этой связи весьма обоснованной является точка зрения Н. А. Алешковой о необходимости исключить из вышеуказанной статьи упоминание о ТОС, а также закрепить в российском законодательстве понятие «территориального общественного самоуправления» в качестве самостоятельной организационно-правовой формы [1, с. 98]. Данная точка зрения видится весьма обоснованной еще и в связи с тем, что членство не является признаком ТОС.

Следует также предусмотреть возможность оказания финансовой помощи ТОС наравне с социально ориентированными некоммерческими организациями путем проведения конкурсов на получение грантов. Это даст возможность активно содействовать населению в реализации общественных инициатив. Только при условии достаточного финансирования у ТОС появятся реальные возможности для осуществления таких важных направлений деятельности, как эко-контроль, профилактика правонарушений.

Анализ деятельности ТОС свидетельствует о том, что необходимым является оказание консультативной помощи членам ТОС и жителям муниципального образования (округа, сельской территории) в целях повышения уровня правовой грамотности населения и вовлечения в деятельность ТОС. Для разрешения данной задачи следует детально рассмотреть возможность проведения занятий с привлечением специалистов правовых и жилищно-коммунальных ведомств муниципалитетов, профессорско-преподавательского состава юридических факультетов высших учебных заведений, а также конференций и семинаров для обмена опытом и успешных практик.

Вполне обоснованным можно считать предложение по разработке муниципальных целевых программ развития ТОС, направленных на повышение гражданской активности, реализацию проектов по благоустройству территории, содействию охране общественного порядка, организации досуга населения. Бесспорно, что сегодня на фоне устойчивого роста рецидивной преступности в России вопрос «возрождения» институтов общественного контроля является актуальным. Весьма перспективной можно обозначить позицию, согласно которой «существовавшая система общественного постпенитенциарного контроля в дореволюционной России, призванная обеспечить социальную адаптацию лицам, ранее судимым, в современных условиях нуждается в модернизации и последующем законодательном закреплении» [6, с. 56]. В настоящее время недооценена деятельность территориальных общественных объединений, которые, обладая полномочиями по организации общественного порядка, фактически не оказывают должного содействия правоохранительным органам. Во многом данное обстоятельство объясняется отсутствием законодательной регламентации мер превентивного характера и порядка их осуществления членами ТОС. В этой связи целесообразно внести дополнения в Федеральный закон № 44-ФЗ «Об участии граждан

в охране общественного порядка», дополнив его положениями о деятельности ТОС в сфере охраны общественного порядка. Следует на законодательном уровне рассмотреть возможность наделения членов ТОС такими полномочиями, как организация патрулирования на внутривортовой территории, распространение листовок и плакатов, посещение на дому семей, находящихся в социально опасном положении, несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете, лиц, имеющих судимость, проведение с ними разъяснительных бесед.

В своем исследовании А. А. Гребенникова и С. Е. Чаннов предлагают введение товарищеских судов, отмечая при этом важность разработки проекта Федерального закона «О муниципальных правоохранительных органах» [2, с. 186]. По мнению исследователей, органы территориального общественного самоуправления способны оказывать наиболее эффективное «содействие правоохранительным органам в поддержании общественного порядка, профилактике правонарушений и преступлений, разрешении конфликтных ситуаций» [2, с. 189]. Данная точка зрения является весьма перспективной в связи с реформированием органов внутренних дел и существенным сокращением численности полицейских.

В целях широкого привлечения граждан к работе органов местного самоуправления необходимо предусмотреть возможность участия членов ТОС в обсуждении и рассмотрении ключевых проектов нормативных правовых актов, разработчиками которых выступают органы местного самоуправления. Кроме того, следует активнее побуждать граждан, особенно имеющих юридическое образование, к получению статуса независимых экспертов, аккредитованных Министерством юстиции Российской Федерации на проведение независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Требуется разработать стандарт типового устава ТОС с учетом действующего законодательства.

Следует предусмотреть создание нового консультативного коллегиального совещательного органа «Общественная палата ТОС» в субъектах и населенных пунктах Российской Федерации либо предусмотреть обязательное включение представителей ТОС в состав действующих общественных палат всех уровней.

Данные предложения призваны повысить правовой статус ТОС и будут способствовать эффективному взаимодействию граждан с органами власти всех уровней.

Литература

1. Алешкова Н. П. Некоторые проблемы правового регулирования организации территориального общественного самоуправления в городах / Н. П. Алешкова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 6. — С. 95—99.
2. Гребенникова А. А. Охрана общественного порядка на муниципальном уровне (на примере Саратовской области) / А. А. Гребенникова, С. Е. Чаннов // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 9. — С. 186—190.
3. Законопроект № 983291-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части установления особенностей оказания поддержки территориальным общественным самоуправлениям» // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983291-7> (дата обращения: 14.06.2021).
4. Кобыльников В. П. Территориальное общественное самоуправление: ресурс развития / В. П. Кобыльников // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. — 2019. — С. 441—447.
5. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — Ст. 6.
6. Окутина Н. Н. К вопросу о правовом регулировании деятельности территориального общественного самоуправления / Н. Н. Окутина // XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки : XXVIII Всероссийские чтения студентов, аспирантов, молодых ученых с международным участием. Ч. 2, 15—16 апреля 2019 г. — Тула : Тульский государственный университет, 2019. — С. 56—57.
7. Территориальное общественное самоуправление — перспективная форма организации граждан // Информационный бюллетень местного самоуправления. — 2016. — № 4. — С. 3—5.
8. Федеральные экспертные слушания на тему: «О развитии территориального общественного самоуправления, местных сообществ и форм участия граждан в осуществлении местного и общественного самоуправления». — URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/UTV._REKOMENDACII_ITOG_22_06_20.pdf (дата обращения: 14.06.2021).
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 26.05.2021 № 155-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
10. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 30.12.2020 № 481-ФЗ) // Российская газета. — 2003. — № 3316. — 8 окт.
11. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 03.08.2018 № 290-ФЗ) // Российская газета. — 1996. — № 14. — 24 янв.
12. Федеральный закон от 27.12.2018 № 556-ФЗ «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. — 2018. — № 295(7758). — 29 дек.

ON THE DEVELOPMENT OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT**N. N. Okutina**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

ocutina@mail.ru

O. S. Amosova

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service (Vladimir, Russia)

Amosova.o.s@mail.ru

The article is devoted to the development and further reform of territorial public self-government in Russia as the most demanded form of direct participation of the population in the implementation of local self-government at the present time. The author examines the key problems of legal regulation of territorial public self-government at the present stage of development, as well as the most promising directions for increasing the effectiveness of Territorial Self-Government. Using the example of territorial public self-government, the author identifies the problems of compliance of legal regulation with law enforcement practice, as well as the role of public authorities and local self-government in improving the development of Territorial Self-Government. The article formulates proposals for the further improvement of legislation on the organization of local self-government and territorial public self-government, which are designed to facilitate effective interaction of citizens with authorities at all levels, as well as improve the legal status of Territorial Self-Government.

Key words: territorial public self-government, self-government, democracy, local self-government, forms of direct democracy.

References

1. Aleshkova N. P. (2015) Nekotoryye problemy pravovogo regulirovaniya organizatsii territorialnogo obschestvennogo samoupravleniya v gorodakh [Some problems of legal regulation of the organization of territorial public self-government in cities]. Aktualnyye problemy rossiyskogo prava, (6), p. 95—99.
2. Grebennikova A. A., Channov S. E. (2016) Okhrana obshchestvennogo poryadka na munitsipalnom urovne (na primere Saratovskoy oblasti) [Protection of public order at the municipal level (Saratov region)]. Aktualnyye problemy rossiyskogo prava, (9), p. 186—190.
3. Zakonoprojekt N 983291-7 "O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon "Ob obschikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" v chasti ustanovleniya osobennostey okazaniya podderzhki territorialnym obschestvennym samoupravleniyam" [Bill draft N 983291-7 "On amendments in the Federal law "On general principles of the organization of the local self-government in the Russian Federation" in terms of determining the aspects of support for the territorial public self-government"]. Provisions for legal activities. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983291-7> (access date: 14.06.2021).
4. Kobylnikov V. P. (2019) Territorialnoye obschestvennoye samoupravleniye: resurs razvitiya [Territorial public self-government: resource of development]. Vestnik Udmurtskogo universiteta, ser. "Ekonomika i pravo", p. 441—447.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (s uchetom popravok, vnesennykh ot 01.07.2020 N 11-FKZ) [Constitution of the Russian Federation (corrected on 01.07.2020 N 11-FKZ)]. Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, N 31, St. 6.
6. Okutina N. N. (2019) K voprosu o pravovom regulirovanii deyatel'nosti territorialnogo obschestvennogo samoupravleniya [Legal regulation of the operations of the territorial public self-government]. XXI vek: gumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskiye nauki: XXVIII Vserossiyskiye chteniya studentov, aspirantov, molodykh uchonykh s mezhdunarodnym uchastiyem, part 2, 15—16 April 2019. Tula: Tul'skiy gosudarstvennyy universitet, p. 56—57.
7. Territorialnoye obschestvennoye samoupravleniye — perspektivnaya forma organizatsii grazhdan [Territorial public self-government]. Informatsionnyy byulleten mestnogo samoupravleniya, (4), p. 3—5.
8. Federalnyye ekspertnyye slushaniya na temu: "O razvitiit territorialnogo obschestvennogo samoupravleniya, mestnykh soobshchestv i form uchastiya grazhdan v osushchestvlenii mestnogo i obshchestvennogo samoupravleniya" [Federal expert hearings on the subject of "Development of territorial public self-government, local communities and forms of civil participation in the implementation the local and public self-government"]. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/UTV._REKOMENDACII_ITOG_22_06_20.pdf (access date: 22.05.2021).
9. Federalnyy zakon ot 06.10.2003 N 131-FZ "Ob obschikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 26.05.2021 N 155-FZ) [Federal law dated 06.10.2003 N 131-FZ "On general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation"]. Sobraniye zakonodatelstva RF, 2003, (40), st. 3822.
10. Federalnyy zakon ot 19 maya 1995 g. N 82-FZ "Ob obschestvennykh obyedineniyakh" [Federal law dated 19 May 1995 N 82-FZ "On the public unions"]. Rossiyskaya gazeta, 2003, (3316), 8 October.
11. Federalnyy zakon ot 12.01.1996 N 7-FZ "O nekommercheskikh organizatsiyakh" (v red. ot 03.08.2018 N 290-FZ) [Federal law dated 12.01.1996 N 7-FZ "On non-commercial organisations"]. Rossiyskaya gazeta, 1996, (14), 24 January.
12. Federalnyy zakon ot 27 dekabrya 2018 g. N 556-FZ "O vnesenii izmeneniy v statyu 27 Federalnogo zakona "Ob obschikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" [Federal law dated 27 December 2018 N 556-FZ "On introduction of amendments to article 27 of Federal law "On general principles of the organization local self-government in the Russian Federation"]. Rossiyskaya gazeta, 2018, 295(7758), 29 December.

**Е. Г. Ходжаян**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
elxo@yandex.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Широко распространенным методом исследования слабоструктурированных проблем представляется контент-анализ или анализ содержания. Контент-анализ можно охарактеризовать содержательным анализом информационного пространства, предметом которого является разбор массива текстов и коммуникативных продуктов. В российской практике контент-анализ трактуется через количественный анализ документов и массивов текста и дальнейшее объяснение выявленных закономерностей. По своей сути контент-анализ заключается в переформатировании информации из вербальной в невербальную, что значительно повышает ее объективность, а также позволяет перейти в плоскость интеллектуальной социальной реальности. В статье приведены выводы по результатам контент-анализа нормативно-правовых актов, определяющих государственную культурную политику в регионах Приволжского федерального округа. Приволжский федеральный округ территориально составляет 6,1 % России, являясь при этом одним из наиболее населенных. Расположение округа на пересечении международных транспортных коридоров «Север — Юг» и «Восток — Запад», соединяющих Сибирь и Дальний Восток, а также страны Восточной Азии с Европейской Россией и государствами Европы, придает уникальность его транзитному положению. Еще одной особенностью Приволжья является заметный производственный потенциал. Концентрация инновационно активных предприятий здесь составляет до трети в сравнении с общероссийским показателем и около половины всего объема российского экспорта технологий. По ходу содержательного анализа уточняются смыслы понятий, на которых сфокусированы авторы законов, и смыслы, раскрываемые в тексте. Соотнесение полученных при сравнении результатов, а также статистика слов, окружающих понятие «культура» и его производные, позволили сформулировать выводы относительно понимания культуры законодателем.

Ключевые слова: контент-анализ, нормативные правовые акты, государственная культурная политика, культурная деятельность, культура, учреждение культуры, Приволжский федеральный округ.

ВВЕДЕНИЕ

Приволжский федеральный округ был образован в 2000 году и объединил территории 6 республик (Мордовия, Удмуртия, Башкортостан, Чувашия, Марий Эл, Татарстан), 7 областей (Пензенская, Кировская, Оренбургская, Нижегородская, Самарская, Ульяновская, Саратовская) и Пермского края — всего 14 субъектов. Население Приволжского федерального округа составляет 21,3 % от общей численности граждан страны, что делает округ вторым по численности населения после Центрального. Население округа многонационально. Центром Приволжского федерального округа является город Нижний Новгород.

На долю округа в общероссийском ВВП приходится свыше 15 %. Территориальная концентрация промышленного производства здесь составляет четверть всей российской промышленности, 85 % автомобилестроения, 65 % авиатрасли, 40 % нефтехимической отрасли, 30 % оборонного производства, 30 % кораблестроения.

Такие регионы, как Пермский край, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Самарская и Нижегородская области, показывают высокие результаты по индустриальному, денежному, новаторскому, природно-ресурсному и покупательскому факторам инвестиционной оценки, что позволяет отнести их к субъектам-

лидерам по совокупности инвестиционного потенциала Российской Федерации.

Понимание основополагающих положений и смысловой составляющей государственной культурной политики формирует содержание и структуру деятельности как в целом общества, так и отдельных социальных слоев и групп в ближайшей и отдаленной перспективе.

Контент-анализ — довольно строгий научный метод, который предполагает систематическую фиксацию определенных элементов содержания некоторой совокупности документов с последующей количественной обработкой полученных данных. Использование контент-анализа позволяет, с одной стороны, охарактеризовать документальные источники, с другой — признаки процесса коммуникации, а именно социальную направленность и исходные принципы коммуникатора (создателя текста), транслируемые документами социальные ценности и нормы, уровень их понимания у разных людей [12].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование проведено по методике, описанной В. С. Лузаном [13]. Для осмысления социально-культурологических факторов государственной культурной политики проведен содержательный анализ нормативных правовых актов, определяющих ее реализацию в регионах Приволжского федерального округа.

Несмотря на законодательное урегулирование библиотечной и музейной деятельности, 3 субъекта Приволжского федерального округа — Нижегородская, Ульяновская и Пензенская области — в настоящее время не имеют закона, формирующего государственную культурную политику на территории данных субъектов.

15 февраля 2022 года в Год культурного наследия народов России на заседании тридцать седьмой сессии Государственного Совета Удмуртской Республики в окончательном чтении принят базовый региональный закон «О реализации государственной политики в сфере культуры в Удмуртской Республике».

Закон устанавливает цели, задачи и механизм правового регулирования в сфере разработки и реализации государственной культурной политики, определяет полномочия органов государственной власти и местного самоуправления и механизм их взаимодействия. Также в законе установлены и систематизированы меры государственной поддержки учреждений культуры, в том числе господдержки театров, филармоний и концертных организаций, предусмотрена организация среднего профессио-

нального и дополнительного образования в сфере культуры в государственных образовательных организациях, поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, меры соцподдержки и социальные гарантии работников государственных учреждений культуры. В том числе он регулирует деятельность по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия, организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Удмуртской Республики, библиотечного обслуживания, комплектования и сохранности библиотечных фондов, а также музейного дела в регионе. На момент подготовки настоящего материала текст данного закона не был опубликован.

Таким образом, контент-анализу подверглись только 10 региональных законов о культуре в действующей редакции. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что избранные законы в полной мере освещают современную политику государства в сфере культуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Реализация территориальной государственной культурной политики в Республике Мордовия регулируется **Законом Республики Мордовия № 2-3 от 02.02.2016 «О культуре в Республике Мордовия»** [10].

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 2195;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 73 раза, т. е. коэффициент использования данного слова составляет 3,3 %.

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 15, т. е. 0,7 % от совокупного числа слов нормативного правового текста.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурное наследие (3), культурное достояние (2), культурная деятельность (2), культурный центр (2).

Обратим внимание, что понятия и терминология настоящего Закона соответствуют федеральному законодательству: Закону Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [1], Федеральному закону от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле», Федеральному закону от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном

фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

Исследование терминологических аспектов и словосочетаний, где в составе есть слово с корнем «культур» (таблица 1) позволяет нам заключить, что термин «культурная политика» в тексте данного нормативного правового акта отсутствует. Таким образом, законодатель под культурой подразумевает не самостоятельный тип политики государства, а некую сферу, т. е. применяет отраслевой подход в трактовке культуры. Это находит подтверждение и в том, что сочетание слов «в области (сфере) культуры» по числу упоминаний занимает первое место.

Таблица 1

**Числовые результаты обработки
текста Закона Республики Мордовия
«О культуре в Республике Мордовия»**

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Область	22
2	Организации	11
3	Регион	9
4	Сфера	8
5	Учреждения	5
6	Развитие	2
7	Памятники истории и культуры	2

Принадлежащие государству и негосударственные организации остаются базовым инструментарием культуры. Понятие «организации культуры» употребляется в данном нормативном правовом акте 11 раз, при том что конкретные деятели культуры не упоминаются в тексте ни одного раза.

Реализация территориальной государственной культурной политики в Кировской области регулируется **Законом Кировской области № 395-ЗО от 28.12.2005 «О культуре»** [8].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: культурная деятельность, организации культуры, государственная культурная политика области, культурные ценности, государственная поддержка культурной деятельности — в общей сложности 5 определений.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 1870;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 103 раза (таблица 2), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 5,5 %.

Таблица 2

**Числовые результаты обработки
текста Закона Кировской области
«О культуре»**

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Сфера	19
2	Учреждения	16
3	Организации	9
4	Развитие	5
5	Расходы на культуру	2

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 43, т. е. 2,3 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурная деятельность (12), культурное наследие (11), культурные ценности (6), культурные блага (5), культурная политика (5).

В Законе определено, что государственная культурная политика области — часть единой государственной культурной политики, совокупность принципов и норм, которыми руководствуются органы государственной власти Кировской области в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры.

Реализация территориальной государственной культурной политики в Самарской области регулируется **Законом Самарской области № 14-ГД от 03.04.2002 «О культуре в Самарской области»** [6].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: государственная культурная политика в Самарской области, историко-культурное наследие населения Самарской области, государственная инвестиционная политика в области культуры, сфера культуры, культурная деятельность, культурные ценности, культурные блага, национально-культурное достояние населения Самарской области, культурные аспекты государственных программ Самарской области, инновационная деятельность в сфере культуры — в общей сложности 10 определений.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 1358;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 78 раз (таблица 3), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 5,7 %.

Таблица 3
Числовые результаты обработки текста Закона Самарской области «О культуре в Самарской области»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Организации	12
2	Сфера	10
3	Памятники истории и культуры	3
4	Область	3
5	Учреждения	2
6	Сохранение и развитие	2

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 38, т. е. 2,8 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурная деятельность (5), культурные аспекты (3), культурная политика (3).

В Законе определено, что государственная культурная политика в Самарской области — совокупность принципов и норм, которыми руководствуются органы государственной власти Самарской области в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры.

Реализация территориальной государственной культурной политики в Саратовской области регулируется **Законом Саратовской области № 118-ЗСО от 28.07.2010 «О культуре»** [9].

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 2100;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 81 раз (таблица 4), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 3,9 %.

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 18, т. е. 0,9 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурные ценности (5), культурно-досуговая

деятельность (2), региональные национально-культурные общественные объединения (2).

Таблица 4
Числовые результаты обработки текста Закона Саратовской области «О культуре»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Сфера	22
2	Учреждения	17
3	Организации	13
4	Развитие	3
5	Государственная поддержка	3
6	Национальные культуры народов	2

Реализация территориальной государственной культурной политики в Чувашской Республике регулируется **Законом Чувашской Республики от 27.05.1993 «О культуре»** [2].

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 1554;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 77 раз (таблица 5), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 5 %.

Таблица 5
Числовые результаты обработки текста Закона Чувашской Республики «О культуре»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Область	11
2	Организации	7
3	Развитие	3
4	Культура народов	3
5	Самобытность	3
6	Памятники истории и культуры	2
7	Национальная (чувашская) культура	2
8	Регион	2
9	Достоинство	2

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 41, т. е. 2,6 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурная деятельность (7), культурное со-

трудничество (5), культурные ценности (4), культурные обмены (4), национально-культурная автономия (3) и культурно-национальная автономия (1), национально-культурная самобытность (3), культурная политика (2), культурная самобытность (2), культурно-историческая среда обитания (2), культурные связи (2).

Реализация территориальной государственной культурной политики в Республике Башкортостан регулируется **Законом Республики Башкортостан № ВС-18/19 от 13.07.1993 «О культуре»** [3].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: культурная деятельность, культурные ценности, культурные блага, творческая деятельность, творческий работник, работник культуры, организация (учреждение) культуры, достоинство культур народов и национальных групп, культурное наследие народов Республики Башкортостан, культурное достояние народов Республики Башкортостан, культурные аспекты программ развития — в общей сложности 11 определений.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 1500;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 73 раза (таблица 6), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 4,9 %.

Таблица 6

Числовые результаты обработки текста Закона Республики Башкортостан «О культуре»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Организации	14
2	Область	4
3	Культуры народов	2
4	Работники	2

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 31, т. е. 2,1 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурные ценности (12), культурная деятельность (7), культурное достояние (2).

Реализация территориальной государственной культурной политики в Республике Марий Эл регулируется **Законом Республики Марий Эл № 85-III от 31.05.1994 «О культуре»** [4].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: культурная деятельность, культурные ценности, культурные блага, творческая деятельность, творческий работник, достоинство культур народов и национальных групп, культурное наследие народов Республики Марий Эл, культурное достояние народов Республики Марий Эл, государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — в общей сложности 9 определений.

Государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 6410;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 379 раз (таблица 7), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 5,9 %.

Таблица 7

Числовые результаты обработки текста Закона Республики Марий Эл «О культуре»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Организации	80
2	Область	51
3	Развитие	22
4	Работники	10
5	Центры	7
6	Объекты	7
7	Памятники истории и культуры	7
8	Фонды развития	6
9	Финансирование	4
10	Вопросы	3
11	Учреждения	3
12	Предприятия	3
13	Национальная	2
14	Материально-техническая база	2
15	Деятели	2

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 134, т. е. 2,1 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурная (и творческая) деятельность (35), культурные (и исторические) ценности (26), культурное достояние (10), культурное развитие (7), культурная политика (7), культурные обмены (6), культурное наследие (5), культурное назначение (4), культурные центры (4), культурные аспекты (3), культурная и творческая национальная (культурно-национальная) самобытность (3), культурное сотрудничество (3), историко-культурная значимость (значение) (2), культурные (творческие) объединения (2), культурно-национальные организации (2), историко-культурные территории (2).

Реализация территориальной государственной культурной политики в Республике Татарстан регулируется **Законом Республики Татарстан № 1705 от 03.07.1998 «О культуре»** [5].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: культурная деятельность, культурные ценности, культурные блага, творческая деятельность, творческий работник, культурное наследие многонационального народа Республики Татарстан, республиканская государственная культурная политика (политика Республики Татарстан в области культурного развития), кинематография — в общей сложности 8 определений.

Республиканская государственная культурная политика (политика Республики Татарстан в области культурного развития) — совокупность принципов и норм, которыми руководствуется Республика Татарстан в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность Республики Татарстан в области культуры.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 1298;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 75 раз (таблица 8), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 5,8 %.

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 41, т. е. 3,2 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурные ценности (11), культурная деятельность (7), культурные обмены (5), культурная политика (3), культурные связи (3), культурное наследие (2).

Таблица 8

Числовые результаты обработки текста Закона Республики Татарстан «О культуре»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Область	8
2	Работники	5
3	Организации	5
4	Развитие	4
5	Памятники истории и культуры	2

Реализация территориальной государственной культурной политики в Оренбургской области регулируется **Законом Оренбургской области № 2352/428-III-03 от 04.07.2005 «О культурной деятельности в Оренбургской области»** [7].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: культурная деятельность, культурные блага, культурные ценности, творческий работник. В целом у нас есть 3 понятия.

Рассмотрим результаты статистической обработки текста нормативного правового акта:

— текстовый показатель общего числа слов — 2134;

— слово «культура» и его производные в разных падежах встречаются в тексте 107 раз (таблица 9), т. е. коэффициент использования данного слова составляет 5 %.

Таблица 9

Числовые результаты обработки текста Закона Оренбургской области «О культурной деятельности в Оренбургской области»

№	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Учреждения	20
2	Организации	11
3	Сфера	9
4	Работники	7
5	Памятники истории и культуры	2

Число однокоренных прилагательных к слову «культура» составляет 55, т. е. 2,6 % от общего числа слов в тексте.

Проранжируем словосочетания с прилагательным, однокоренным к слову «культура»: культурная деятельность (24), культурные ценности (10), культурные блага (7), национально-культурные автономии (4), культурное наследие (3).

Реализация территориальной государственной культурной политики в Пермском крае регулируется **Законом Пермского края № 263-ПК от 27.08.2018 «О культуре»** [11].

Нормативный правовой текст раскрывает значимые, по мнению его авторов, понятия: государственная политика в сфере культуры Пермского края, инфраструктура в области творческого предпринимательства и творческих индустрий, культурная реновация выведенных из эксплуатации производственных и инфраструктурных объектов, культурный квартал, культурный код, проект в сфере культуры, имеющий общественно значимый результат, субъект культурной деятельности — в общей сложности 7 определений.

Государственная политика в сфере культуры Пермского края — действия, осуществляемые органами государственной власти Пермского края, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей.

Доля употребления слова «культура» и его производных в разных падежах, как следует из таблицы 10, изменяется в промежутке от 2,6 до 5,9 % от общего числа слов в рассмотренных

нормативных правовых актах. Наибольшее количество использований слова «культура» и его производных в разных падежах содержит текст Закона Республики Марий Эл № 85-III «О культуре» [4], что как количественно (379), так и в процентном соотношении (5,9 %) превышает основной закон, регулирующий развитие культурной политики на всей территории Российской Федерации, — Закон Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [1] (146 слов «культура» и его производных, или 2,6 %).

Проведенный статистический анализ позволяет заключить, что нормативные правовые акты, раскрывающие вопросы культуры проанализированных субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации, всецело соответствуют логике культурной политики территории, что может быть подтверждено количественно исходя из того, что число слов с корнем «культур» в этих законах составляет не менее половины от общего числа однокоренных для него слов в Федеральном законе.

Как видно из таблицы 11, первое место по частоте использования понятия «культура» и его производных принадлежит таким синонимичным в рассматриваемом контексте понятиям, как «организация» или «учреждение».

Таблица 10

Сопоставление доли использования слова «культура» и его производных в разных падежах в нормативных правовых актах

№	Наименование нормативного правового акта	Общее число слов	Доля употребления слова «культура» и его производных в разных падежах (%)
1	Закон Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»*	5595	2,6
2	Закон Республики Мордовия № 2-3 «О культуре в Республике Мордовия»	2195	3,3
3	Закон Кировской области № 395-ЗО «О культуре»	1870	5,5
4	Закон Самарской области № 14-ГД «О культуре в Самарской области»	1358	5,7
5	Закон Чувашской Республики «О культуре»	1554	5
6	Закон Республики Татарстан № 1705 «О культуре»	1298	5,8
7	Закон Оренбургской области № 2352/428-III-ОЗ «О культурной деятельности в Оренбургской области»	2134	5
8	Закон Саратовской области № 118-ЗСО «О культуре»	2100	3,9
9	Закон Республики Башкортостан № ВС-18/19 «О культуре»	1500	4,9
10	Закон Республики Марий Эл № 85-III «О культуре»	6410	5,9

* Источник данных по Закону Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [13].

Таблица 11

**Сводная таблица по результатам статистической обработки нормативных правовых текстов
(по каждому пункту приведены наиболее популярные сочетания)**

№	Наименование нормативного правового акта	Словосочетания, где в составе есть слово с корнем «культур», используемые в тексте неоднократно	Число использований в тексте
1	Закон Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»*	область	38
		организации	38
		развитие	8
2	Закон Республики Мордовия № 2-3 «О культуре в Республике Мордовия»	область	22
		организации	11
		регион	9
3	Закон Кировской области № 395-30 «О культуре»	сфера	19
		учреждения	16
		организации	9
4	Закон Самарской области № 14-ГД «О культуре в Самарской области»	организации	12
		сфера	10
5	Закон Чувашской Республики «О культуре»	область	11
		организации	7
6	Закон Республики Татарстан № 1705 «О культуре»	область	8
7	Закон Оренбургской области № 2352/428-III-ОЗ «О культурной деятельности в Оренбургской области»	учреждения	20
		организации	11
8	Закон Саратовской области № 118-ЗСО «О культуре»	сфера	22
		учреждения	17
		организации	13
9	Закон Республики Башкортостан № ВС-18/19 «О культуре»	организации	14
		область	4
10	Закон Республики Марий Эл № 85-III «О культуре»	организации	80
		область	51

* Источник данных по Закону Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [13].

Проиллюстрировать это понятие позволяет определение, заимствованное нами из текста Закона Республики Башкортостан № ВС-18/19 «О культуре» [3], согласно которому «организация (учреждение) культуры — некоммерческая организация независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, основными видами деятельности которой являются создание, производство, сохранение и прумножение культурных ценностей, их распространение и использование».

Все вышесказанное позволяет нам сформулировать тезис о том, что основным инструментом реализации культурной политики остаются организации разных форм собственности. При этом законодатели полностью исключили из внимания деятелей культуры, по-

скольку это словосочетание не попадает в топ популярных.

Более того, итоги анализа показывают, что культура транслируется посредством нормативных правовых текстов не через концепт политики государства, а через такие понятия, как область или сфера, тем самым ограничивая государственное регулирование отраслевыми рамками.

К наиболее употребляемым законодателями словосочетаниям с прилагательным, однокоренным со словом «культура» (таблица 12), нами отнесены понятия «культурная деятельность» и «культурные ценности», а их уже ставшие традиционными определения приведены в Законе Российской Федерации № 3612-1 от 09.10.1992 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [1].

Таблица 12

**Результаты статистического анализа распространенных словосочетаний,
где в составе есть прилагательное с корнем «культур»
(по каждому пункту приведены два наиболее популярных словосочетания с прилагательным,
однокоренным к слову «культура»)**

№	Наименование нормативного правового акта	Сочетание слов	Число употреблений
1	Закон Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»*	культурная деятельность	29
		культурные ценности	24
2	Закон Республики Мордовия № 2-3 «О культуре в Республике Мордовия»	культурное наследие	3
		культурное достояние	2
		культурная деятельность	2
		культурные центры	2
3	Закон Кировской области № 395-ЗО «О культуре»	культурная деятельность	12
		культурное наследие	11
4	Закон Самарской области № 14-ГД «О культуре в Самарской области»	культурная деятельность	5
		культурные аспекты	3
		культурная политика	3
5	Закон Чувашской Республики «О культуре»	культурная деятельность	7
		культурное сотрудничество	5
6	Закон Республики Татарстан № 1705 «О культуре»	культурные ценности	11
		культурная деятельность	7
7	Закон Оренбургской области № 2352/428-III-ОЗ «О культурной деятельности в Оренбургской области»	культурная деятельность	24
		культурные ценности	10
8	Закон Саратовской области № 118-ЗСО «О культуре»	культурные ценности	5
		культурно-досуговая деятельность	2
		региональные национально-культурные общественные объединения	2
9	Закон Республики Башкортостан № ВС-18/19 «О культуре»	культурные ценности	12
		культурная деятельность	7
10	Закон Республики Марий Эл № 85-III «О культуре»	культурная (и творческая) деятельность	36
		культурные (и исторические) ценности	26

* Источник данных по Закону Российской Федерации № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [13].

Итак, «культурная деятельность — деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей»; «культурные ценности — нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты».

Тем не менее приведем еще определение из Закона Самарской области № 14-ГД «О культуре в Самарской области» [6].

«Культурная деятельность — деятельность по созданию, сохранению, распространению и освоению культурных ценностей и благ»; «культурные блага — условия и услуги, предоставляемые юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей».

То есть система идеалообразования культуры вступает в противоречие с функциями организаций и учреждений культуры по оказанию услуг населению.

ВЫВОДЫ

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, содержательный анализ нормативных правовых актов, определяющих государственную культурную политику в субъектах Приволжского федерального округа, приводит нас к нижеследующим выводам.

Лишь в названии одного из 10 нормативных правовых актов культура обозначается через государственную политику — это Закон Пермского края № 263-ПК «О государственной политике в сфере культуры Пермского края» [11]. Остальные нормативные правовые акты даже не содержат спецификации относительно государственного видения определения данного понятия — понятия «культура». В этой связи 80 % проанализированных нормативных правовых текстов называются «О культуре», и это усредненное название не способствует пониманию, что речь пойдет о государственной политике.

К искажению роли государства в определении культурной политики приводит в числе

прочего некорректное употребление синонимов данного понятия: область культуры, политика в сфере культуры, сфера культуры, культурная деятельность, область культурной деятельности. Подобные формулировки заужают подход к культуре до отраслевого.

Отдельные нормативные правовые тексты не освещают вопросы понимания законодателями социально-культурологических аспектов государственной культурной политики, поскольку в этих текстах не указаны основные понятия. Это приводит к тому, что функция реализации государственной культурной политики становится расплывчатой.

Целесообразно дальнейшее подробное рассмотрение актуальных нормативных правовых актов, определяющих государственную культурную политику Приволжского федерального округа, для приведения к единообразию базы понятий и закрепления функций по реализации государственной культурной политики в противовес транслированию узкоотраслевого, ведомственного взгляда на культуру.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005213> (дата обращения: 18.02.2022).
2. Закон Чувашской Республики от 27.05.1993 «О культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/430571742> (дата обращения: 18.02.2022).
3. Закон Республики Башкортостан от 13.07.1993 № ВС-18/19 «О культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/935109610> (дата обращения: 18.02.2022).
4. Закон Республики Марий Эл от 31.05.1994 № 85-III «О культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/804919163> (дата обращения: 18.02.2022).
5. Закон Республики Татарстан от 03.07.1998 № 1705 «О культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/917007074> (дата обращения: 18.02.2022).
6. Закон Самарской области от 03.04.2002 № 14-ГД «О культуре в Самарской области». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/945006551> (дата обращения: 18.02.2022).
7. Закон Оренбургской области от 04.07.2005 № 2352/428-III-ОЗ «О культурной деятельности в Оренбургской области». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/952002710> (дата обращения: 18.02.2022).
8. Закон Кировской области от 28.12.2005 № 395-30 «О культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/973005844> (дата обращения: 18.02.2022).
9. Закон Саратовской области от 28.07.2010 № 118-3СО «О культуре». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/933014916> (дата обращения: 18.02.2022).
10. Закон Республики Мордовия от 02.02.2016 № 2-3 «О культуре в Республике Мордовия». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/432866087> (дата обращения: 18.02.2022).
11. Закон Пермского края от 27.08.2018 № 263-ПК «О государственной политике в сфере культуры Пермского края». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5900201808290005> (дата обращения: 18.02.2022).
12. Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения / И. А. Пашинян // Научная периодика: проблемы и решения. — 2012. — № 3(9). — С. 13—18.
13. Luzan V. S. Content-Analysis of the Basic Normative Legal Documents, Providing Realization of the State Cultural Policy (Federal and Regional Aspects) / V. S. Luzan // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2011. — Vol. 4, N 3. — P. 342—362.

CONTENT ANALYSIS OF NORMATIVE LEGAL ACTS DETERMINING THE STATE CULTURAL POLICY OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

E. G. Khodzhayan

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

elxo@yandex.ru

A widely used method for studying semi-structured problems is content analysis. Content analysis can be characterized as a substantive analysis of the information space, the subject of which is the analysis of the content of an array of texts and communicative products. In Russian research practice, content analysis is interpreted through the quantitative analysis of documents and text arrays and a further explanation of the identified patterns. At its core, content analysis involves reformatting information from verbal to non-verbal, which significantly increases its objectivity, and also allows to move into the plane of intellectual social reality. The article presents conclusions based on the results of a content analysis of legal acts that determine the state cultural policy in the regions of the Volga Federal District. The Volga Federal District territorially occupies 6.1 % of Russia, being one of the most populated. The location of the district at the intersection of the international transport corridors "North-South" and "East-West", connecting Siberia and the Far East, as well as the countries of East Asia with European Russia and the states of Europe, makes its transit position unique. Another feature of the Volga region is a significant production potential. The concentration of innovation-active enterprises here is up to a third in comparison with the all-Russian indicator and about half of the total volume of Russian technology exports. In the course of a content analysis, the meanings of the concepts on which the authors of the laws are focused, and the meanings disclosed in the text, are clarified. The correlation of the results obtained during the comparison, as well as the statistics of the words surrounding the concept of "culture" and its derivatives, made it possible to formulate conclusions regarding the understanding of culture by the legislator.

Key words: content analysis, normative legal acts, state cultural policy, cultural activity, culture, culture institution, Volga Federal District.

References

1. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 09.10.1992 N 3612-1 "Osnovy zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii o kulture" [Law of the Russian Federation dated 09.10.1992 N 3612-1 "Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005213> (access date: 18.02.2022).
2. Zakon Chuvashskoy Respubliki ot 27.05.1993 "O kulture" [Law of the Chuvash Republic dated 27.05.1993 "About culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430571742> (access date: 18.02.2022).
3. Zakon Respubliki Bashkortostan ot 13.07.1993 N VS-18/19 "O kulture" [Law of the Republic of Bashkortostan dated 13.07.1993 N VS-18/19 "About culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935109610> (access date: 18.02.2022).
4. Zakon Respubliki Marij El ot 31.05.1994 N 85-III "O kul'ture". [Law of the Republic of Mari El dated 31.05.1994 N 85-III "About culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804919163> (access date: 18.02.2022).
5. Zakon Respubliki Tatarstan ot 03.07.1998 N 1705 "O kulture" [Law of the Republic of Tatarstan dated 03.07.1998 N 1705 "About culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917007074> (access date: 18.02.2022).
6. Zakon Samarskoy oblasti ot 03.04.2002 N 14-GD "O kulture v Samarskoy oblasti" [Law of Samara Region dated 03.04.2002 N 14-GD "About culture in the Samara region"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945006551> (access date: 18.02.2022).
7. Zakon Orenburgskoy oblasti ot 04.07.2005 N 2352/428-III-OZ "O kulturnoy deyatel'nosti v Orenburgskoy oblasti" [Law of the Orenburg Region dated 04.07.2005 N 2352/428-III-OZ "About cultural activity in the Orenburg region"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/952002710> (access date: 18.02.2022).
8. Zakon Kirovskoy oblasti ot 28.12.2005 N 395-ZO "O kulture" [Law of the Kirov Region dated 28.12.2005 N 395-ZO "About culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/973005844> (access date: 18.02.2022).
9. Zakon Saratovskoy oblasti ot 28.07.2010 N 118-ZSO "O kulture" [Law of the Saratov Region dated 28.07.2010 N 118-ZSO "About culture"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/933014916> (access date: 18.02.2022).
10. Zakon Respubliki Mordoviya ot 02.02.2016 N 2-Z "O kulture v Respublike Mordoviya" [Law of the Republic of Mordovia dated 02.02.2016 N 2-Z "About culture in the Republic of Mordovia"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432866087> (access date: 18.02.2022).
11. Zakon Permskogo kraja ot 27.08.2018 N 263-PK "O gosudarstvennoy politike v sfere kulture Permskogo kraja" [Law of the Perm Territory dated 27.08.2018 N 263-PK "On state policy in the culture sphere of the Perm Territory"]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5900201808290005> (access date: 18.02.2022).
12. Pashinyan I. A. (2012) Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. Nauchnaya periodika: problemy i resheniya, vol. 3(9), p. 13–18.
13. Luzan V. S. (2011) Content-Analysis of the Basic Normative Legal Documents, Providing Realization of the State Cultural Policy (Federal and Regional Aspects). Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Book 4. Vol. 3. P. 342–362.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

**А. В. Гальчин**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ebrezneva@list.ru

**Е. В. Пустынникова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ebrezneva@list.ru

**УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В ЗДРАВООХРАНЕНИИ**

В настоящее время развитие здравоохранения во многом зависит от процессов сотрудничества и партнерства в различных направлениях здравоохранения. Наряду с действием фрагментарных, краткосрочных договоров о сотрудничестве по реализации отдельных проектных решений формируются условия долгосрочного партнёрства на основе государственно-частного партнёрства. Основным принципом государственной политики в здравоохранении как важнейшей составляющей общенациональной стратегии является создание условий распределения знаний, информации и ресурсов. В обозначенном контексте государственно-частное партнерство будет способствовать развитию не отдельных медицинских организаций, а в целом сферы медицинских услуг. Реализация программы развития здравоохранения невозможна без поддержки власти, которая, в свою очередь, должна органично сочетаться с рыночными механизмами, не подменяя и не подавляя их действие. Таким образом, формирование и развитие эффективных стратегических сегментов предполагает взаимодействие всех экономических субъектов интегрированной системы в формате государственно-частного партнерства: медицинского бизнеса, предприятий инфраструктуры и органов власти.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, медицинская помощь, стратегия развития, концессионные соглашения, «Квази-ГЧП»-контракт, соглашение о разделе продукции, договор аренды с инвестиционным обременением, договор финансовой аренды (лизинг), социальная инфраструктура.

ВВЕДЕНИЕ

Экономический и политический кризис, а также пандемия, вызванная распространением COVID-19, оказали серьезное влияние на развитие социально-экономической политики. Наблюдаются снижение внутреннего спроса, ограничения в импортных поставках, в том числе лекарств, падение доходов населения и внутренних инвестиций в основной капитал, волатильность мировых цен на энергоносители и прочее.

В данных политических и социально-экономических условиях очевидно, что необходим

поиск новых, дополнительных источников как материально-технического, лекарственного, так и финансового обеспечения социально значимых организаций.

МЕТОДИКА, ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методологической базы исследования применялись методы логического, общенаучного анализа и моделирование. В совокупности данные методы исследования позволили обеспечить достоверность экономического анализа и обоснованность выводов.

СТЕПЕНЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОРАБОТАННОСТИ

Краткосрочные проекты и долгосрочные программы развития, реализуемые Правительством РФ на федеральном и региональном уровне, направлены на обслуживание, модернизацию и расширение инфраструктуры в различных секторах экономики и социальной сферы.

В условиях действия санкций и волатильности финансового рынка активизируется административный регулятор со стороны государства, который направлен на минимизацию рисков и повышение экономической устойчивости.

Именно в таких современных российских экономических условиях сформировались объективные обстоятельства для развития меха-

низма государственно-частного партнерства (далее — ГЧП).

Существуют разные подходы к проведению политики в формате государственно-частного партнерства (рисунок 1).

Заметим, что в отечественных научно-теоретических и практических кругах сложилось четкое понимание того, что ГЧП следует рассматривать с точки зрения партнерства. Термин ГЧП употребляется для формализации различных форм взаимодействия государства и бизнеса, закрепленных в Федеральном законе № 224-ФЗ [4]. Данный формат предусматривает согласование взаимодействий по основным критериям (рисунок 2).



Рисунок 1. Подходы по формированию государственно-частного партнерства в здравоохранении



Рисунок 2. Условия взаимодействия в формате государственно-частного партнерства [4]

Таким образом, как оперативные мероприятия, так и стратегические программы благодаря государственно-частному партнерству на основе кооперации и интеграции способствуют выполнению многокритериальных дорогостоящих проектов, в том числе в условиях рисков и неопределенности.

Государственно-частное партнерство реализуется на основании правовых форм, которые закреплены в нормативно-законодательных актах на федеральном и региональном уровне, а именно: Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ и Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ [5].

Нормы проведения ГЧП используются как инструменты для привлечения инвестиций, развития инфраструктурной составляющей на региональном и муниципальном уровне, так как именно недостаточность финансовых средств и инфраструктурные ограничения сдерживают социально-экономическое развитие, что в свою очередь негативно отражается на качестве жизни населения.

Социальные проекты, реализующиеся в регионах Российской Федерации с применением механизмов ГЧП, согласно формулировкам Минэкономразвития России, по организационно-правовым формам имеют классификацию, представленную на рисунке 3.

В настоящее время одной из распространенных форм ГЧП в российской практике являются концессионные соглашения. В рамках частно-государственных концессий на начало 2020 года в России заключено свыше 3 тысяч концессионных соглашений с общим объемом инвестиционных обязательств около 2 трлн рублей, что соответствует примерно 2,0 % ВВП [10].

Наибольшее количество концессионных соглашений (КС) приходится на муниципальный уровень (94 %), однако больший объем инвестиций в КС (42 %) законтрактрован на федеральном уровне (рисунок 4).

На основе методического подхода концессионное соглашение представляет собой смешанный договор, в котором содержатся аспекты аренды и подряда. Сторонами КС или субъектами концессий являются концедент и концессионер [10].

Концедентом является государство, от имени которого действует Правительство РФ или уполномоченный им орган, а также субъекты РФ или муниципальные образования. Правами и обязанностями концедента наделяются уполномоченные концедентом экономические субъекты. Концессионером может являться индивидуальный предприниматель, как резидент РФ, так и иностранное юридическое лицо, при этом концессионер проходит конкурсный отбор.

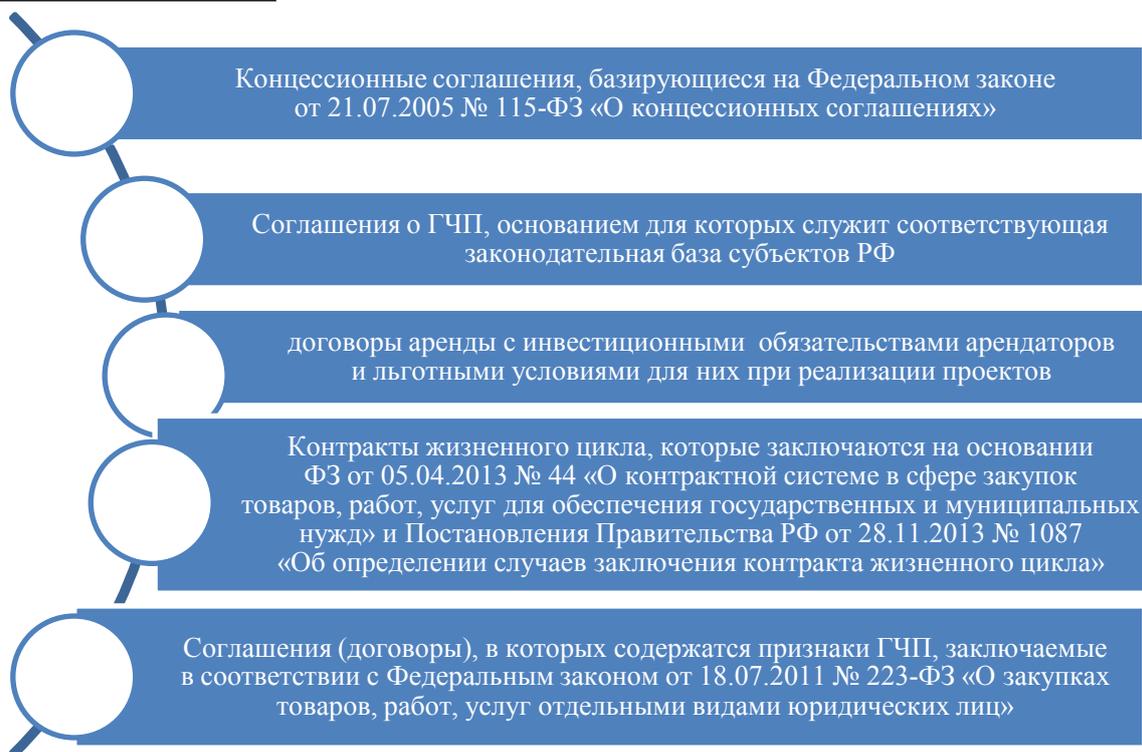


Рисунок 3. Организационно-правовые формы социальных проектов, реализующиеся с применением механизмов государственно-частного партнерства [6]

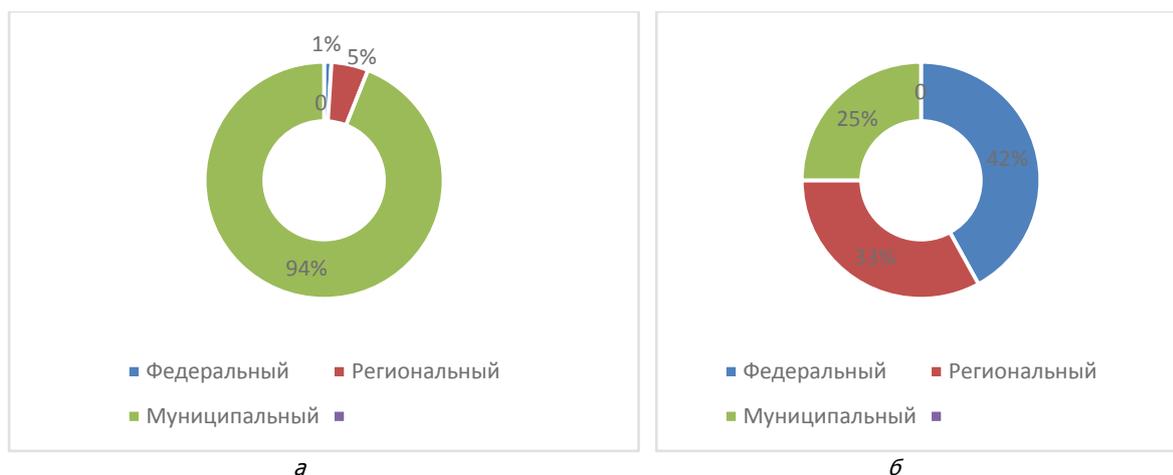


Рисунок 4. **Распределение КС:**
а) по количеству; б) по объему инвестиций



Рисунок 5. **Формы государственно-частного партнерства в Российской Федерации**

Концессионные соглашения могут заключаться по отношению к определенному перечню объектов, имеющих особую государственную и общественную значимость, в таких важнейших сферах, как энергетическая, транспортная и социальная инфраструктура.

Объекты концессионного соглашения должны находиться в собственности концедента и не могут быть обременены свободными правами третьих лиц. При этом концессионер не может отчуждать объект, отдавать его в залог.

Концессионные соглашения в области здравоохранения применяются для модерниза-

ции, строительства и реконструкции зданий, сооружений, технического оснащения, при этом не предусмотрены строгие ограничения во временном диапазоне, критериях конкурса; допускается как бюджетное финансирование, так и инвестирование с иностранным участием.

Субъектом ГЧП является Правительство РФ либо другой уполномоченный на то орган, конкретный субъект или муниципалитет. Кроме того, определенные полномочия, согласованные с правительством, могут быть делегированы представителям органов власти и (или) юридическим лицам, которых на то уполномочило государство.

На основе контрактной формы ГЧП частный партнер проектирует, строит и эксплуатирует объект в течение жизненного цикла объекта. При этом государственный партнер осуществляет плату равными платежами после ввода объекта в эксплуатацию. Данная форма ГЧП получила достаточно широкое распространение на Западе (в отличие от РФ), где этот контракт называют "Life Cycle Contract" или DBFM (Design Build-Finance-Maintain).

На рисунке 5 представлены основные формы государственно-частного партнерства [9].

В здравоохранении достаточно активно применяются «квази-ГЧП». «Квази-ГЧП-проекты» (контрактное ГЧП) представляют собой инфраструктурные проекты, направленные на реализацию важных социально-экономических задач, реализуемых на основе традиционных механизмов взаимодействия государства и частного сектора.

«Квази-ГЧП-проекты» — инфраструктурные проекты, реализуемые на основе государственного заказа, в рамках социально-экономических соглашений, федеральных и региональных целевых программ, инвестиционных соглашений и иных форм контрактов.

Механизм ГЧП является действенной альтернативой приватизации социальной инфраструктуры, поскольку собственность и право контроля сохраняется за государством, а также неэффективному управлению объектами инфраструктуры органами государственной и муниципальной власти [12].

Далее подробно остановимся на ГЧП в отдельной сфере деятельности — здравоохранении.

Развитие государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения позволит решить актуальные проблемы, обозначенные на рисунке 6.



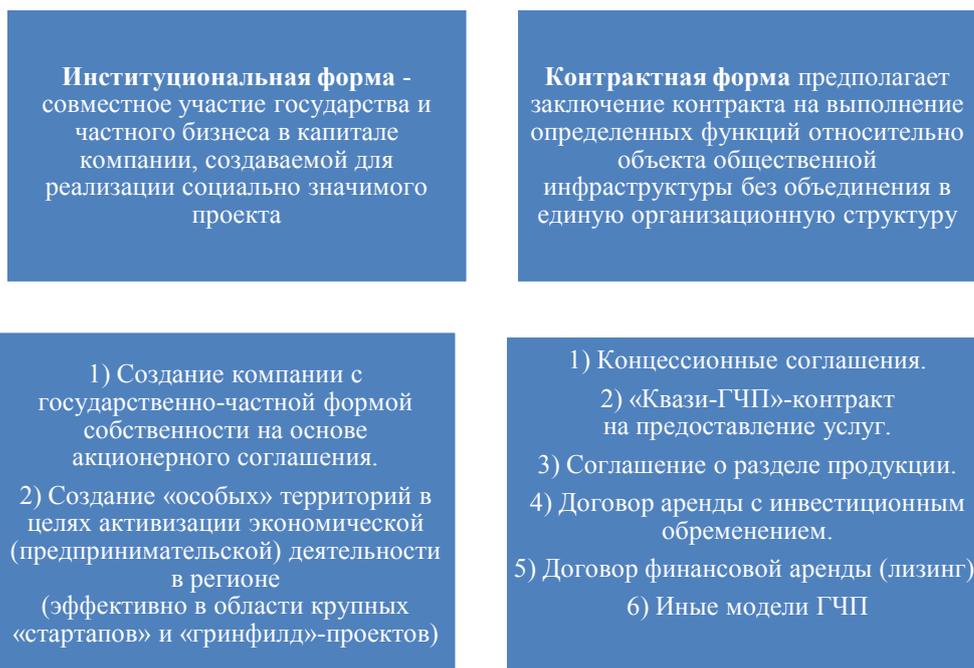
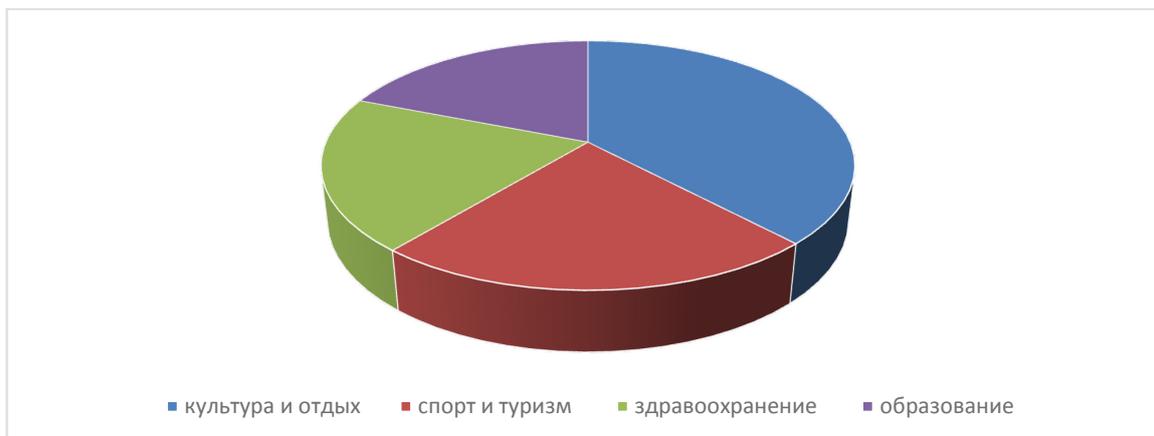
Рисунок 6. **Проблемы и ограничения развития государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения** [8]

В мировой и отечественной практике различают две формы ГЧП: институциональную и контрактную [7], каждая из которых предполагает совместное участие государства и частного бизнеса в реализации поставленной задачи (рисунок 7).

Одной из форм ГЧП являются концессионные соглашения — передача концессионером

построенного или отремонтированного объекта в собственность концеденту (государству).

Наибольшее количество концессионных соглашений в социальной сфере по состоянию на начало 2020 года отмечается в отрасли культуры и отдыха (38 %), при этом наибольший объем инвестиций в социальной сфере (39 %) приходится на объекты здравоохранения (рисунки 8, 9) [11].

Рисунок 7. **Формы государственно-частного партнерства**Рисунок 8. **Структура концессионных соглашений по видам услуг**Рисунок 9. **Объем инвестиций в концессионных соглашениях в социальной сфере**

В целом в настоящее время как на региональных, так и на федеральном уровне отмечается тенденция к повышению роли ГЧП в развитии системы здравоохранения как наиболее важной в социально-политическом плане общественной инфраструктуры, что подтверждается установлением принципов ГЧП в основе программы социально-экономического развития РФ, совершенствованием нормативно-правовой базы, повышением интереса к механизмам ГЧП со стороны бизнеса, развитием механизмов финансирования проектов ГЧП, повышением конкурентоспособности и накоплением положительного опыта реализации проектов ГЧП.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Очевидно, что реализация стратегии развития здравоохранения может быть успешной прежде всего при условии устойчивых связей, взаимовыгодного сотрудничества между субъектами конкретной системы, в данном случае — медицинской.

Таким образом, разработка и реализация стратегии развития здравоохранения базируется на интеграционных процессах различных уровней управления: государственном — региональном — организационном.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
2. Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года».
3. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"» (с изменениями и дополнениями).
4. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660.
5. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».
6. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/index> (дата обращения: 03.04.2022).
7. Ершов Д. Л. Перспективы реализации государственно-частного партнерства в здравоохранении субъектов в РФ / Д. Л. Ершов // Международный исследовательский журнал. — 2013. — № 17(10-3). — С. 33—35.
8. Мензлеева А. Р. Государственно-частное партнерство в сфере здравоохранения / А. Р. Мензлеева // Молодой учёный. — 2019. — № 48. — С. 387—389.
9. Соколова Н. Г. Государственно-частное партнерство в реализации долгосрочных инвестиционных проектов РФ : монография / Н. Г. Соколова, И. А. Тюлькина. — Саратов : Вузовское образование, 2020. — 69 с.
10. Холодкова Ю. С. Правовой статус сторон концессионного соглашения по законодательству РФ / Ю. С. Холодкова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 407. — С. 196—200.
11. Информационно-аналитический обзор Министерства экономического развития Российской Федерации «О развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации» по состоянию на февраль 2020 г. — URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6b5f12f3140cf044f1f715d18dfdef0a/gchp%2021.02.2020.pdf>.
12. Шачнев Е. Н. Государственно-частное партнерство в системе здравоохранения России: возможности реализации на современном этапе / Е. Н. Шачнев, О. В. Лянг, А. Г. Кочетов // Лабораторная служба. — 2015. — № 2.

CONDITIONS AND PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN HEALTHCARE

A. V. Galchin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ebrezneva@list.ru

E. V. Pustynnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ebrezneva@list.ru

In the conditions of modern realities, the development of healthcare largely depends on the processes of cooperation and partnership in various areas of healthcare. Along with the fragmentary, short-term cooperation agreements on the implementation of hotel design solutions, the conditions of long-term partnership based on public-private partnership are being formed. The implementation of such development trends contribute to improving the efficiency of medical organizations, which in turn expands the opportunity to solve current problems of socio-economic development and contributes to improving the quality of life of the population. The main principle of the state policy in healthcare as the most important component of the national strategy is creating conditions for the distribution of knowledge, information and resources. In this context, public-private partnership will contribute not to the development of individual medical organizations, but to the whole field of medical services. The implementation of the healthcare development program is impossible without the support of the authorities, which, in turn, should be organically combined with market mechanisms, without replacing or suppressing their action. Thus, the formation and development of effective strategic segments presupposes the interaction of all economic entities of the integrated system in the format of public-private partnership: medical business, infrastructure enterprises and government authorities.

Key words: public-private partnership, medical care, development strategy, concession agreements, "Quasi-PPP" contract, production sharing agreement, lease agreement with investment encumbrance, financial lease agreement (leasing), social infrastructure.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
2. Decree of the President of the Russian Federation N 254 dated June 6, 2019 "On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the period up to 2025".
3. Decree of the Government of the Russian Federation N 1640 of December 26, 2017 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of Healthcare" (with amendments and additions).
4. Federal Law N 224-FZ of 13.07.2015 (as amended on 29.12.2020) "On Public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation". URL: http://www.consultant.ru/docu_ment/cons_doc_LAW_182660.
5. Federal Law N 115-FZ of 21.07.2005 "On Concession Agreements".
6. Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/index> (accessed: 03.04.2022).
7. Ershov D. L. (2013) Perspektivy realizatsii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v zdravookhraneniі subjektov v RF [Prospects for the implementation of public-private partnership in the healthcare of subjects in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyj issledovatel'skiy zhurnal*, 17(10-3), p. 33–35.
8. Menzeleeva A. R. (2019) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere zdravookhraneniya [Public-private partnership in the field of healthcare]. *Molodoy uchenyj*, (48), p. 387–389.
9. Sokolova N. G., Tyulkina I. A. (2020) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v realizatsii dolgosrochnykh investitsionnykh proektov RF [Public-private partnership in the implementation of long-term investment projects of the Russian Federation: monograph]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 69 p.
10. Kholodkova Yu. S. (2016) Pravovoy status storon konsessionnogo soglasheniya po zakonodatelstvu RF [The legal status of the parties to the concession agreement under the legislation of the Russian Federation]. *Vestnik of the Tomsk State University*, (407), p. 196–200.
11. Informatsionno-analiticheskiy obzor Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii "O razvitii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiyskoy Federatsii" po sostoyaniyu na ferval 2020 g. [Information and analytical review of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation "On the development of public-private partnership in the Russian Federation" as of February 2020]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6b5f12f3140cf044f1f715d18dfdef0a/gchp%2021.02.2020.pdf.pdf>.
12. Shachnev E. N., Lyang O. V., Kochetov A. G. (2015) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sisteme zdravookhraneniya Rossii: vozmozhnosti realizatsii na sovremennom etape [Public-private partnership in healthcare of the Russian Federation: possibilities of implementation at the current stage]. *Laboratornaya sluzhba*, (2).

**И. Б. Костишко**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
irishka.kostishko@mail.ru

**Е. В. Пустынникова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ebrezneva@list.ru

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ

Процессы глобализации и информатизации общества способствуют инновационному развитию рынка медицинских услуг, повышению уровня и качества жизни населения. В условиях современных реалий развитие рынка медицинских услуг во многом зависит от процессов разработки и внедрения современных технологий в различные направления здравоохранения. На основе технологических и научных достижений в таких областях, как информационно-телекоммуникационные и медицинские технологии, формируется импульс инновационной траектории развития медицины.

Реализация подобных тенденций развития способствует повышению эффективности деятельности медицинских организаций, что в свою очередь расширяет возможность для решения текущих задач социально-экономического развития и способствует повышению качества жизни населения.

Ключевые слова: инновационные медицинские технологии, медицинская помощь, телемедицина, чат-боты, молекулярно-диагностические технологии, амплификационные технологии, стратегия развития.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования нового технологического уклада, разного рода рыночных трансформаций и глубоких демографических сдвигов все аспекты, связанные с повышением продолжительности жизни населения, а также улучшением её качества, становятся значимыми.

Инновационное развитие медицины превращается в важнейшее стратегическое направление социально-экономического совершенствования общества, потому как состояние любой экономики целиком зависит от качественного уровня её производительных сил, главной составной частью которых являются работоспособные граждане, нуждающиеся в получении высококачественных и высокотехнологичных медицинских услуг.

МЕТОДИКА, ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методологической базы исследования применялись методы логического, общенаучного анализа и моделирование. В совокупности данные методы исследования позво-

лили обеспечить достоверность экономического анализа и обоснованность выводов.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов по теории инновационного развития здравоохранения, базовые положения теории инноваций, материалы научно-практических конференций, законодательные и нормативные акты Российской Федерации. В ходе проведения исследования применялись аналитический, логико-структурный подходы, использовались статистические и графические методы обработки и представления информации, а также сравнительно-экономический и сценарный анализ.

В настоящее время одним из приоритетных направлений на рынке медицинских услуг является внедрение информационных технологий.

Эффективность инноваций и их стоимость, в том числе и в здравоохранении, подробно описал в 2019 году Дж. Бургесс (США). Исследователи Холлингсворт и Стрит (Великобритания) в 2006 году сформировали классификацию

эффективности в здравоохранении из трех групп показателей (техническая, производственная, распределения).

Новожилова Ю. А. в 2010 году, Т. С. Бронникова в 2013 году обосновали повышение эффективности в условиях применения конкурентоспособных инноваций. М. С. Палло в 2011 году, С. В. Полянская в 2011 году, В. И. Скворцова в 2011 году, В. М. Чернышев в 2014 году определили, что национальная инновационная система (ИС) в здравоохранении развита недостаточно хорошо. В то же время, по мнению О. В. Стрыгиной и А. Ф. Шеина, модернизация здравоохранения позволила не только улучшить материально-техническое состояние медицинских организаций, но и предоставила им возможность для внедрения инноваций.

СТЕПЕНЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОРАБОТАННОСТИ

Инновационные медицинские технологии представляют собой новейшие биологические технологии, которые позволяют более точно диагностировать, надёжно предотвращать предсказуемые заболевания, основательно и безболезненно лечить с минимальными затратами, по-новому организовывать больничное пространство с использованием информационно-коммуникативных и не только технологий [4].

Современные технологии в сфере медицины включают в себя сложную диагностическую визуализацию (скрининг) и лабораторное оборудование, новые устройства, используемые в хирургических процедурах и т. п. Новая аппаратура трансформируется из ранее крупногабаритного оборудования в более компактные устройства, действующие автономно, что является принципиально важным при оказании неотложной медицинской помощи.

В настоящее время особое внимание уделяется одному из активно развивающихся направлений — информационным технологиям на рынке медицинских услуг, которые активно внедряются и используются в практике, таким как ЕГИСЗ (Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения) и электронные медицинские карты пациента, что обеспечивает быструю обработку, а также получение, хранение и предоставление необходимой информации о пациенте. За счет этого улучшается качество медицинского обслуживания.

Наибольшую популярность приобретает новый способ передачи медицинских данных — телемедицина (ТМ). Для отдаленных территорий она является одним из приоритетных в

здравоохранении направлений, которое основывается на использовании современных технологий коммуникации для проведения дистанционных консультаций. Данная технология представляет собой оперативное решение вопросов документальной передачи историй болезни при переводе больных из одного медицинского отделения (учреждения) в другое, при проведении телеконференций, дистанционного управления аппаратурой и осуществления хирургических вмешательств на расстоянии.

Всемирная организация здравоохранения определила телемедицину одним из важных инструментов в целях развития всемирного здравоохранения, контроля над распространением болезней, а также образования, управления и исследований в области медицины [7].

Задачами телемедицинских технологий являются:

1. Профилактическое обслуживание населения.
2. Снижение стоимости оказываемых медицинских услуг.
3. Проведение консилиумов ведущих врачей и молодых сотрудников.
4. Дистанционное наблюдение за здоровьем пациентов.
5. Введение системы электронного документооборота.
6. Устранение изоляции и повышение уровня медицинского обслуживания.

Телемедицина является одним из наиболее быстро растущих сегментов здравоохранения в мире. Рынок телемедицинских технологий развивается темпами, значительно опережающими рост всей экономики в целом, что во многом объясняется увеличением количества больных хроническими заболеваниями.

Перспективными направлениями телемедицинских технологий являются телехирургия и дистанционное обследование.

Телехирургия развивается в направлении проведения хирургических операций, основываясь на использовании дистанционно управляемой робототехники, внедрении смарт-технологий, новейших достижений информационных технологий и прикладных аспектов нанотехнологий. Основной тенденцией развития телемедицины сегодня является создание региональных телемедицинских сетей, которые смогут объединять медорганизации по всей территории субъекта. В Ульяновской области такие сети также успешно применяются.

С началом информатизации общества в сферу медицинских услуг активно вошли ин-

формационные технологии, помогающие медработникам в правильной постановке диагноза, последующем успешном лечении и хранении медицинской информации о самом пациенте и состоянии его здоровья. Медицинская информационная система (МИС) также выступает в качестве основного связующего звена, позволяющего не только автоматизировать отдельные процессы внутри конкретной больницы, но и объединять различные медицинские учреждения между собой в единый работоспособный информационный комплекс.

Автоматизированная медицинская информационная система (АМИС) обеспечивает создание единого информационного пространства для работы большого количества участников в режиме реального времени (online).

На основе анализа существующих исследовательских работ можно констатировать, что основными задачами информационных систем различных медицинских учреждений являются следующие:

- управление эффективностью работы медицинских организаций в целом, в том числе их финансовыми и информационными потоками;
- создание единой информационной базы медицинского учреждения с электронными данными обо всех пациентах;
- улучшение процесса взаимодействия с пациентами;
- повышение доступности медицинской помощи;
- мониторинг и усовершенствование медицинского оборудования и его программного обеспечения.

Информационные системы медицинских организаций основаны на иерархическом принципе и представлены в таблице 1.

Достаточно активно в медицинскую практику внедряется чат-бот — процесс информатизации медицины, который направлен на разработку общего медицинского информационного пространства с возможностью общения между собой у врачей, использования архивов и библиотек разного рода медицинских знаний и технологий, взаимодействия с функционирующей аппаратурой прямо с рабочего места. Преимущества чат-ботов заключаются в моментальном выполнении поставленных задач и безошибочном предоставлении необходимых сведений с помощью быстрого поиска информации без непосредственного участия человека [6]. Наряду с чат-ботами в сфере медицинских услуг также применяются мобильные и беспроводные технологии, которые

помогают пациентам самостоятельно следить за своим здоровьем без частых обращений к врачу.

Таблица 1

**Уровни информационных систем
медицинских организаций**

Уровень	Задачи
Базовый или клинический уровень — уровень врачей разного профиля	Направлен на повышение качества профилактической и лечебно-диагностической работы врачей разных специальностей при острой нехватке времени и самих квалифицированных работников
Уровень учреждений — поликлиник, стационаров, диспансеров, скорой помощи	Обеспечивает слаженную работу всей организации в целом и её подразделений
Территориальный уровень профильных медицинских служб и региональных органов управления	Объединение информации и контроль за данными, поступающими из различных медицинских учреждений, в рамках единой информационной сети региона
Федеральный уровень — федеральных учреждений и органов управления	Управление всеми региональными ведомствами и их данными для принятия решений

На мобильных устройствах используются приложения, позволяющие определять остроту зрения, снимать ЭКГ, измерять артериальное давление [9].

Одним из приоритетных направлений мобильного здравоохранения является разработка молекулярно-диагностических технологий. Чрезвычайно перспективны гибридные устройства на основе микрофлюидных технологий, мобильные приборы для мониторинга сахарного диабета и применения в иммуноанализе, микроскопия в диагностике онкологических заболеваний. Амплификационные технологии начинают использоваться в диагностике инфекционных и паразитарных заболеваний [8].

Многие виды медицинских услуг в здравоохранении нуждаются в «продвижении» до конкретного пациента посредством доведения информации и использования инновационных технологий. Разумеется, развитие и реализация новых медицинских технологий предусматривает действие широкого спектра соответствующих факторов и условий (рисунок 1) [5].

Таким образом, современные тенденции развития медицинских технологий имеют полное обоснование и условия для их реализации, что в настоящее время немаловажно.

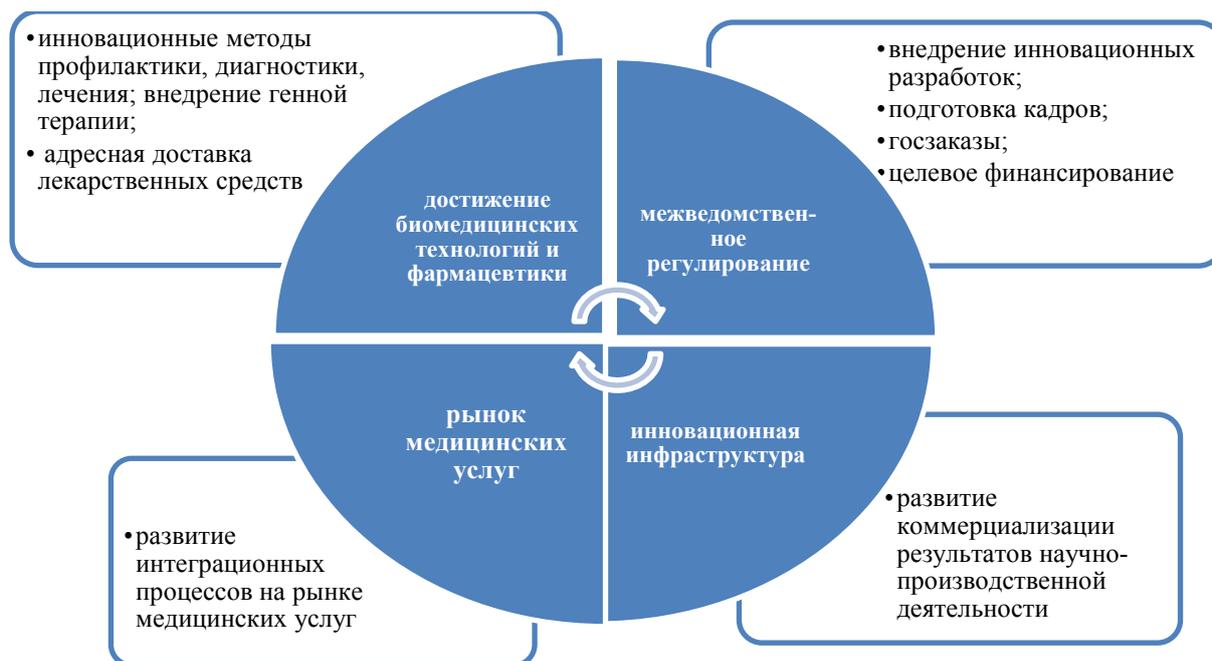


Рисунок 1. Факторы и условия развития медицинских технологий

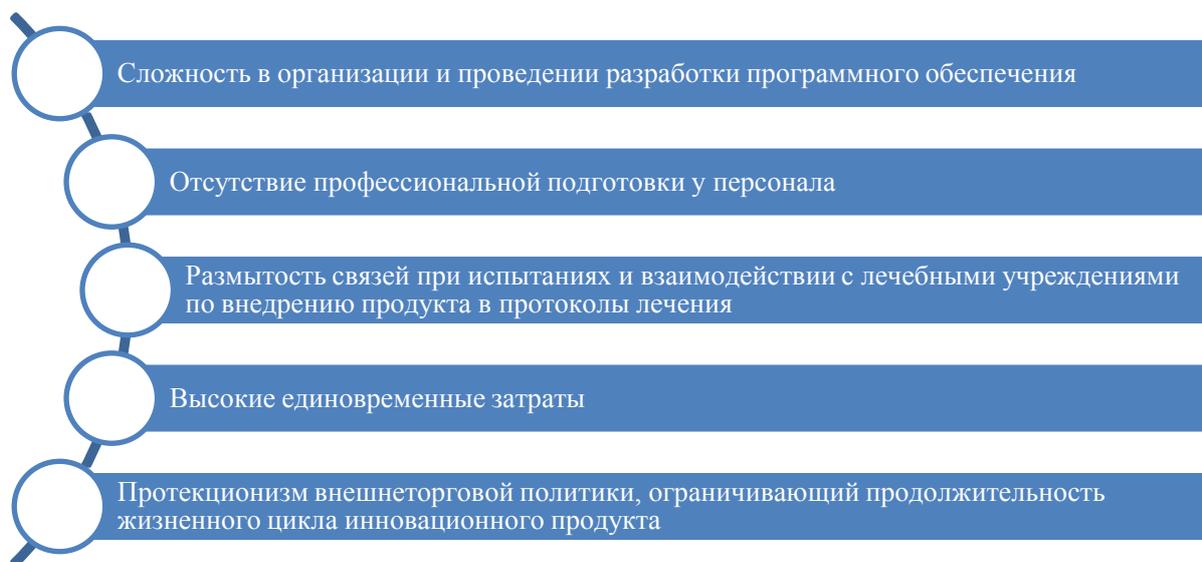


Рисунок 2. Ключевые проблемы информационных технологий в здравоохранении

В этом аспекте заинтересованность государства в лице Министерства здравоохранения очевидна: повышение качества жизни населения, сокращение продолжительности болезни, сокращение расходов на медицинское обеспечение. Однако на фоне очевидной заинтересованности субъектов рынка медицинских услуг на предмет внедрения высоких технологий необходимо обозначить проблемы в части внедрения и развития инноваций в системе здравоохранения (рисунок 2).

Очевидно, что реалистичность выполнения Указа Президента РФ от 6 июня 2019 года № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» и Постановления Правительства РФ от 26 декабря 2017 года № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"» (с изменениями и дополнениями) [3] в части развития здравоохранения Российской Федерации, а также обеспечения конституционных прав граждан,

закрепленных в статье 41 Конституции РФ [1], будет возможно в том числе с учетом решения ключевых проблем здравоохранения, представленных на рисунке 2.

Стоит заметить, что диапазон действий, разработанных и реализуемых в формате стратегии здравоохранения с подачи государственного регулирования, — это одна сторона реше-

ния проблемы. Вторая же сторона — непосредственно объекты, на которые направлены данные мероприятия, т.е. население. И очевидно, что для эффективной реализации данных стратегий необходима активизация участия населения в данных программах, а это требует разъяснения, агитации, обеспечения доступности получения гарантированных медицинских услуг.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
2. Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года».
3. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"» (с изменениями и дополнениями).
4. Гулзода М. К. Роль и место инновационных технологий в современной медицине / М. К. Гулзода // Материалы 66-й годичной научно-практической конференции ТГМУ им. Абуали ибни Сино с международным участием, в рамках которой проходят Симпозиум детских хирургов «Хирургия пороков развития у детей» и Веб-симпозиум по нормальной физиологии, посвященные «Году развития туризма и народных ремесел». — Душанбе : ТГМУ им. Абуали ибни Сино, 2018. — Т. 2. — С. 425.
5. Пустынникова Е. В. Инновационное развитие здравоохранения на основе интеграционных процессов / Е. В. Пустынникова, А. Н. Самочков // Креативная экономика и социальные инновации. — 2021. — Выпуск 114, № 2(35). — С. 97—106.
6. Стефанова Н. А., Рахманова Т. Э. Применение технологии чат-бота в современной медицине // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. — Махачкала : Некоммерческое партнерство «Дагестанский территориальный институт профессиональных бухгалтеров», 2018. — № 8. — С. 256—258.
7. Тоцкая Е. Г. Телемедицина как механизм обеспечения доступности высокотехнологичных медицинских услуг и инновационных технологий в здравоохранении / Е. Г. Тоцкая, О. Б. Покровская // Врач скорой помощи. — Москва : Издательский дом «Панорама», 2018. — № 6. — С. 71—77.
8. Щербо С. Н. Медицина 5П: молекулярно-диагностические технологии мобильного здравоохранения / С. Н. Щербо, Д. С. Щербо, М. Ю. Кралин // Медицинский алфавит. — Москва : Альфмед, 2017. — Т. 4, № 28(325). — С. 5—11.
9. World Health Statistics 2020: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. — Geneva: WHO, 2020. — P. 92.

ROLE OF INNOVATION IN THE MODERN MEDICINE

I. B. Kostishko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ebrezneva@list.ru

E. V. Pustynnikova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ebrezneva@list.ru

The processes of globalization and informatization of society contribute to the innovative development of the medical services market, improving the level and quality of life of the population. In the conditions of modern realities, the development of the medical services market largely depends on the processes of development and implementation of modern technologies in various areas of healthcare. Along with technological and scientific breakthroughs in such areas as information and telecommunications and medical technologies, the momentum of the innovative trajectory of medical development is being formed. The implementation of such development trends contribute to improving the efficiency of medical organizations, which in turn expands the opportunity to solve current problems of socio-economic development and contributes to improving the quality of life of the population.

Key words: innovative medical technologies, medical care, telemedicine, chatbots, molecular diagnostic technologies, amplification technologies, development strategy.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
2. Decree of the President of the Russian Federation N 254 dated June 6, 2019 "On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation for the period up to 2025".
3. Decree of the Government of the Russian Federation N 1640 of December 26, 2017 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of Healthcare" (with amendments and additions).
4. Gulzoda M. K. (2018) Rol i mesto innovatsionnykh tekhnologiy v sovremennoy meditsine [The role and place of innovative technologies in modern medicine]. Proceedings of the 66th annual scientific and practical conference of the Abuali ibni Sino TSMU with international participation, within the framework of which a Symposium of pediatric surgeons "Surgery of Developmental Defects in Children" and a Web symposium on normal physiology dedicated to the "Year of Tourism and Folk Crafts Development" are held, vol. 2. Dushanbe: Abualiibni Sino TSMU, p. 425.
5. Pustynnikova E. V., Samochkov A. N. (2021) Innovatsionnoe razvitie zdravookhraneniya na osnove integratsionnykh protsessov [Innovative development of healthcare based on integration processes]. Kreativnaya ekonomika i sotsialnye innovatsii, issue 114, 2 (35), p. 97—106.
6. Stefanova N. A., Rakhmanova T. E. (2018) Primenenie tekhnologii chat-bota v sovremennoy meditsine [The use of chatbot technology in modern medicine]. Aktualnye voprosy sovremennoy ekonomiki v globalnom mire, (8). Makhachkala: Non-profit partnership "Dagestan Territorial Institute of Professional Accountants", p. 256—258.
7. Totskaya E. G., Pokrovskaya O. B. (2018) Telemeditsina kak mekhanizm obespecheniya dostupnosti vysokotekhnologichnykh meditsinskikh uslug i innovatsionnykh tekhnologiy v zdravooohranenii [Telemedicine as a mechanism for ensuring the availability of high-tech medical services and innovative technologies in healthcare]. Vrach skoroy pomoschi, (6). Moscow: Panorama Publishing House, p. 71—77.
8. Shcherbo S. N., Shcherbo D. S., Kralin M. Yu. (2017) Meditsina 5P: molekulyarno-diagnosticheskie tekhnologii mobilnogo zdravookhraneniya [Medicine 5P: molecular diagnostic technologies of mobile healthcare]. Meditsinskiy alfavit, vol. 4, 28(325). Moscow: Alfmed, p. 5—11.
9. World Health Statistics 2020: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. Geneva: WHO, p. 92.

**А. А. Кюрегян**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kiuregianaa@stud.ulsu.ru

**Т. А. Чертушкина**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ta-chertushkina@yandex.ru

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭКОНОМИКУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Данное исследование представляет собой в первую очередь обзор процесса глобализации, способствующих и сопутствующих факторов данного явления, а именно: технологический и промышленный прогресс, появление сети Интернет. Также рассмотрена историческая часть вопроса, связанная с международным прогрессом в постижении данной концепции, начиная с XV века вплоть до нашего времени. Предложены к рассмотрению различные точки зрения на влияние глобализации на миропорядок. С экономической точки зрения закономерно внедрение глобализации с позиции предоставления выбора тех или иных товаров населению. Вопрос анализируется и с политической стороны, что в свою очередь обосновывается значительным перевесом положительных аспектов следования данной философии, нежели отрицательных. Отмечается, что конкуренция формирует определенного рода потенциал для новых, более эффективных достижений, создает среду, улучшающую в конечном итоге уровень жизни граждан. Глобализация способствует сотрудничеству между первыми и третьими странами, причем огромное преимущество получают третьи страны за счет доступности ресурсов и технологий более развитых и богатых стран. В качестве же негативного аспекта отмечается, что в результате прогресса глобализации в отдельно взятой стране нарушается своеобразный экономический баланс: то, что происходит в одной части света, отражается на другой.

Ключевые слова: глобализация, экономика, Интернет, развитые страны, рынок.

В широком смысле слова основным способом интеграции, взаимообмена идеями, аспектами культуры и технологий является «всемирная паутина» — Интернет. Эту способность взаимообмена информацией можно считать ключевым фактором экономического процесса, позволяющим ускорить взаимосвязь экономической и культурной деятельности [9].

Глобализация — это процесс, определяющий мировую экономику. Если ее рассматривать как описание явления международной торговли, то глобализация имеет многовековую историю. С недавних пор это явление было формализовано и поощрялось различными соглашениями о свободной или либерализованной торговле (таким как Генеральное соглашение по тарифной торговле (ГАТТ) 1948 года) и организациями (Всемирной торговой организацией (ВТО)). Формально можно полагать, что это вид торговли, который не сосредоточен в руках государст-

венной власти, а вовлечен в процесс обмена капитала, рабочей силой и информацией как «свободный». Глобализация же будет являться в данном контексте фундаментальным проявлением, относящимся к общей теории систем, где деловые соглашения и сделки, заключенные в одной области, будут иметь последствия в других, независимо от того, запрашиваются они или приглашаются теми или иными международными организациями [7].

Происхождение термина «глобализация» восходит к концу XIX века. Первый этап глобализации начинается с 1870 года и заканчивается Первой мировой войной в 1919 году, вызванной промышленной революцией в Великобритании, Германии и США [5]. Основной причиной резкого увеличения торговли на этом этапе были импорт сырья перечисленными странами из своих колоний и экспорт уже готовой продукции.

Рассмотрим предпосылки глобализации начиная с XV века, поскольку ретроспективный взгляд позволяет определить, что именно прогресс в технологиях и коммуникации (связи) в течение нескольких столетий способствовал ее появлению.

В XV—XVI веках европейцы совершили важный прорыв в исследовании мирового океана. Они начали путешествие через Атлантику в Новый Свет. В XVII—XVIII веках прошли колонизация земель и перемещение людей, товаров производства и идей [1]. В XX веке активное распространение авто- и воздушного транспорта способствовало более быстрому осуществлению транспортировки товаров. Появление телефона и Интернета связало миллиарды людей во всем мире.

Явление глобализации достаточно противоречиво. Существуют различные взгляды на глобализацию. В 1997 году в статье "Global Finance" Джеймс П. Келли, генеральный директор "United Parcel Service", отмечал положительные стороны данного явления: «Зачем выходить на мировой рынок? Потому что любая компания, которая может — должна. Это не вопрос роста ради роста. Это цена входа в сегодняшнюю торговую площадку». На вступительной лекции по запланированной программе обмена стипендиями Малайзии премьер-министр С. М. Мохамад поставил под вопрос влияние глобализации, заявив, что экономическая глобализация для малых компаний и предприятий, расположенных в развивающихся странах, станет их кончиной; «крупные международные корпорации, выходящие из развитых стран, возьмут на себя все». Однако спор о последствиях глобализации продолжается, и ученые считают, что он будет полезен в понимании ее тенденций [6].

Экономические последствия

К преимуществам глобализации можно отнести то, что у потребителей появился большой выбор товаров и услуг. Производители получают новые рынки сбыта, что особенно актуально, в то время как внутренние рынки достигают насыщения. Такое открытие рынков даст толчок к развитию производства уже имеющихся продуктов и созданию новых. Предприятия смогут увеличить доход благодаря использованию дешевой иностранной рабочей силы или импорта более дешевого сырья и комплектующих.

Однако глобализация открывает иностранные рынки для более легкой продажи культурных ресурсов, что в свою очередь ведет к доминированию корпоративной культуры. Глобальный маркетинг включает в себя социальные

представления, политические идеи, культурные традиции, а также товары и услуги.

Следует отметить, что усиленная глобализация происходит в более богатых странах, таких как США, Япония, странах ЕС, которые получают более широкий выбор товаров, рост занятости и прибыльность от экспорта [3].

Политические последствия

Несмотря на то, что глобализация неразрывно связана с экономическими событиями, она оказывает влияние и на социальные проблемы. Казалось бы, что от более открытых рынков можно извлечь выгоду и что глобальные институты могут быть использованы для устранения глобального неравенства, но некоторые ученые и аналитики считают, что этот путь может снизить потенциал, эффективность отдельных национальных государств [4].

Акцентируем внимание на *положительных аспектах глобализации*.

Одним из них является прямая корреляция между инвестициями в определенное государство и уровнем жизни граждан: невозможно совершать научные достижения, если нет развитой материальной и технологической базы, так же как невозможно нарисовать натюрморт, если стол, на котором лежит яблоко, развалился от старости.

Как говорил Питер Тиль: «При идеальной конкуренции никто не зарабатывает денег: вся прибыль уходит на продолжение соперничества». Именно поэтому противостояние является лучшим стимулом развития, что в свою очередь ставит новые высокие планки для качества, количества и ценообразования продукции.

Развивающимся странам благодаря имеющемуся наличию огромного выбора средств и технологий не обязательно проходить тот же тернистый путь, который прошли другие страны, уже ставшие развитыми.

Правительства могут работать лучше, объединив усилия для достижения общих целей, когда есть преимущество в сотрудничестве, улучшенная способность координировать свои действия, а также глобальная осведомленность о проблемах [8].

К негативным аспектам глобализации можно отнести следующие моменты.

Привлечение кадров или передача полномочий для выполнения определенных задач (аутсорсинг) от одной компании к другой негативно влияет на баланс распределения рабочих мест.

Происходит потеря культурной самобытности отдельно взятых народов из-за их взаимодействия и ассимиляции.

Возрастает вероятность распространения болезней во всем мире за счет агрессивных видов бактерий и вирусов, которые могут оказаться довольно разрушительными для неподготовленных экосистем.

Несмотря на то, что крупные западные организации, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, облегчают развивающимся странам получение ссуд, внимание Запада часто ориентировано на страны с прозапад-

ной ориентацией, что приводит к провалу прогресса [10].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что глобализация не приведет к экономическому процветанию абсолютно всех государств мира. Здесь справедливо высказывание: выживает сильнейший. Тем не менее следует констатировать, что процессы глобализации, происходящие в одной части света, несомненно, отражаются на другой.

Литература

1. Bhagwati J. In defense of globalization / J. Bhagwati // New York: Oxford University Press. — 2004. — URL: <https://archive.org/details/indefenseofgloba0000bhag>.
2. Drew C. Economic globalization pros and cons (with examples) / C. Drew // HelpfulProfessor.com. — 2022. January 29. — URL: <https://helpfulprofessor.com/economic-globalization-examples-pros-cons>.
3. Economic Globalization: Features, Advantages and Disadvantages // Lifepersona.com. — URL: <https://www.lifepersona.com/economic-globalization-features-advantages-and-disadvantages>.
4. Effects of Economic Globalization // National Geographic Society. — 2019. December 23. — URL: <https://www.nationalgeographic.org/article/effects-economic-globalization/9th-grade>.
5. Gray M. The quest for universal social work: Some issues and implications / M. Gray, J. Fook // Social Work Education. — 2004. — Vol. 23, N 5. — P. 625—644.
6. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture / R. Robertson. — London; Newbury Park, Calif.: Sage Publications. — 1992. — 211 p. — URL: <https://archive.org/details/globalizationsoc0000robe>.
7. Shangquan G. Economic Globalization: Trends, Risks and Risk Prevention / G. Shangquan // United Nations. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp_background_papers/bp2000_1.pdf.
8. Stiglitz J. E. Globalization and its discontents / J. E. Stiglitz // Economic Notes. — 2003. — Vol. 32, N 2. — P. 123—142.
9. What is economic globalization? // Market Business News. — URL: <https://marketbusinessnews.com/financial-glossary/economic-globalization>.
10. Wolf M. Why globalization works / M. Wolf // New Haven: Yale University Press. — 2004. — URL: <https://archive.org/details/whyglobalization00wolf/mode/2up>.

DIFFERENT VIEWS ON THE ECONOMICS OF GLOBALIZATION

A. A. Kyuregyan

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kiuregianaa@stud.ulsu.ru

T. A. Chertushkina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
ta-chertushkina@yandex.ru

This study is primarily an overview of globalization, contributing factors, as well as concomitant factors of this phenomenon, namely: technological and industrial progress, the emergence of the Internet. The authors study the historical part of the issue related to the international progress in the comprehension of this concept — from the XV century up to today. The paper also considers various points of view on the impact of globalization on the world order: an economic view that justifies the introduction of globalization from the position of providing a choice of certain goods to the population. The issue is also analyzed from the political side — this, in its turn, is justified by a significant preponderance in the positive aspects of following this philosophy rather than the negative ones. It is noted that competition creates a certain kind of potential for new, large and effective achievements, creates an environment that ultimately improves the standard of living of citizens.

Globalization promotes cooperation between the first and the third countries, and the third countries receive huge advantages due to the availability of resources and technologies thanks to more developed and wealthy countries.

Of course, as a negative aspect, it is emphasized that as a result of the progress of globalization in a particular country, a kind of economic balance is disturbed: everything that happens in one part of the world reflects on the other part.

Key words: globalization, economy, Internet, developed countries, market.

References

1. Bhagwati J. (2004) In defense of globalization // New York: Oxford University Press. URL: <https://archive.org/details/indefenseofgloba0000bhag>.
2. Drew C. (2022) Economic globalization pros and cons (with examples) // HelpfulProfessor.com. January 29. URL: <https://helpfulprofessor.com/economic-globalization-examples-pros-cons>.
3. Economic Globalization: Features, Advantages and Disadvantages // Lifepersona.com. URL: <https://www.lifepersona.com/economic-globalization-features-advantages-and-disadvantages>.
4. Effects of Economic Globalization // National Geographic Society. 2019. December 23. URL: <https://www.nationalgeographic.org/article/effects-economic-globalization/9th-grade>.
5. Gray M., Fook J. (2004) The quest for universal social work: Some issues and implications // Social Work Education, vol. 23, N 5, p. 625—644.
6. Robertson R. (1992) Globalization: Social theory and global culture. London; Newbury Park, Calif.: Sage Publications. 211 p. URL: <https://archive.org/details/globalizationsoc0000robe>.
7. Shangquan G. Economic Globalization: Trends, Risks and Risk Prevention // United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp_background_papers/bp2000_1.pdf.
8. Stiglitz J. E. (2003) Globalization and its discontents // Economic Notes, vol. 32, N 2, p. 123—142.
9. What is economic globalization? // Market Business News. URL: <https://marketbusinessnews.com/financial-glossary/economic-globalization>.
10. Wolf M. (2004) Why globalization works // New Haven: Yale University Press. URL: <https://archive.org/details/whyglobalization00wolf/mode/2up>.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**Д. Н. Ефремова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
dasa-efremova@mail.ru

**И. Д. Митина**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
7151mid@gmail.com

**СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ МУЗЕЕВ**

Культурные ценности — наследие современного общества, доступное нам благодаря работе музеев. Музеи выполняют функцию отбора, сохранения и презентации исторических и художественных материальных объектов, которые отражают общественные ценности, поддерживаемые обществом и государством. История каждой отдельной страны оставила материальное и духовное наследие. Часть наследия доступна посетителям в музеях на территории их стран, городов, населенных пунктов. Но объекты материальной культуры подвижны, они могут быть представлены в других музеях, выставках. Музейные работники способны рассказать о своем опыте работы с экспонатами и аудиторией. Но для этого необходима социокультурная коммуникация музеев на всех уровнях. В современном мире это возможно и благодаря достижениям науки и техники, и благодаря социальным институтам — объединениям и ассоциациям музеев. На мировом уровне межкультурной и профессиональной коммуникации посвящена работа Международного совета музеев (ИКОМ). На российском уровне действует Союз музеев России, на региональном уровне примером может быть Совет музеев Приволжского федерального округа. Объединение музейных работников происходит на разных уровнях и по разным основаниям в зависимости от целей и их долгосрочности.

Ключевые слова: музей, мировая коммуникация, ИКОМ, культурные ценности.

История как перманентный прогресс человечества невозможна без сохранения исторической памяти о прошлом. Адекватность восприятия современности возможна лишь через познание глубинных причинно-следственных связей событий прошлого, что требует значительного научного осмысления. Социокультурные процессы прошлого являются фундаментом современной реальности. Отличить акциденцию истории от существенного, субстанционального и сохранить последнее — задача ученых. В этом частично помогают объекты материальной культуры, отражающие существенные и косвенные

признаки прошлых событий, процессов. Актом, отбирающим и демонстрирующим материальные памятники культуры, во всех странах мира становится музей. Музеи формируют представление об истории, главных человеческих ценностях, способствуют социализации подрастающего поколения, организуют познавательный досуг посетителей. Таким образом, музеи играют значимую роль в существовании общества.

Единство и сотрудничество музейного общества позволяет выработать единое отношение к коллективному пониманию ценностей в потоке исторического развития. Сложность раз-

ницы культур религий и обычаев сглаживается в случае знания и взаимного уважения особенностей. Рассказать о цивилизации может музей, проанализировав, отобрав и представив в своем собрании объекты материального и культурного наследия. Неотложной частью работы музеев в таком случае становится обмен выставками, делающий доступным и понятным ценности одной культуры для представителей другой. Совместная работа между музеями возможна при налаженных контактах и взаимообмене. К совместной работе в таком случае относится не только организация выставок, но и обмен опытом, идеями, повышение квалификации сотрудников, совместная научная деятельность.

Объединение музейных работников происходит на разных уровнях и по разным основаниям в зависимости от целей и их долгосрочности. На международном уровне с 1946 года работает Международный совет музеев (ИКОМ) (International Council of Museums (ICOM)). Деятельность этой всемирной организации направлена на охрану и популяризацию природного и культурного наследия — прошлого и будущего, материального и нематериального.

Каждые три года во время генеральных конференций ИКОМ комитеты проводят свои ежегодные научные конференции, на которых они отчитываются о проделанной работе, намечают перспективные планы на следующие три года совместной работы. Именно на ежегодных симпозиумах сконцентрирована основная деятельность комитета. Все делопроизводственные документы откладываются в информационном центре ИКОМ в Париже [1].

В своей деятельности ИКОМ тесно связан с ЮНЕСКО и имеет консультативный статус в Экономическом и социальном совете ООН. К числу партнеров ИКОМ относятся также Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС / WIPO), Интерпол, Международный комитет Голубого щита и Всемирная таможная организация. Сотрудничество с этими организациями позволяет ИКОМ осуществлять свою международную миссию служения обществу, которая, в частности, включает борьбу с незаконным перемещением культурных ценностей и управление рисками в чрезвычайных ситуациях, в том числе готовность защитить мировое наследие в ситуациях стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Российское отделение ИКОМ включает около 1400 специалистов. Благодаря их работе проводятся международные конференции, дорабатываются законопроекты в области культуры и

музейного дела, организуются всероссийские и региональные культурные мероприятия [2].

Самым древним объединением музеев в мире, действующим с 1889 года, является Музейная ассоциация, объединившая профессиональных музейщиков Великобритании. Ассоциация проводит конференции, выпускает журнал *Museums Journal*, осуществляет тематические исследования и организует музейную практику, в том числе онлайн [3].

На российском уровне действуют межмузейные ассоциации, такие как Ассоциация музеев России, Ассоциация научно-технических музеев, Ассоциация литературных музеев, Ассоциация российских музеев памяти и др.

В 2001 году был образован Союз музеев России, единственная в Российской Федерации организация, объединяющая музеи страны как общественные институты. В союз вошли более 400 музеев по всей стране, объединив специалистов для изучения и представления музейного фонда России. Создание ассоциации позволило наладить коммуникацию между учреждениями, обмен идеями, организацию передачи опыта в деле сохранения исторического наследия и презентации исторических событий посетителям.

Особое место в деятельности союза занимают проблемы внедрения в современную музейную практику технических и технологических инноваций, их гармоничного сочетания с природой музейной деятельности, предполагающей непосредственный контакт человека с историческим и культурным артефактом.

Союз музеев России выступает соучредителем Всероссийского музейного фестиваля «Интермузей», координатором музейных программ в рамках Форума научной и творческой интеллигенции стран СНГ.

Союз музеев России в своей деятельности непосредственно взаимодействует с Государственной Думой и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Общественной Палатой Российской Федерации, фондами, общественными организациями и объединениями, действующими в сфере культурного наследия, музейного дела, духовного и историко-культурного просветительства, гуманитарного образования [4].

Комплексными исследованиями проблем музееведения занимаются Российский институт культурологии (основан в 1932 г. в Москве как НИИ методов краеведческой работы; филиалы в Омске и Санкт-Петербурге), Лаборатория музееведения Государственного музея современной истории России, Научно-методический от-

дел Государственного исторического музея. Издаются международный журнал "Museum" (с 1948 г., на русском языке — с 1982 г.), Бюллетень ИКОМ (1986 г.), отечественный журнал «Мир музея» (в 1931—40 гг. выходил под названием «Советский музей», возобновлен в 1983 г., с 1993 г. — современное название), а также ряд региональных изданий [5].

Выпуск журналов, организация музейных фестивалей и проведение конференций — мощный катализатор обмена опытом среди музейных специалистов. На единой площадке встречаются специалисты разных направлений и делятся результатами своих разработок, исследований и реализуемых программ. Ярким примером служит фестиваль «Интермузей», который проводится в Москве с 1999 года. В 2020 году фестиваль прошел 27—29 мая в онлайн-формате из-за пандемии коронавируса, объединив почти 400 музеев со всей России и музейных специалистов из разных стран [6].

Если говорить о межрегиональном уровне объединения музейных работников, то это происходит за счет Совета музеев Приволжского федерального округа. Совет работает на принципах добровольного участия в качестве НКО, концентрируясь на территориальном признаке — т. е. на музеях Приволжского федерального округа. Совет музеев ПФО осуществляет координацию между музеями и способствует открытой коммуникации между специалистами, организациями и государственными органами.

На официальном сайте Совета музеев ПФО указано, что

Совет:

— организует межмузейный выставочный обмен, сотрудничество в экспозиционной, научной и просветительской деятельности;

— подготавливает и представляет в уполномоченные органы муниципальной и государственной власти экспертные заключения, концепции, программы и иные документы, связанные с совершенствованием и развитием музейной деятельности на территории Приволжского федерального округа;

— организует тематические семинары, совещания, «круглые столы» и конференции по вопросам музейной деятельности;

— обеспечивает организационно-методическую поддержку деятельности музеев и музейных работников на территории Приволжского федерального округа;

— информирует городские и региональные средства массовой информации об актуальных новостях в деятельности музейного сообщества

Приволжского федерального округа и размещает соответствующую информацию в Интернете [7].

Совет музеев собирает ежегодные съезды в разных городах Приволжского федерального округа. Ярким примером совместного труда является проект «Истоки. Рождённые на Волге», в котором приняли участие 56 музеев. Проект был реализован в несколько этапов, а финалом стал формат фестиваля, где было представлено несколько выставок и концертная программа. В рамках фестиваля состоялось открытие выставки «Истоки. Рождённые на Волге», на которой было представлено более 200 подлинных предметов из музеев 14 регионов Поволжья — полные комплекты мужской и женской одежды с украшениями, предметы быта, орудия народных промыслов народов Поволжья [8].

Если рассматривать деятельность конкретных музеев, то явно прослеживается тенденция к расширению коммуникаций. Ярким примером выступает Ленинский мемориал, в чьем багаже реализованные проекты не только на уровне страны, но и на международном уровне. Крупным проектом, объединившим усилия музейных работников из России, Германии, Китая, Великобритании, Турции, Вьетнама, стал проект «Люди, изменившие мир». Проект, который впервые был реализован в 2018 году во время Международного музыкального фестиваля «Мир. Эпоха. Имена». Сама идея проекта появилась в 2017 году в ходе подготовки к 150-летию В. И. Ленина: предлагалось на одной площадке представить выдающихся политических лидеров, общественных и государственных деятелей, кардинально повлиявших на историю всего мира и отдельных стран [9].

За время реализации проекта его героями стали Владимир Ленин, Карл Маркс, Хо Ши Мин, Махатма Ганди, Мао Цзэдун, Мустафа Кемаль Ататюрк, Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара, Нельсон Мандела, Уинстон Черчилль. Были созданы выставки при участии фондов Ленинского мемориала, поддержке посольств стран, музеев Стамбула, Хунаня, Ханоя, Трира, Лондона и Культурного центра имени Джавахарлала Неру.

Крупным проектом, объединившим музеи, стал «Ленинские музеи: Ленин, о котором спорят». За время своего существования сайт «Ленин, о котором спорят» (<https://lenincenter.ru>) объединил 11 музеев из 8 субъектов Российской Федерации. Он стал своеобразной точкой концентрации ленинской темы в интернет-пространстве.

Жемчужина портала — виртуальная выставка, которая аккумулирует на одной площад-

ке все ленинские подлинники, хранящиеся в фондах партнеров проекта. Каждый подлинный экспонат имеет свою страницу с описанием, где содержится информация об истории предмета, материале, из которого он изготовлен, а также о месте его хранения или экспонирования [10].

С точки зрения социальных наук музеи выполняют важнейшие общественные функции по сохранению и трансляции исторического опыта предыдущих поколений через материальные объекты и научные труды, а также являются частью системы, влияющей на социализацию подрастающего поколения. Именно им доверен отбор среди общего числа экспонатов тех, которые будут транслировать признанные общест-

вом ценности. Поэтому ведущей задачей музея становится реконструкция единства исторического и культурного опыта не только в отдельно взятом учреждении, но и в сообществе, совокупности всех музеев. Организация музейных советов и ассоциаций способствует обмену опытом работы отдельных музеев, созданию и реализации проектов, повышению квалификации сотрудников и привлечению новых ресурсов. Мировая практика показывает устойчивое стремление музеев к совместной и продуктивной работе для реализации социальных функций, возложенных на них обществом и государством, по сохранению и трансляции ценностей культуры и истории.

Литература

1. Труевцев Н. В. Источники изучения истории создания и развития Комитета музеологии Международного совета музеев / Н. В. Труевцев // МНКО. — 2010. — № 6-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izucheniya-istorii-sozdaniya-i-razvitiya-komiteta-muzeologii-mezhdunarodnogo-soveta-muzeev> (дата обращения: 23.02.2022).
2. Что такое ИКОМ? // ICOM Russia. — URL: icom-russia.com (дата обращения: 23.02.2022).
3. Ассоциация музеев // Википедия. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ebb5f148-62285428-6927a991-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Museums_Association (дата обращения: 09.03.2022).
4. О Союзе музеев России // Союз музеев России. — URL: http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20559&Itemid=276 (дата обращения: 09.03.2022).
5. Музеи // Большая советская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/text/5075067> (дата обращения: 09.03.2022).
6. Фестиваль «Интермузей» планируется провести в мае 2022 года // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/kultura/12604599> (дата обращения: 09.03.2022).
7. О Совете музеев Приволжского федерального округа // Совет музеев ПФО. — URL: <http://www.uokm.ru/forum/indexf.html> (дата обращения: 10.03.2022).
8. Межрегиональный фестиваль «Истоки. Рождённые на Волге». Заключительное мероприятие партнерского проекта музеев Приволжского федерального округа // Совет музеев ПФО. — URL: <http://istoki-volgi.ru/novosti/mejregionalnyiy-festival-istoki-rojdnnyie-na-volge-zaklyuchitelnoe-meropriyatie-partnrskogo-proekta-muzeev-privoljskogo-federalnogo-okruga-> (дата обращения: 10.03.2022).
9. Люди, изменившие мир // Ленинский мемориал. — URL: <http://leninmemorial.ru/projects/lyudi-izmenivshiemir.php> (дата обращения: 10.03.2022).
10. Ленинский мемориал инициировал создание интернет-портала «Ленин, о котором спорят» // Российское историческое общество. — URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/ulyanovsk/leninskij-memorial-initsiiroval-sozdanie-internet-portala-lenin-o-kotorom-sporyat.html> (дата обращения: 10.03.2022).

MODERN SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION OF MUSEUMS**D. N. Efremova**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

7151mid@gmail.com

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

7151mid@gmail.com

Cultural values are the heritage of modern society, available to us through the work of museums. Museums perform the function of selecting, preserving and presenting historical and artistic material objects that reflect social values supported by society and the state. The history of each individual country has left a material and spiritual legacy. Part of the heritage is available to visitors in museums on the territory of their countries, cities, towns. But objects of material culture are movable, they can be presented in other museums and exhibitions. Museum workers are able to talk about their experience with exhibits and audiences. However, this requires socio-cultural communication of museums at all levels. In the modern world, this is possible both thanks to the achievements of science and technology, and thanks to social institutions — unions and associations of museums. At the world level, the work of the International Council of Museums (ICOM) is devoted to intercultural and professional communication. At the Russian level, the Union of Museums of Russia operates at the regional level, for example, the Council of Museums of the Volga Federal District. Association of museum workers takes place at different levels and for different reasons, depending on the goals and their longtermness.

Key words: museum, world communication, ICOM, cultural values.

References

1. Truevtsev N. V. (2010) Istochniki izucheniya istorii sozdaniya i razvitiya Komiteta muzeologii Mezhdunarodnogo soveta muzeev [Sources of history of the beginning and development of Muzeology Committee of International Council of Museums]. MNKO, (6-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-izucheniya-istorii-sozdaniya-i-razvitiya-komiteta-muzeologii-mezhdunarodnogo-soveta-muzeev> (access date: 23.02.2022).
2. Chto takoe IKOM? [What is ICOM?]. ICOM Russia. URL: icom-russia.com (access date: 23.02.2022).
3. Assotsiatsiya muzeev [Museum association]. Wikipedia. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ebb5f148-62285428-6927a991-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Museums_Association (access date: 09.03.2022).
4. O Soyuze muzeev Rossii [On the museum association in Russia]. Museum Association of Russia. URL: http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20559&Itemid=276 (access date: 09.03.2022).
5. Muzei [Museums]. Big Soviet Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/text/5075067> (access date: 09.03.2022).
6. Festival "Intermuzey" planiruetsya provesti v mae 2022 goda [The festival "Intermuseum is due to May 2020]. TASS. URL: <https://tass.ru/kultura/12604599> (access date: 09.03.2022).
7. O Sovete muzeev Privolzhskogo federalnogo okruga [On the Museum Soviet of the Volga Federal District]. Museum Soviet of the Volga Federal District. URL: <http://www.uokm.ru/forum/indexf.html> (access date: 10.03.2022).
8. Mezhhregionalnyy festival "Istoki. Rozhdennyye na Volge". Zaklyuchitelnoe meropriyatie partnerskogo proekta muzeev Privolzhskogo Federalnogo okruga [Interregional festival "Origins. Born on the Volga". Final campaign of the museum partnership project of the Volga Federal District]. Museum Soviet of the Volga Federal District. URL: <http://istoki-volgi.ru/novosti/mejregionalnyiy-festival-istoki-rojdnnyie-na-volge-zaklyuchitelnoe-meropriyatie-partnrskogo-proekta-muzeev-privoljskogo-federalnogo-okruga-> (access date: 10.03.2022).
9. Lyudi, izmenivshie mir [People who changed the world.] The Lenin Memorial. URL: <http://leninmemorial.ru/projects/lyudi-izmenivshie-mir.php> (access date).
10. Leninskiy memorial initsiroval sozдание internet–portala «Lenin, o kotorom sporyat» [The Lenin Memorial initiated the internet-portal "Lenin who is discussed"]. Russian History Society. URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/ulyanovsk/leninskij-memorial-initsiroval-sozдание-internet-portala-lenin-o-kotorom-sporyat.html> (access date: 10.03.2022).



Л. К. Ишкиняева

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
liya.ishkinayeva.73@mail.ru



Н. В. Миронова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
mirnatval@mail.ru

РАЗГОВОРЫ О КРАСОТЕ ЕСТЕСТВА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА»

В статье рассматривается журнал Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума», сыгравший немаловажную роль в формировании нравственно-религиозных и философско-эстетических принципов ряда русских писателей. Журнал Н. И. Новикова выражал и формировал такое мировоззрение, согласно которому все происходящее представало оправданным и целесообразным. Материалы журнала представляют собой религиозно-нравственное единство, вбирающее в себя весь состав мироздания: от насекомого до всевышнего творца. Эта философская установка открывается ребенку в мире семьи, в разговорах отца и матери с детьми.

Журнал задавался также и проблемами гносеологии, утверждая идею гармонии мира и сближаясь в этом отношении с философией оптимизма.

«Натуральная история» на страницах «Детского чтения...» представляла как основа религиозно-философского знания. Проблемам философии и религии были посвящены специальные статьи — отрывки из трактатов, преимущественно Шарля Бонне, «Созерцание природы», «О боге и вселенной вообще» и др. В сочинениях Бонне можно усмотреть принципы будущей аксаковской поэтики, в особенности поэтики мемуарных жанров.

Любимый Аксаковым журнал Н. И. Новикова рассказывал также о дружбе детей и родительской любви, о сострадании к бедным, о многообразии природных явлений. Проблематика и поэтика прочитанных произведений отозвались впоследствии в самобытном аксаковском творчестве.

Ключевые слова: «Детское чтение для сердца и разума», журнал, Н. И. Новиков, натуральная история, философско-эстетические принципы, мироздание, Натура, Творец, С. Т. Аксаков, мировоззрение.

В 1777 году в Санкт-Петербурге была переведена с немецкого книга Иогана Георга Сулцера (Зулцера) «Разговоры о красоте естества». Это были беседы о совершенстве мироздания вместе с нравственными рассуждениями «об особенных предметах естественной науки». Автор говорил о красоте утра, пении птиц и запахе цветов, о растениях и животных, о согласии в различии, о стройной цепи тварей, о началах художества в естестве, о премудрости создателя и делал вывод о том, что естество есть училище духа и сердца.

Эти философско-религиозные установки сказались в известном журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума»: «Творец непостижимый! Коль беспределен мир твой, как большой, так и самый меньший из малых! <...> Весь земной шар со всеми своими горами и холмами, морями и реками, лесами и равнинами, великими и малыми областями... есть только весьма малой мир в сравнении с тем

великим миром, который все творение составляет» [7, с. 146, 147].

Материалы «Детского чтения...» невольно заставляли читателя задумываться о красоте Натуры, о великости Творца, создавшего Натуру.

Чувствовать красоту и великолепие Натуры способен человек, он одарен разумом. Развитию этого дара способствует воспитание в семье, разговоры родителей с детьми. Постигание красоты, великолепия мира происходит через общение.

Журнал «Детское чтение для сердца и разума» выходил в виде еженедельного приложения к «Московским ведомостям». Детский журнал, по мнению редактора, должен был служить «для сердца и разума», воспитывать добрых граждан, с ранних лет разъяснять читателям законы добродетели. Издание носило энциклопедический характер: на его страницах печатались научные статьи, беседы о явлениях природы, рассказы, басни, комедии, шутки. Разнооб-

разные, на первый взгляд, материалы журнала представляют собой, тем не менее, религиозно-нравственное единство, вбирающее в себя все части мироздания: от насекомого до всевышнего творца. Эта религиозно-философская установка открывается ребенку в мире семьи, в разговорах отца и матери с детьми (многие материалы «Детского чтения...» имеют соответствующие названия: «Разговор между отцом и сыном о снеге», «Разговор между отцом и детьми о громе», «Разговор о птицах» и др.), в наблюдениях за явлениями природы и в осмыслении гармоничности всего мироустройства.

Журнал Н. И. Новикова выражал и формировал такое мировоззрение, согласно которому все происходящее представляло оправданным и целесообразным. Гармония природы мыслилась как доказательство божественной премудрости, а следовательно, разумности всего мироустройства [11, с. 51—60].

Утверждая идею гармонии мира и сближаясь в этом отношении с философией оптимизма, журнал задавался также и вопросами гносеологии. Изучение природы предстает в «Детском чтении...» как познание необходимых взаимосвязей и закономерностей: «Как под землю находится много огня, то огнедышащие горы необходимо нужны для того, чтоб сила сей стихии, прорываясь через их отверстия, ослабилась». «Те земли, в которых много подземного огня, беспокоиваются частыми землетрясениями, но без сих гор были бы они еще гораздо несчастливее. Италия не была бы столь благословенною землею, какова она ныне, если б там подземный жар не умеряем был извержениями огнедышащей горы. Сверх того, может быть, сии страшные происшествия приносят еще неизвестную нам пользу для всего земного шара» [8, с. 104].

Основой познания выступали данные чувства в единстве с их логическим осмыслением и постижением величия зиждителя мира. В то же время «сверх всего нам известного остается еще множество достойных примечания вещей, до которых люди ни чувствами, ни разумом не достигли, и которые все свидетельствуют о премудрости и всемогуществе Творца своего» [9, с. 117]. «Творец имеет попечение о каждой твари своей; для всякого животного назначил Он растение, служащее к пропитанию его, сохранению здоровья и услаждения» [Там же].

Целый ряд журнальных материалов свидетельствовал, что «рачительные исследования доставляют нам новые открытия немалой важности. Однако при всех таких открытиях, из ко-

их познаем мы Божие всемогущество, всегда еще будет оставаться довольно таинств, открытых только Творцу их, которого Премудрости удивляемся мы в чудесах Его» [12, с. 153]. Журнал выражал мысль, что чудесная гармония, конечная цель и смысл всего происходящего открываются лишь в ином мире. При всем том стремление к познанию благотворно, оно ведет от понимания красоты и разумности творения к постижению благодати ее создателя.

Одной из основных в «Детском чтении для сердца и разума» была социальная проблема. В ряде произведений журнала встречается мысль «о мудрости и неизбежности человеческого неравенства и сословного» [10].

Воспитание трудолюбия у детей Новиков тесно связывал с вопросом о социальном воспитании [2]. В сценке «Крестьянское состояние» мальчик грубо обошелся с Памфилом потому, что он «простой мужик». За обедом мальчику не дали хлеба. Отец объясняет, что семья получает хлеб от Памфила: «...конечно, кто же пашет землю, сеет, жнет и молотит рожь, на которой мы хлеб делаем» [6].

Издатели журнала старались облагородить отношения дворянских детей к крестьянству, смягчить их, сделать гуманнее [2].

Через нравоучительные беседы, общение отца и матери с детьми прививались любовь и уважение к ближнему.

«Детское чтение...», по всей видимости, предназначалось не только для детей, но и для родителей, ориентируя их плодотворные беседы, душевные и познавательные разговоры с детьми, в результате которых могли быть достигнуты три благие цели: установление психологического контакта между родителями и детьми, познание окружающего мира, формирование религиозно-нравственных представлений детей. Помимо семейных связей, литература того времени культивировала чувство дружбы, возводила его в ранг высшей формы межличностного общения. Одним из центральных вопросов журнала был вопрос о воспитании у детей истинного благородства, дружбы, преданности, честности, великодушия [2]. Многочисленные публикации журнала были посвящены теме дружбы: «Пример истинной дружбы», «Повесть о двух верных друзьях» (Ч. II), «Дружба», «Пример братской дружбы» (Ч. III), «Пример дружбы» (Ч. IV), «Великодушные дружбы» (Ч. IX).

В произведениях сентиментализма человек обретает в частной жизни высшую форму бытия. Зарождалась литература, которая была соотносима с жизнью малой группы, семьи, дру-

жеского кружка. Важнейшие для социальной жизни понятия в жизни конкретного человека через малую группу становятся носителями уникального, неповторимого и даже полностью не переводимого для других опыта отдельного человека: «мать» из словарной единицы превращается в ту самую единственную, которая «лучше всех». Через малую группу человек входит в большой мир. Малая группа, а в историческое время прежде всего семья, — это источник тепла, спокойствия, защиты и уюта [4]. Неслучайно на страницах журнала «Детское чтение...» познавательные беседы проходят именно между родителями и детьми. Через общение отца с сыном, дочери с матерью передается образ гармонического мира.

Через сентиментализм в Россию пришла высокая культура частного бытия в малой группе. Началось «воспитание чувств», вкуса к созерцанию природы. Сентиментализм обеспечил восстановление в русской литературе нового времени древней художественной модели, связывающей человека со своим ближайшим окружением и с природой. Идиллия — сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни [4].

На страницах журнала показана эта желанная идиллия, представлена гармония мироздания. «В той или иной степени идиллическое пространство живет во всех литературных произведениях более позднего времени, в которых писатель обращается к теме гармонии человека и природы» [4].

«В мире все спокойно» [13, с. 104]. Всюду царит гармония: «Ты удивляешься только могуществу Его в числе и величине огромных тел, наполняющих вселенную, но какая премудрость, гораздо еще чудеснейшая, является в том равновесии, в котором содержит их вечное согласие их движений!» [13, с. 175].

В «Детском чтении...» находим целый ряд материалов, передающих впечатление, полученное от внимательнейшего взгляда, всматривания в природные организмы, а заодно и рожденное им философское обобщение. Наблюдатель, не довольствуясь общей гармонией мироздания, находит замечательное благоустройство и премудрость в существовании мельчайших живых существ и растений.

Одна из публикаций носила характерное название «Малые миры в большом мире». Автор прежде всего отмечает множество и разнообразие этих малых миров: «В одном сем кустарнике, на пятьдесят шагов в окружности, какое множе-

ство разнообразных тварей! Какой порядок и какая связь в сем разнообразии! Какое множество способов, целей и намерений! Какой округ, исполненный чудес Божиих! От сего дуба, толь гордо возносящего свою вершину, до самой нежнейшей травки, растущей под его тению, коликое число растений!» [7, с. 136—140].

В число необходимых для детей знаний Новиков включал сведения о психической жизни человека. В связи с этим в журнале были опубликованы статьи из английских изданий, фрагменты сочинений Ш. Бонне, в которых в популярной форме были изложены основные свойства и отличительные особенности человека как части природы, как существа, способного двигаться, видеть, слышать, чувственно познавать окружающий мир [3].

В трудах Н. И. Новикова большое место занимали проблемы психического развития, психологии воспитания и обучения. Признавая божественную природу окружающего мира, он в то же время считал главными источниками познания человеческий разум и науку, прославляя могущество человеческого ума [3].

Созерцание природы и узнавание в ней бога, действие ее на «чувствительные фибры» души, сохранение и воспоминание оных; изображение малых миров в большом мире стали слагаемыми поэтики многих произведений русской литературы [11, с. 51—60].

Аксаков С. Т. в своих воспоминаниях тоже обращается к журналу Новикова: «В детском уме моем (после знакомства с журналом. — Л. И.) произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир... Я узнал в «рассуждении о громе», что такое молния, воздух, облака; узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления в природе, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее [1, с. 235—236].

Журнал «Детское чтение» сыграл большую роль в жизни С. Т. Аксакова. Общение отца и матери с детьми на страницах журнала как бы перекликается с общением Аксакова со своими родителями, а затем переложится на общение со своими детьми. В семье Аксаковых царил гармония, даже «гармония житейских отношений», по утверждению В. А. Кошелева [5, с. 13—15]. О гармонии в семье Аксаковых можно судить по воспоминаниям, по переписке, в каждом письме чувствуется забота, бережное отношение, уважение и искренняя любовь друг к другу. Читая переписку Аксаковых, ощущаешь атмосферу теплоты и сердечности, царившую в доме Аксако-

вых и делавшую его необычайно притягательным для окружающих.

Таким образом, материалы журнала «Детское чтение для сердца и разума» организовывали процесс семейного общения, давали уроки нравственности, приоткрывали тайны Натуры и божества и тем самым формировали духовную личность ребенка.

Литература

1. Аксаков С. Т. Собр. соч. / С. Т. Аксаков. — Т. 1. — Москва, 1986.
2. Бабушкина А. П. История русской детской литературы / А. П. Бабушкина. — Москва, 1948.
3. Большакова В. В. Психологические идеи в русской философии XVIII века / В. В. Большакова // Психологическая мысль России: век Просвещения / под ред. В. А. Кольцовой. — СПб., 2001.
4. Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма / М. В. Иванов. — СПб., 1996.
5. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых / В. А. Кошелев. — Бирск, 2005
6. Крестьянское состояние // Детское чтение для сердца и разума. — 1785. — Ч. IV.
7. Малые миры в большом мире // Детское чтение для сердца и разума. — 1789. — Ч. XX.
8. О подземном огне // Детское чтение для сердца и разума. — 1819. — 2-е изд. — Ч. V.
9. О пользе растений // Детское чтение для сердца и разума. — 1786. — Ч. IV.
10. Привалова Е. П. Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» / Е. П. Привалова // XVIII в. — Сб. 11. — Л., 1976.
11. Сапченко Л. А. Журнал «Детское чтение для сердца и разума» в жизни и творчестве С. Т. Аксакова / Л. А. Сапченко // Вторые Аксаковские чтения : сб. / под ред. Л. А. Сапченко. — Ульяновск, 2006.
12. Разговор об огне // Детское чтение для сердца и разума. — 1819. — 2-е изд. — Ч. V.
13. Система мира // Детское чтение для сердца и разума. — 1788. — Ч. XV.

TALKING OF NATURAL BEAUTY ON PAGES OF THE MAGAZINE "CHILDHOOD READING FOR THE HEART AND MIND"

L. K. Ishkinyayeva

Ulyanovsk State University (г. Ульяновск, Россия)

liya.ishkinyayeva.73@mail.ru

N. V. Mironova

Ulyanovsk State University (г. Ульяновск, Россия)

mirnatval@mail.ru

This article discusses the magazine by N. I. Novikov "Childhood Reading for the Heart and Mind", which played an important role in the formation of the moral-religious and philosophical-aesthetic principles of a number of Russian writers. The magazine expressed and formed such a worldview, according to which everything that happened seemed justified and expedient. The magazine's materials represent a religious and moral unity that incorporates the entire composition of the universe: from an insect to the supreme creator. This philosophical attitude is revealed to the child in the world of the family, in the conversations of the father and mother with the children. The magazine also deals with the problems of epistemology, affirming the idea of the harmony of the world and in this respect drawing closer to the philosophy of optimism.

"Natural History" on the pages of "Childhood Reading..." appeared as the basis of religious and philosophical knowledge. Special articles were devoted to the problems of philosophy and religion — excerpts from treatises, mainly by Charles Bonnet — "Contemplation of Nature", "On God and the Universe in General", etc. In Bonnet's writings one can see the principles of future Aksakov's poetics, especially the poetics of memoir genres.

Aksakov's favorite magazine of N. I. Novikov also talked about the friendship of children and parental love, about compassion for the poor, about the diversity of natural phenomena. The problematics and poetics of the read works subsequently echoed in the original Aksakov's work.

Key words: "Childhood reading for the heart and mind", magazine, N. I. Novikov, natural history, philosophical and aesthetic principles, universe, Nature, Creator, S. T. Aksakov, outlook.

Rerences

1. Aksakov S. T. (1986) Collected works. Vol. 1, Moscow.
2. Babushkina A. P. (1948) Istoriya russkoy detskoj literatury [History of Russian childhood reading]. Moscow.
3. Bolshakova V. V. (2001) Psihoklogicheskie idei v russkoy filosofii XVIII veka [Psychological ideas in the Russian philosophy of XVIII century]. Psikhologicheskaya mysl Rossii: vek Prosvescheniya. St. Petersburg.
4. Ivanov M. V. (1996) Sudba russkogo sentimentalizma [The Fate of Russian sentimentalism]. St. Petersburg.
5. Koshelev V. A. (2005) Sto let semji Aksakovykh [One hundred years of Aksakov family]. Birk.
6. Krestyanskoe sostoyanie [Peasant fortune]. Childhood reading for the heart and mind. P. IV, 1785.
7. Malye miry v bolshom mire [Small worlds in the big world]. Childhood reading for the heart and mind. P. XX, 1789.
8. podzemnom ogne [Underground fire]. Childhood reading for the heart and mind. P. V, 1819.
9. polze rasteniy [Benefits of plants]. Childhood reading for the heart and mind. 1786. P. IV.
10. Privalova E. P. (1976) Sotsialnaya problema na strantsakh zhurnala Novikova "Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma" [Social problem on pages of the magazine "Childhood reading for the heart and mind"]. Vol. 11, Leningrad.
11. Sapchenko L.A. (2006) Zhurnal "Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma" v zhizni i tvorchestve S. T. Aksakova [Magazine "Childhood reading for the heart and mind" in the life and legacy of S. T. Aksakov]. Vtorye Aksakovskie chteniya. Ulyanovsk.
12. Razgovor ob ogne [Talking of fire]. Childhood reading for the heart and mind. P. V, 1819.
13. Sistema mira [System of the world]. Childhood reading for the heart and mind. P. XV, 1788.

**А. Г. Краева**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kraevalex@list.ru

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КОГНИТИВНЫХ ИДЕЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОНАУКИ: ПОДВОДЯ НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ...

Статья содержит некоторые итоги исследований когнитивной природы искусства как предзадающей познавательной матрицы, определяющей интеллектуальный тезаурус человека на самом раннем пренатальном и постнатальном периодах его развития. Результаты исследований позволяют под особым углом посмотреть на генезис научных открытий, что является дальнейшим, весьма перспективным вектором продолжения работы с целью внести посильный вклад в решение проблемы гениальности, столь актуальной в науке настоящего времени.

Ключевые слова: нейронаука, история и философия науки, искусство, художественно-когнитивные практики, интонационно-слуховые паттерны, музыкально-слуховой импринтинг, научные открытия.

Целью данной работы является попытка обозначить хотя бы схематично механизмы и роль некоторых нейронных коррелятов, имеющих интуитивно-художественную когнитивную природу, в процессе научных открытий. Это закономерный шаг на пути решения проблем, связанных с нейронаучной областью изучения феномена научного открытия и гениальности, которая является одной из ведущих в ее проблемном поле (Fritz J., 2015; Pearce M. T., 2016; Rušínova M., 2016).

Исследования в области культурной нейронауки последних лет все чаще придают художественным когнитивным паттернам роль ведущих в формировании не только творческого потенциала человеческого мозга, но и таких способностей, как лингвистические, аналитические и протоматематические. Эпистемологический анализ феномена искусства как определяющего когнитивного ресурса до сих пор является недостаточно обстоятельным, сообразно «традиции» отечественной философии науки и эпистемологии, оставаясь нетрадиционным направлением исследований. Да и присутствие искусства как совокупности мощнейших когнитивных механизмов в локусе эпистемологии и философии науки, к сожалению, так и остается «неудобным» для отечественных эпистемологов. Тем не менее история науки многочисленными примерами давным-давно свидетельствует об этом. Достаточно известен тот факт, что первой и сильнейшей страстью Галилея была живопись,

только в семнадцать лет он заинтересовался медициной и гораздо позднее вплотную занялся физикой. М. Фарадей, в свою очередь, чтобы понять, как функционируют электрические поля, изобразил их графически согласно собственным интуитивным представлениям.

Однако, продолжая линию философского и эпистемологического анализа механизмов влияния социальных и культурных факторов на онтогенетические особенности мозга, пластичность и обратного воздействия нейробиологических структур на различные социокультурные, когнитивные, а также креативные, творческие (когнитивно-художественные) реалии, которую активно развивают зарубежные ученые J. Campbell, S. Dehaene, R. Nisbett, L. Boroditsky, E. Brannon, J. Chiao, S. Kitayama, K. Peng, R. Siegler, S. Tompson, G. Northoff, D. Ansari, A. Norenzayan, M. Crawford, J. Zhou, в определенной мере G. Lakoff, R. Nunez, а также линию изучения эволюции произведений художественной культуры в контексте обнаружения системных связей искусства с конкретным типом культуры, своеобразием исторического сознания и психологии в рамках западноевропейской философии, ряду исследователей второй половины XX века, таким как M. Baxandal, E. Gombrich, H. Sedlmayr, E. Panofsky, A. Hauser, удалось прийти к достаточно нетривиальным выводам (Бажанов В. А., Краева А. Г., 2021).

В своих исследованиях нам удалось показать, что именно музыкальные когнитивные

паттерны, а точнее, лежащая в их основе интонационная природа абсолютно уникальна и не может быть заменена никакими когнитивными инструментами иного качества. Более того, в период раннего онтогенеза (то есть в пренатальный период) они представляют собой единственно доступную и эффективную интенцию в алгоритме реализации цели когнитивного, интеллектуального развития. Это происходит в ходе накопления и формирования врожденных генетических структур. Впоследствии в результате действия механизма интонационно-слухового импринтинга, а также в процессе осуществления взаимодействия с социокультурными артефактами происходит детерминация качественных характеристик не только всей совокупности когнитивных способностей человека, но и его мировоззренческого тезауруса.

В результате проведенных исследований установлено, что именно музыкальный интеллект во многом несет ответственность не только за неординарные способности человека к иным видам искусства, качественные элементы которых как бы закодированы в музыкальных интонациях (например, модель золотого сечения), в звучании музыки, что обусловлено пространственными эффектами музыки, ее колористическими свойствами, архитектурой и многообразием темброво-акустической и ритмической фактуры, которая является главным связующим элементом между смыслом, идеей и восприятием их другими людьми, но, более того — за формирование эвристического потенциала относительно иных видов когнитивной активности: логико-математической, лингвистической и др. В исследовании опровергнуты традиционные утверждения ученых о том, что асимметрия полушарий головного мозга выражается в доминирующей роли левого полушария, обеспечивающего функционирование механизмов вербального, аналитического, логического мышления, восприятие временных характеристик окружающего мира, в частности, ритмических, организующих и структурирующих характеристик музыки и языка. Правое полушарие традиционно рассматривалось как функционирование пространственного восприятия окружающего мира, а в музыке — мелодического начала. Положение о существовании нейрофизиологических механизмов, которые при реализации целенаправленного восприятия всей совокупности звукового потока младенцем задействуют самые разные модусы мышления (интонационно-слуховые, пространственно-образные, а также формально-логические, вербальные компонен-

ты) одновременно в рамках принципиально единого когнитивного пространства, дало нетривиальные результаты, достигнутые в понимании единства структуры когнитивного пространства. Они подтверждают, что для осуществления восприятия интонационно-слуховых импульсов и выработки соответствующих реакций («переживаний») мозг младенца обрабатывает образные, интонационные, ритмические и вербальные стимулы усилиями нескольких секторов и нейронных центров, независимо от фактора преобладания того или иного полушария головного мозга, в единой когнитивной зоне. Об этом свидетельствует, например, феномен синестезии. Причем для представителя каждой музыкальной культуры существует «свое» «неявное» знание.

Анализ числовой природы ритмической компоненты врожденных онтогенетических структур дал возможность показать общие точки роста художественных, протоматематических и математических когнитивных способностей в процессе онтогенеза. Интонационно-слуховые паттерны имеют в своей структуре ритмический элемент, организующий интонационно-слуховую информацию во времени. Есть достаточные основания полагать, что именно он является еще одним нейрофизиологическим механизмом, который отвечает за формирование так называемого интуитивного чувства числа у человека (Approximate Number Sense). Оно понимается как умение осознавать небольшое количество предметов, дискриминировать и сравнивать наборы объектов без использования символической числовой системы и точного подсчета, т. е. не задействуя зрительные механизмы. Поэтому и закономерности типа Вебера-Фехнера, учитываемая результаты исследований процессов шкалирования, вполне могут претендовать на статус универсальных, поскольку отражают реакцию едва ли не любых сложных когнитивных систем (включая, например, музыкальные) на внешние сигналы (стимулы, раздражители).

Положение о фундаментальном значении усвоения интонационно-ритмических паттернов в формировании математических когнитивных навыков в исследовании опирается также на обоснование следующей закономерности — априорность пространственной (интонационно-мелодической) и временной (метроритмической) рациональной организации интонационно-слуховых структур является одной из причин формирования на самых ранних этапах онтогенеза интуитивного чувства числа.

Анализ нейрофизиологических процессов, оказывающих существенное влияние на форми-

рование когнитивных функций мозга, показал, что нейронные корреляты западноевропейского сознания в процессе онтогенеза и под влиянием интонационно-слухового импринтинга «усваивают» природные закономерности симметрии в звучании западного, равномерно темперированного строя еще задолго до рождения, формируя «предощущение» гармонии, опирающейся на логико-математическую интуицию. При этом известно, что натуральный акустический ряд гармоник и деление звукового диапазона на консонансные гармонические интервалы кварты-квинты или октавы в западноевропейской музыкальной практике (периоды звуковысотной симметрии, образуемые первыми сильнейшими тремя гармониками, причем кварты-квинты ближе к диапазону человеческой речи) соответствуют спектрам и частотам электромагнитного излучения. Таким образом, структура акустического ряда, собранная и упорядоченная в музыкальном звукоряде по законам симметрии в виде клавиатуры рояля, с помощью которой можно создать бесконечное множество произведений, подобна симметрии единообразной энергетической структурной основы, которая образует качественное многообразие систем существования материи разного уровня. Восточная музыка в своих первоисточках принципиально монодична (одноголосна), что связано с совершенно особым восточным стилем мышления и особенностями культовой (религиозной) музыкальной традиции. Музыкальная рефлексия также направлена «вглубь» — в одной длительности может разворачиваться целое событие, музыка звучит пространственно, вертикально, звучание имеет вектор, но ритмически не упорядочена — импровизационна во времени (Краева А. Г., 2020).

Благодаря этому становятся очевидными причины столь глобального значения законов симметрии и золотого сечения в западноевропейской культуре, в частности, строго выверенный математически принцип организации всей совокупности художественного материала в западноевропейской музыкальной традиции абсолютно любого конкретного исторического периода, вне зависимости от его идейно-мировоззренческого и стиливого формата (Thompson B. M., Andrews S. R., 2000). Критерий золотого сечения является одной из тех основополагающих закономерностей структурных уровней организации реальности, математические закономерности которого «пронизывают» ее относительно автономные структурные уровни. Гармонические соотношения в области искусства в целом и музыки в частности в матема-

тическом аспекте описываются закономерностями, которые относятся к золотому сечению и репрезентируются посредством чисел Фибоначчи.

В ходе исследования также обосновано, что синхронизация, выражающаяся в резонансе (или асинхронизации) ментальных процессов на уровне нейронных систем, в которых генетически «настроены» представления о красоте, связана со статусом золотого сечения и чисел Фибоначчи в качестве основания и индикаторов гармонических соотношений природы, человека, некоторых особенностей его когнитивного потенциала, эстетического восприятия и формирования музыкальных вкусов. Это обнаруживается на примере функционирования математических моделей как неотъемлемого структурирующего элемента когнитивного каркаса всей совокупности видов искусства, определяющих их дискурсивную специфику с позиций феномена интуитивного чувства числа, проявляющегося также в константности действия принципа «золотого сечения» в рамках абсолютно любой художественно-когнитивной реальности на всех уровнях ее элементов, начиная с детских колебательных, составляющих начальный художественно-когнитивный опыт младенцев, до логико-математических модусов, организующих самые сложные (например, полифонические, или серийные) композиторские техники в области музыкального искусства, а также законы пропорции и симметрии в изобразительных искусствах. Это, в свою очередь, является весомым аргументом в пользу числовой природы музыки как принципиально значимой формы когнитивной активности в процессе самоорганизации ментальных систем, в поле которых функциональные и структурные паттерны золотого сечения выполняют роль одной из фундаментальных соиздательных и гедонистических компонентов.

Более того, в исследовании показана и обоснована идентичность музыкальных закономерностей в функционалах живых систем. Речь идет, в частности, о принципе единства закономерностей структурных уровней реальности (материи), который настаивает на номологическом единстве мира: определенные закономерности «пронизывают», являются «сквозными» для всех структурных уровней. Такой закономерностью можно считать явление самоорганизации, которое в физике проявляется в виде синхронизации механических систем, усложняясь до уровня самоорганизации социальных систем. Когда имеются автономные системы, то ритм их функционирования («жизни») также может синхронизироваться: они начинают су-

ществовать самосогласованно, в режиме единого ритма и времени, формируя особый, замкнутый темпомир. Или же, напротив, какие-то части единой системы устроены таким образом, что никогда не могут функционировать в синхронном режиме, войти в резонанс. Первичность и многовекторная функциональность интонационно-ритмических паттернов делают вполне логичным утверждение о том, что музыка, понимаемая как искусство интонируемого смысла, и язык имеют единое нейрофизиологическое основание, заложенное в механизмах освоения и понимания языка. Подтверждением этому является то, что каждый язык имеет определенную интонационную окрашенность и метроритмическую акцентуацию в построении определенных языковых единиц.

Таким образом, генетические программы, образованные всей совокупностью паттернов слуховой стимуляции, воспринятых мозгом как в пренатальный, так и в постнатальный период онтогенеза, выполняют роль априорных, генетически предзаданных музыкально-слуховых когнитивных элементов. Это те врожденные нейронные механизмы, которые позволяют не только осознавать собственную принадлежность к определенной этнической группе, но и воспринимать феномены, имеющие интонационно-ритмическую структуру (речевые интонации, музыку, «традиционные» паттерны), как механизм осмысленного и «направленного» когнитивного процесса, формирующего человека как представителя определенной культуры. Данные механизмы обеспечивают константность музыкально-слуховых предпочтений представителя того или иного этноса, а также характер, то есть качество (элитарная, традиционная, массовая принадлежность), интеллектуального и эстетического восприятия представителя определенной социальной группы. Кроме того, в исследовании обоснована фундаментальная роль слухового импринтинга, который оказывается важнейшим элементом процесса формирования средовой укорененности познания (*embedded cognition*), инкорпорирующего человека в целостную систему «мозг — социум — культура», в которой происходят аккультурация мозга и нейродетерминация культуры.

В результате проведенного исследования появилась возможность определения когнитивных процессов, связанных именно с музыкальным творчеством и его восприятием, в терминах деятельностного трансцендентализма. Культура воспроизводит себя посредством различных видов деятельности, включая музыкальную; с од-

ной стороны, определенные нейроструктуры (модули) являются врожденными, а с другой — некоторые нейроструктуры формируются (в формате, например, слухового импринтинга) и / или видоизменяются в результате той или иной деятельностной активности. Механизм слухового импринтинга, закладывающего необратимые, фундаментальные музыкально-слуховые качества ментальности человека, происходит в процессе акустического психорезонанса, при котором элементы «неявного знания» консоннируют с характеризующими конкретную этническую группу музыкальными интонациями. При этом определенные клетки коры головного мозга «считывают» частоту волн, порождаемых колебаниями звука, в определенном диапазоне. Данный механизм формирует принадлежность человека к определенной музыкально-этнической группе, адсорбируя и накапливая музыкально-слуховые представления, которые человек получает в течение всей своей жизни относительно «своих» интонаций, и дифференцирует иные этнические интонации. Слуховой импринтинг оказывается важным элементом процесса формирования средовой укорененности познания (*embedded cognition*), инкорпорирующего человека в целостную систему «мозг — социум — культура», в которой происходят аккультурация мозга и нейродетерминация культуры.

Феномен музыки, таким образом, является важнейшим компонентом целостной системы «мозг — социум — культура», роль которого фундаментально значима на начальных этапах генезиса жизни человека. Именно интонационно-ритмические (а значит, музыкальные по природе) паттерны выступают предпосылками восприятия и препарирования реальности, понимание природы и механизмов функционирования которых возможно в формате прочтения идей И. Канта об априоризме в контексте современной нейронауки, имея в виду трансцендентализм деятельностного типа.

Подтверждением фундаментальной значимости интуитивного мышления в экспликации описанных механизмов является феномен инвариантности научно-поискового хода мышления, имеющего место в истории науки. Она проявляется в устойчивой традиции дифференцирования всей совокупности исследователей по качеству когнитивного подхода в процессе осуществления научных открытий в области естествознания на два типа. Например, условная дифференциация на интуиционистов и логистов. Заметим, что подобная закономерность присутствует как в области естествознания, так и в

самом искусстве. Роберт Шуман отмечал, что разум и рассудок могут ошибаться, чувства — никогда. Его современник Иоганнес Брамс явно тяготел к логико-теоретическому мышлению и принадлежал к так называемой Лейпцигской школе, продолжающей традиции Р. Шуберта, Ф. Мендельсона, Ф. Шопена в немецком романтизме (Deiters H., Newmarch R., 2009). В естественности данную тенденцию иллюстрирует противостояние, разгоревшееся в начале XX века между логистами-«энергетиками» и интуитивистами-«анатомистами» [5]. Более ярким примером подобной дифференциации научных открытий по качественным характеристикам «источника» нетривиальных идей является случайное открытие магнитного действия электрического тока, обнаруженное Г. К. Эрстедом, профессором Копенгагенского университета. Однако данное открытие фактически засвидетельствовано М. Фарадеем в 1821 году как принадлежащее академику Амперу, которому принадлежит его теоретическая интерпретация (Новиков А. С., 2009; Филонович С. Р., 1990, с. 121).

Эрнстер Л. отмечает деление ученых-естественников на «бурильщики» и «землекоп». Первые исследуют проблему всесторонне и досконально, вторые «просто берут лопату и начинают где-нибудь копать» (Новиков А. С., 2009). Ретроспективный подход к проблеме природы научного открытия закономерно указывает нам на работу Г. В. Лейбница «Об искусстве открытия», в которой описаны два асимметричных поисковых подхода. В проекции на качественное различие одаренности это означает, что «аналитика есть исследование, при котором мы рассекаем на части сам предмет при сохранении максимальной точности», а «синтетика или комбинаторика состоит в том, что для объяснения вещи мы привлекаем другие, находящиеся вне ее» (Лейбниц Г. В., 1984).

Нетривиальным будет продолжить данную последовательность широко известным примером, иллюстрирующим подобную закономерность на трансдисциплинарном уровне — теория И. Канта — П. Лапласа, когда философская гипотеза получила рациональное обоснование в строгих математических расчетах. Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что начальный этап открытия в большинстве случаев связан с наглядно-образными, интуитивными мыслительными матрицами.

Полученные данные свидетельствуют о когнитивной устойчивости и перспективности дальнейших исследований по пути, намеченному И. Кантом, которому принадлежит идея о

том, что при переходе от образа к понятию неизбежно происходит качественная потеря научных данных за счет потери всей палитры смысловых оттенков «образа» познавательной идеи под призмой логико-теоретического эксплицирования.

Для эпистемологии и философии науки анализ когнитивно-рефлексивных механизмов научного и художественного творчества сквозь призму нейробиологической обусловленности позволил обосновать идею общности и единства точек роста на фундаментальном, нейрофизиологическом уровне тех когнитивных практик, которые традиционно считались абсолютно независимыми и даже изолированными друг от друга. Анализ влияния структурной и функциональной пластичности мозга при освоении различных форм культурного опыта (стилевых доминант мышления, канонов и традиций, профессиональных навыков и т. д.) показал прямую взаимосвязь этих процессов, что целесообразно учитывать в эпистемологии креативности (имея в виду становление нейроэстетики), а также философии научного поиска и исследования феномена гениальности (Эфроимсон В. П., 2002).

Это, в свою очередь, позволяет продемонстрировать особую значимость и высочайший статус искусства, понимаемого как художественно-когнитивная методология в процессе тех достижений современной нейронауки, которые обладают первостепенной важностью для развития эпистемологии. А именно в процессе переосмысления и трансформации принципа когнитивной универсальности субъекта познания, статуса «ситуационного» и «воплощенного» знания, ослабления позиции логоцентризма западной философской традиции и выработки оснований «гибкой» рациональности. Выявление ключевых параметров нейрофизиологической и культурной детерминации когнитивных способностей в процессе онтогенеза позволило показать, что роль «жесткого ядра» в онтологической плоскости художественной когнитивной деятельности выполняет методология точных наук и методы естественных наук. Это, в свою очередь, позволило определить весьма оригинальные и перспективные эвристические возможности целостного парадигмального каркаса искусства как художественно-когнитивной системы и сферы когнитивных исследований, а также выявить перспективы сопряжения в данной системе координат аналитических и холистических методов.

Полученные в ходе исследования результаты дают все основания полагать их использова-

ние в области медицинской нейрофизиологии в качестве основы в разработке новейших методов лечения психосоматических расстройств, ряда серьезных нейрофизиологических патологий (болезни Альцгеймера, разного рода фобий,

болезни Паркинсона, шизофрении), а также в качестве методов лечения, применяемых в реабилитационной медицине (корректировка последствий инсульта, различного рода травм головы и позвоночника).

Литература

1. Бажанов В. А. Мозг — культура — социум. Кантианская программа в когнитивных исследованиях / В. А. Бажанов. — Москва : Канон+, 2019. — 288 с.
2. Бажанов В. А. Музыка под углом зрения биокультурного со-конструктивизма / В. А. Бажанов, А. Г. Краева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 56. — С. 85—98.
3. Бажанов В. А. Опыт анализа феномена музыкальности с позиций современной нейронауки / В. А. Бажанов, А. Г. Краева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2021. — Т. 37, № 2. — С. 296—309.
4. Краева А. Г. Роль интонационно-слуховых паттернов в развитии когнитивных способностей человека / А. Г. Краева // Вестник Тверского государственного университета. — 2020. — № 1(51). — С. 16—31.
5. Лейбниц Г. В. Об искусстве открытия // Сочинения : в 4 т. — Т. 3. — Москва : Мысль, 1984. — С. 356—411.
6. Новиков А. С. Философия научного поиска / А. С. Новиков. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 336 с.
7. Филонович С. Р. Судьба классического закона / С. Р. Филонович. — Москва : Наука, 1990. — С. 121. — 240 с. — (Библиотечка «Квант», вып. 79).
8. Эфроимсон В. П. Генетика гениальности / В. П. Эфроимсон. — Москва : Тайдекс Ко, 2002. — 376 с.
9. Fritz J., Poeppel D., Trainor L., Schlaug G., Patel A., Peretz I., Rauschecker J., Halle J., Stregapede F., Parsons L. M. The Neurobiology of Language, Speech, and Music // *Language, Music, and the Brain: A Mysterious Relationship* / Ed. M. A. Arbib. Cambridge (Mass.). — L., 2013. — P. 417—462.
10. Hermann Deiters, Rosa Newmarch, Johannes Brahms: A Biographical Sketch Cambridge, 2009. — University Press. — 176 p.
11. Pearce M. T., Zaidel D. W., Vartanian O., Skov M., Leder H., Chatterjee A., Nadal M. Neuroaesthetics: the cognitive neuroscience of aesthetic experience // *Perspectives on psychological science*. — 2016. — Vol. 11(2). — 265 p.
12. Rušínova M. Reflections on Beauty: Immanuel Kant and Semir Zeki // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education. London, November 29—30, 2016. P. 90—91.
13. Thompson B. M., Andrews S. R. An historical commentary on the Physiological effects of Music: Tomatis, Mozart and Neuropsychology // *Integrative Physiological and Behavioral Science*. — 2000. — Vol. 35(3). — P. 177—188.

ON THE GENESIS OF COGNITIVE IDEAS IN LIGHT OF MODERN NEUROSCIENCE ACHIEVEMENTS: DRAWING CONCLUSIONS...

A. G. Kraeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

kraevalex@list.ru

The article contains some results of the research of art cognitive nature as a predictive cognitive matrix that determines the intellectual thesaurus of a person at the earliest prenatal and postnatal periods of his development. The research results allow us to look at the genesis of scientific discoveries from a certain angle, which is a further, very promising vector for continuing work in order to make a feasible contribution to solving the problem of genius, which is so relevant in the science of the present time.

Key words: neuroscience, history and philosophy of science, art, artistic and cognitive practices, intonation-auditory patterns, musical-auditory imprinting, scientific discoveries.

References

1. Bazhanov V. A. (2019) *Mozg — kultura — sotsium. Kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh* [Brain — culture — society. Kantian program in cognitive research]. Moskva: Kanon+, 288 p.
2. Bazhanov V. A., Kraeva A. G. (2020) *Muzyka pod uglom zreniya biokulturnogo so-konstruktivizma* [Music in view of biocultural so-constructivism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (56), p. 85—98.
3. Bazhanov V. A., Kraeva A. G. (2021) *Opyt analiza fenomena muzykalnosti s pozitsiy sovremennoy neyronauki* [Analysis of musical phenomena in view of modern neuroscience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, (2), vol. 37, p. 296—309.
4. Kraeva A. G. (2020) *Rol intonatsionno-sluhovyykh patternov v razvitii kognitivnykh sposobnostey cheloveka* [The role of intonational-auditive patterns in the development of cognitive capabilities of a person]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(51), p. 16—31.
5. Leybnits G. V. (1984) *Ob iskusstve otkrytiya* [Art of discovery]. Collected works in 4 volumes, vol. 3. Moscow: Mysl, p. 356—411.
6. Novikov A. S. (2009) *Filosofiya nauchnogo poiska* [Philosophy of scientific inquiry]. Moscow: Librokom, 336 p.
7. Filonovich S. R. (1990) *Sudba klassicheskogo zakona* [Fate of classic law]. Moscow: Nauka, 240 p.
8. Efroimson V. P. (2002) *Genetika genialnosti* [Genetics of genius]. Moscow: Taydeks Ko, 376 p.
9. Fritz J., Poeppel D., Trainor L., Schlaug G., Patel A., Peretz I., Rauschecker J., Halle J., Stregapede F., Parsons L. M. (2013) *The Neurobiology of Language, Speech, and Music // Language, Music, and the Brain: A Mysterious Relationship* / ed. M. A. Arbib. Cambridge (Mass.); L., p. 417—462.
10. Hermann Deiters, Rosa Newmarch, Johannes Brahms (2009): *A Biographical Sketch* Cambridge. University Press. 176 p.
11. Pearce M. T., Zaidel D. W., Vartanian O., Skov M., Leder H., Chatterjee A., Nadal M. (2016) *Neuroaesthetics: the cognitive neuroscience of aesthetic experience // Perspectives on psychological science*. Vol. 11(2). 265 p.
12. Rušínova M. *Reflections on Beauty: Immanuel Kant and Semir Zeki // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education*. London, November 29—30, 2016. P. 90—91.
13. Thompson B. M., Andrews S. R. *An historical commentary on the Physiological effects of Music: Tomatis, Mozart and Neuropsychology // Integrative Physiological and Behavioral Science*. 2000. Vol. 35(3). P. 177—188.

**Е. А. Пондюкова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Katrina_82@mail.ru

**А. В. Мартыненко**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА А. ГЕРМАНА «ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»

Статья посвящена исследованию проблемы авторской интерпретации литературного произведения в кинематографе. В качестве материала для анализа был взят фильм режиссера А. Германа «Трудно быть богом», снятый по одноименной повести А. и Б. Стругацких. В ходе исследования было выявлено, что трудность толкования авторского замысла обусловлена прежде всего образностью выражения мысли, что и предопределяет наличие различных пониманий. Акцент в статье был сделан на творчески-образной интерпретации, которая понимается как «перевод» литературного произведения на языки других видов искусств, в частности кинематографа. Были определены два уровня режиссерской интерпретации. На втором уровне ключевую роль в интерпретации играют личность режиссера, возможности киноязыка и авторский стиль его использования. В ходе сопоставительного анализа особенностей авторского «прочтения» пространства и образа главного героя в фильме А. Германа и повести А. и Б. Стругацких было установлено, что фильм изначально вышел далеко за пределы простой экранизации, став самостоятельным произведением, превосходящим по художественному резонансу литературный оригинал.

Ключевые слова: авторская интерпретация, произведение, литература, кинематограф, киноязык.

Проблема интерпретации литературных текстов была осознана и подвергнута философской рефлексии еще в Античности. Так, Аристотель в своем труде «Об истолковании» рассматривал интерпретацию как процесс выявления внутреннего содержания литературного текста [1]. Для философов Нового времени интерпретация — это одновременно и понимание, и непонимание, иными словами, речь идет об относительности самого процесса понимания. В XIX веке немецкий философ-романтик Ф. Шеллинг отмечал, что «художественный образ порождает различные толкования, как будто содержит бесконечное число замыслов, допуская тем самым бесконечное число толкований, причем никогда нельзя сказать, вложена ли эта бесконечность самим художником или раскрывается в произведении как таковом» [2, с. 356].

Идея о том, что существует множество трактовок одного произведения, была развита А. А. Потебней и его последователями. Он счи-

тал: «Кто разъясняет идеи, тот предлагает свое собственное научное или поэтическое произведение» [3, с. 331]. На протяжении всего своего существования произведение воспринимается по-разному, в зависимости от эпохи, мировоззрения интерпретатора и других внешних обстоятельств. И в данном контексте закономерно возникает вопрос о достижимости адекватности интерпретации произведения. Под адекватностью интерпретации предполагается объективное и достоверное представление о смысловом содержании текста, которое можно обосновать научно.

Литературовед А. П. Скафтымов, опровергая идею А. А. Потебни, утверждает, что читательское творчество в восприятии художественного произведения вторично и что само произведение несет в себе нормы его истолкования и свидетельствует о своих свойствах самостоятельно [4, с. 67].

Трудность толкования авторского замысла обусловлена прежде всего образностью выра-

жения мысли, что и предопределяет различное понимание. Часто сам автор, принимаясь за написание нового произведения, не знает, какое развитие получат созданные им образы, что также вызывает сложности при последующем истолковании. Не следует забывать и о другой стороне интерпретации — субъективности читателя, его жизненном опыте, интеллектуальном развитии и спектре его эмоционального восприятия, а также жизненной ситуации, в которой он сейчас находится, — всё это способно исказить авторскую позицию и порождает множественность интерпретаций одного произведения. Однако основная задача интерпретатора — свести к минимуму внешние обстоятельства при трактовке того или иного произведения.

Итак, интерпретация — это широкое понятие, применяемое в разных областях жизнедеятельности человека. Применительно к литературному произведению под интерпретацией понимается толкование, постижение целостного смысла текста, всех идей, которые автор стремится передать нам, выстраивая их в определенную систему — концепцию художественного произведения.

Советский литературовед В. Г. Маранцман определил интерпретацию как «технология общения с искусством» и предложил классифицировать ее на четыре вида: научную, критическую, читательскую и художественную [5]. В основу классификации исследователь положил степень присутствия субъективного момента в интерпретации.

Литературовед А. Б. Есин предлагает выделять такие три основных вида интерпретации литературного текста, как читательская, научная и творчески-образная [6, с. 125]. Читательская (первичная) интерпретация складывается из первого впечатления, которое появляется при прочтении литературного произведения. При этом у читателя ещё нет четкого логического понимания произведения, есть только эмоциональное переживание, ощущение, оставшееся от прочтения нового. Под научной интерпретацией понимается толкование литературоведами, критиками, которые четко формулируют свои впечатления от прочитанного произведения, и здесь интерпретация выстроена фактически, логически, эмоционально и легко проверяема при анализе. Под творчески-образной интерпретацией понимается «перевод» литературного произведения на языки других видов искусств, например, театра или кинематографа.

Развитие кинематографа как вида искусства тесно связано с предшествующим литератур-

ным опытом. Свои сюжетные идеи кинематограф, как правило, черпал из литературы. Во многом благодаря сюжетному многообразию в литературе кинематограф получил такой мощный толчок в развитии. Но является ли фильм лишь «переводом» литературного произведения на язык кино или выступает как самостоятельное произведение, созданное посредством авторского восприятия литературного текста?

«Перевод» литературного произведения на язык кинематографии получил название экранизации, главной задачей которой является воссоздание первоисточника как можно ближе к тексту. В зависимости от степени близости к первоисточнику различают следующие виды экранизаций: прямая, по мотивам и общая киноадаптация. Прямая экранизация буквально повторяет книгу, вплоть до диалогов и комментариев автора «за кадром». Фильм «по мотивам» передает основную мысль автора литературного произведения, при этом отступая от первоисточника, показывает его с другой стороны, это самый распространенный тип экранизации. При «общей киноадаптации» создается новое произведение на основе переработанного материала уже известного литературного текста. Авторская интерпретация присутствует во всех трех видах экранизаций, поскольку режиссер не сможет адекватно экранизировать ни одно литературное произведение, не пропустив его через себя.

Исходной точкой создания авторской кинематографической интерпретации литературного произведения является первичное толкование художественных образов режиссером. На следующем этапе осуществляется анализ литературного текста, который складывается из двух уровней интерпретации. На первом уровне режиссер опирается только на свойства самого текста, который декодируется интерпретатором. При интерпретации второго уровня применяются нестандартные взгляды на уже известные элементы, т. е. творческий подход. Таким образом, на первом уровне режиссерской интерпретации происходит понимание текста первоисточника, максимально близкого к замыслу автора; на втором же уровне включается авторская переработка художественных образов режиссером. Второй уровень основывается на собственном жизненном опыте, мировоззрении и в конечном итоге — на уникальном видении режиссером тем, образов и проблем литературного текста, что определяет формирование сюжетного хода, наполнение образов новым содержанием и накладывается на понимание режиссером возможностей языка кинематографа.

Самостоятельность литературы и кинематографа как отдельных видов искусства обусловлена тем, что каждый из них обладает собственным языком, собственными средствами выразительности, специфическими формами произведений, жанровыми особенностями. Фундаментальное отличие языка кинематографа от языка литературы состоит в том, что первый визуален. Отсюда даже кинематографический сценарий как своеобразная литературная основа фильма обладает своей спецификой, учитывающей тот факт, что «говорит» в кино не столько слово, сколько визуальный ряд, «картинка». Поэтому даже сам перевод из одной знаковой системы в другую уже вносит свои существенные коррективы в интерпретацию текста. Если при этом еще учесть многообразие средств выразительности, имеющихся в арсенале режиссера, можно говорить также об авторском стиле интерпретационного подхода.

В итоге при создании фильма на основании литературного сочинения появляется новое самостоятельное произведение, связанное с первоисточником разве что идеями, при этом личность режиссера (его уникальная биографическая ситуация, мировоззрение, знания, вкусы), помноженная на культурные особенности той аудитории, на которую нацелен будущий продукт, визуальный язык и авторский набор выразительных средств обуславливают оригинальность нового произведения.

Кинематографическое творчество А. Германа-старшего показательно с точки зрения формирования уникального авторского визуального языка, который прошел свою эволюцию, достигнув апофеоза зрелости в фильме «Трудно быть богом» по одноименной повести братьев А. и Б. Стругацких.

Киноязык А. Германа тяготеет к монохромности, реалистичности фактур, изображению осязаемой телесности, детальной прорисовке предметов и персонажей. Своеобразный визуальный стиль режиссера можно охарактеризовать как полифоничный и гиперреалистичский. В своих авторских фильмах А. Герман создает целостную картину мира, имеющую глубокое философское основание, требующее для понимания определенный уровень знания его киноязыка, а также начитанность литературой высокого уровня и насмотренность фильмами, относящимися к категории «искусство».

В одном из интервью А. Герман сравнивает свои работы с творчеством художника Северного Возрождения Иеронима Босха, который передавал свои идеи в живописи через сочетание

сатиры, фольклора, глубокой философии и причудливого гротеска. Особенно это сходство прослеживается между последним фильмом А. Германа «Трудно быть богом» и триптихом И. Босха «Сад земных наслаждений». Построение композиции, наполнение изображения множественностью фигур и предметов, сгруппированных по смыслу, при этом невозможно сконцентрироваться на одном плане, так как все планы действуют одновременно и не ограничиваются тремя, — все эти детали роднят стили режиссера и художника. С одной стороны, и Босх, и А. Герман гипертрофируют черты своих героев, а с другой — натурализуют их, приближая созданные ими миры к действительности.

И Босх, и Герман используют авторскую символику, переходящую из произведения в произведение. При этом режиссер применяет и символы художника, например, розы, к которым примешивается запах крови, музыкальные инструменты, которые выступают как средство истязания грешников в створке Ада триптиха «Сад земных наслаждений» и мучений арканарцев от исполнения Руматой джаза на созданных им самим инструментах в фильме «Трудно быть богом».

Гротескное начало проявляется у А. Германа по-разному. В своих первых работах он использует гротеск путем введения фольклорного элемента (как то анекдоты про смерть, поговорки, народные песни) и театрального представления (переодевание партизан в немцев в «Проверке на дорогах»). Театральные представления в фильме «Мой друг Иван Лапшин», сочетающиеся с посиделками актеров за кулисами, где они и перевоплощаются, создают карнавальное мироощущение. Или в фильме «Двадцать дней без войны» обличается фальшь съемок военного фильма людьми, которые не имеют представления о войне.

В более поздних работах мотив игры тонко вплетен в действие картины, здесь режиссер уже не привязывается к театральному представлению — на игре основан сам сюжет, где реальная жизнь сопровождается переодеваниями, подменами, двойниками, искажением реальных масштабов. Из фильма в фильм можно наблюдать, как гротескный реализм А. Германа перерождается в гиперреализм: как досконально прорисовываются все детали, выводится на новый уровень телесный аспект. Для гиперреализма характерна проработка таких мелких деталей, о которых в обычной жизни не принято упоминать, особенно ярко это проявляется у Германа через выпуклое введение телесного

начала. Это прорисовка описания быта (шары на кроватях, личные стульчаки в туалете в коммунальках и т. д.), подробное описание физиологии человека (плевок, испражнения и т. д.), детальное рассмотрение таких действий, на которые другие режиссеры только намекают (например, насильственные действия урок в воронке), доскональная передача боли (например, когда генерал собирает снег, чтобы сесть на него), это приравнивание образа вождя к обычному человеку (детали смерти Сталина).

Обратимся к особенностям авторского «прочтения» режиссером пространства и образа главного героя в фильме «Трудно быть богом».

Пространство в фильме задано конкретными фактурами — это белый и серый дым, грязь, слякоть, вода, каменные стены замков, элементы древесных поверхностей, металл, мех шуб и мех чучел убитых животных, также перья, цветы [7, с. 239]. Фильм А. Германа черно-белый, но этот факт лишь акцентирует внимание на цвете. Серый цвет превалирует во всех объектах фильма вплоть до серого дневного света, что прослеживается и в повести. Фундаментом же всего цветового решения фильма являются серый, черный и белый.

Белый цвет является привилегией главного героя: окружающая его атрибутика изначально ослепительно белоснежна, что символизирует свет внутреннего мира и чистые помыслы Руматы и в целом соответствует описаниям его в повести А. и Б. Стругацких.

Удручающая серость, грязь, фекалии и слякоть выступают первоосновой бытия в Арканаре. После убийства короля серый сменяется доминантой черного (реки черной крови в черно-белом кино). Вот описание этой сцены в тексте повести: «Румата подошел к окну. Оно выходило на площадь перед дворцом. Уже занималась заря. В серое небо поднимались дымы пожаров. На площади валялись трупы. А в центре ее чернел ровный неподвижный квадрат. Румата вгляделся. Это были всадники, стоящие в неправдоподобно точном строю, в длинных черных плащах, в черных клобуках, скрывающих глаза, с черными треугольными щитами на левой руке и с длинными пиками в правой» [8, с. 420]. «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные» [8, с. 416]. В фильме белоснежный конь Руматы визуально обостряет конфликт белого и черного, в том числе и в душе самого героя. Когда в конце фильма Румата убивает человека, на него льется черная кровь, отчего он весь также становится черным.

Как заметила исследователь А. С. Темлякова: «Стругацкие и Герман ставят перед главным героем одинаковые вопросы: допустимо ли глубокое вмешательство извне в сложившуюся ситуацию, в естественный ход событий; должен ли каждый народ сам и до конца выстрадать свою историю, пройти по всем ее кругам, не полагаясь на помощь “богов”, чтобы обрести органичную форму самоосуществления, может ли цивилизованный человек убивать, справится ли он с поставленным перед ним выбором» [7, с. 241].

Герман А. в одном из своих интервью так объясняет изменение действий Руматы: «Это картина о поисках выхода в мире — рубить, быть ласковым, наблюдать, помогать, как быть? Нет выхода, все оборачивается кровью, что герой ни сделает. Не хочешь убивать, хочешь быть добрым — будет вот так, почти никак. Хочешь убивать — реформы пойдут, но ты будешь страшным, кровавым человеком. Стругацким было проще: у них в романе коммунары с благополучной, счастливой, цивилизованной планеты Земля, люди, которые знают правду и знают как. А сейчас на Земле — какие там коммунары! Мы у себя не можем разобраться, в Чечне той же. Так вот, ученых герой ищет всю картину, не как у Стругацких — чтобы спасти, а чтобы они ему что-нибудь подсказали, что делать в этом мире. Чтобы этот ужас прекратить, когда книжечеев в нужниках топят» [9].

Трудно быть богом, когда ты всего лишь человек. Румата прибывает в Арканар, в каком-то смысле в качестве бога, с самого начала не включенного ни в какую историю, отстраненного, но сведущего наблюдателя. Вмешательство Руматы сразу сводит его с позиции всезнания. Он обретает человечность через участие и перестает быть богом [10].

Отличается и отношение к главному герою: если у братьев Стругацких сюжет построен вокруг Руматы, его действий и переживаний, то для А. Германа важен сам создаваемый мир. Для режиссера главный герой — это художественный образ пространства, что показано через детальность кадра, длительность кадра, наполненность кадра предметами и деталями, натурализм сцен, невнятность диалогов. «Нам важнее не герой, а какой-нибудь мальчик, который сидит и какает. Мы снимаем не героя, а мир с точки зрения героя» [11, с. 12], — так разъясняет свою позицию режиссер, который во время съемок хотел совсем убрать из кадра главного героя, оставив его присутствие через мелькание в кадре отдельных его частей тела, а сюжет пе-

редать через его внутреннее восприятие, смотря на мир его глазами.

Во время съемки фильма «Трудно быть богом» собраны все ранее выработанные А. Германо приемы работы с камерой, здесь они наиболее концентрированы и ярки в своих проявлениях.

Самый яркий прием, получивший в фильме «Трудно быть богом» особо острое звучание, — взгляд в камеру: это глубокий взгляд в камеру Руматы, это жуткий взгляд и смех ртом с гнилыми зубами средневекового человека, это взгляд, которому не могут помешать ни мелькания рук, ни посторонние предметы в кадре. Это взгляд, который не отпускает, держит в заложниках зрителя весь фильм и вне фильма, эти образы всплывают первыми, когда размышляешь над фильмом в целом. При этом используется прием, когда камера не следует за главным героем, а представляет собой самостоятельный взгляд, который то следует за шумом за кадром, то рассматривает отдельные предметы, то сосредотачивает своё внимание на незначительных сценах.

Основная задача режиссера — передать все детали того мира, передать телесный мир того человека, показать, насколько не разделен ещё внутренний мир человека от его физиологии (сцена размышляющего книгочея, справляющего нужду на сапоги Руматы). Натурализм прорисован до мельчайших деталей: это и первая сцена испражнения, и эрекция у осла, и мошонка главного героя — всё это надделено особым значением — «снять кино с запахом, снять Средние века через замочную скважину, как будто мы там пожили» [12, с. 14].

В фильме появляется образ рассказчика — тихий, спокойный голос наблюдателя, объясняющий то, что происходит на экране, что происходит в этом далеком от нас мире. Значение рассказчика в этом фильме также велико для осознания человечности главного героя, осознания невозможности человека быть богом для другого человека, даже если он больше знает в этом мире, однако это знание не дает большего понимания: что делать, как поступить в следующий момент.

Таким образом, фильм А. Германа изначально вышел далеко за пределы простой экранизации, став самостоятельным произведением, превосходящим по художественному резонансу литературный оригинал.

По мысли кинокритика Т. Москвиной, фильм «Трудно быть богом» создан вопреки всей существующей нынче визуальности, в опровержение всего, чему поклоняются сегодня, — сюжету, монтажу, игре актёров. Такого фильма никогда не было и не будет никогда. Он переживёт своё время и его эстетические пристрастия [13].

Основная масса критиков этого фильма оказалась не столь благосклонной в своих суждениях. Но очевидно, что настоящее искусство во все времена не понимается современниками, оно стоит на голову выше современного понимания мира, имеет пророческий характер, что и отличает гениальность художника.

Фильм А. Германа «Трудно быть богом» ещё дождет своего зрителя в будущих поколениях, а повесть получит ещё не одно новое звучание.

Литература

1. Аристотель. Об истолковании / Аристотель // Аристотель. Сочинения : в 4 т. — Т. 2. — Москва : Мысль, 1978. — С. 91—116.
2. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 576 с.
3. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — Москва : Искусство, 1976. — 614 с.
4. Арабов Ю. Н. Кинематограф и теория восприятия : учебное пособие / Ю. Н. Арабов. — Москва : ВГИК, 2003. — 106 с.
5. Маранцман В. Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством / В. Г. Маранцман // Литература в школе. — 1998. — № 8. — С. 91—98.
6. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие для студентов и преподавателей филол. фак-тов, учителей-словесников / А. Б. Есин. — Москва : Флинта : Наука, 2010. — 248 с.
7. Темлякова А. С. Цвет и пространство в фильме «Трудно быть богом» (2013; реж. А. Герман-ст.) / А. С. Темлякова // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» ; гл. ред. Н. В. Барковская. — Екатеринбург, 2015. — № 5. — (Сер. «Драфт: Молодая наука». Вып. 4). — С. 238—245.
8. Стругацкие А. и Б. Избранное / А. и Б. Стругацкие. — Москва : Моск. рабочий, 1990. — 527 с.
9. Герман А. Не будь мы такими... / А. Герман // Искусство кино. — 1989. — № 6. — С. 26—29.
10. О поэтике Германа. Конспект концепции Михаила Ямпольского // Кино: Культура: Lenta.ru. — URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/26/yampolskiy> (дата обращения: 12.12.2021).

11. Герман А. Правда — не сходство, а открытие / А. Герман // Искусство кино. — 2001. — № 12. — URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2001/12/n12-article8> (дата обращения: 12.12.2021).
12. Герман А. Я дилетант по убеждению / А. Герман // Искусство кино. — 1996. — № 8.
13. Безрукова Л. Интервью с А. Германом: Свою историю надо выстрадать / Л. Безрукова // Нева. — 2006. — № 7. — URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/7/be20.html> (дата обращения: 12.12.2021).

AUTHOR'S INTERPRETATION OF A LITERARY WORK IN CINEMATOGRAPHY BASED ON THE MATERIAL OF THE FILM BY A. HERMAN "IT'S HARD TO BE GOD"

K. A. Podyakova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

Katrina_82@mail.ru

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

avalmart@list.ru

The article studies the problem of the author's interpretation of a literary work in cinema. The film directed by A. Herman "It's Hard to be God", based on the novel of the same name by A. and B. Strugatsky, was taken as material for analysis. In the course of the study, the authors revealed that the difficulty of interpreting the author's idea is primarily due to the imagery of the expression of thought, which determines the presence of different understandings. The emphasis in the article was placed on a creative and imaginative interpretation, which is understood as a "translation" of a literary work into the languages of other types of arts, in particular cinema. Two levels of director's interpretation were determined. At the second level, the key role in interpretation is played by the personality of the director, the possibilities of the film language and the author's style of its use. In the course of a comparative analysis of the features of the author's "reading" of the space and the image of the main character in the film by A. Herman and the story by A. and B. It was established by the Strugatskys that the film initially went far beyond a simple film adaptation, becoming an independent work surpassing the literary original in artistic resonance.

Key words: author's interpretation, work, literature, cinematography, film language.

References

1. Aristotle (1978) *Ob istolkovni* [On interpretation]. Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl, p. 91—116.
2. Tynyanov Yu. N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Movie]. Moscow: Nauka, 576 p.
3. Potebnya A. A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow.
4. Arabov Yu. N. (2003) *Kinematograf i teoriya vospriyatiya* [Cinematography and theory of perception: textbook]. Moscow: VGIK, 106 p.
5. Marantsman V. G. (1998) *Interpretatsiya khudozhestvennogo proizvedeniya kak tekhnologiya obscheniya s iskusstvom* [Interpretation of a work of art as a technology of communication with art]. *Literatura v shkole*, (8), p. 91—98.
6. Yesin A. B. (2010) *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya* [Principles and techniques of literary work analysis: textbook. manual for students. and teachers of philology. facts.]. Moscow: Flint: Nauka, 248 p.
7. Temlyakova A. S. (2015) *Tsvet i prostranstvo v filme "Trudno byt bogom"* [Color and space in the film "It's Hard to be God" (2013; directed by A. German-art.)]. *Ural Philological Vestnik. Yekaterinburg*, (5), 274 p. (Series "Draft: Young Science". Issue 4), p. 238—245.
8. Strugatsky A. and B. (1990) *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 527 p.
9. Herman A. (1989) *Ne bud my takimi...* [If we weren't like that...]. *Iskusstvo kino*, (6), p. 26—29.
10. *O poetike Germana. Konspekt kontseptsii Mikhaila Yampolskogo* [About Herman's poetics. Summary of the concept of Mikhail Yampolsky]. URL: Cinema: Culture: Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/26/yampolskiy> (accessed: 12.12.2021).
11. Herman A. (2001) *Pravda — ne skhodstvo, a otkrytie* [The truth is not a similarity, but a discovery]. *Iskusstvo kino*, (12).
12. Herman A. (1996) *Ya diletant po ubezhdeniyu* [I am a dilettante by conviction]. *Iskusstvo kino*, (18).
13. Bezrukova L. (2006) *Intervju s A. Germanom: Svoyu istoriyu nado vystradat* [Interview with A. Herman: you have to suffer your story]. *Neva*, (7). URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/7/be20.html> (accessed: 12.12.2021).

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

**Ю. В. Андреева**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
yulia.andre@gmail.com

**Е. Л. Лукьянова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
lukyanova.jenya@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ
ПО РАБОЧИМ ПРОФЕССИЯМ: ГОД С COVID-19***

В статье анализируются особенности занятости в Ульяновской области по рабочим профессиям в сложных эпидемиологических условиях. Опираясь на статистические данные, дополненные материалами экспертных интервью со специалистами служб занятости, а также контент-анализом вакансий по рабочим профессиям, опубликованных на региональных страницах сайтов «Работа в России», Avito, HeadHunter и размещённых в региональных печатных изданиях «Мозаика», а также «1000 вакансий», рассматривается динамика протекания процессов, складывающихся на региональном рынке труда в период с января 2020 по май 2021 года.

Ключевые слова: рабочие, занятость, региональный рынок труда, текущая эпидемиологическая ситуация.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60221 «Стратегии поведения рабочих на рынке труда в сложных эпидемиологических условиях» (2020—2022 гг., руководитель Ю. В. Андреева).

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Говоря о последствиях и ощутимых эффектах от распространения пандемии COVID-19, экономисты и социологи не раз прогнозировали серьезные изменения, которые ждут внутрироссийский рынок труда. Периодически вводимые локдауны, организация работы «на удалёнке», ввод разного рода ограничительных мер для недопущения дальнейшего распространения коронавируса и т. д. — всё это не могло не внести заметных изменений в текущую ситуацию на

рынке труда, переопределяя спрос на многие профессии.

Особое беспокойство вызывала занятость именно по рабочим профессиям, и прежде всего из-за того, что рабочих зачастую невозможно перевести на дистанционный формат работы вследствие производственных нужд и специфики организации их труда. Поэтому в условиях неопределённых экономических перспектив на фоне волнового протекания пандемии предполагался ещё больший рост напряжения на рын-

ке труда, на котором у представителей именно рабочих профессий были все шансы оказаться в числе аутсайдеров.

Также в свете «коронавирусных событий» оставались неясными перспективы местных рынков труда. Именно с региональными рынками связывалась основная опасность в 2020 году, когда пандемия только-только начинала разворачиваться на территории нашей страны. Если рынки труда мегаполисов и крупных городов имеют тенденцию к достаточно быстрому восстановлению из-за своей большей устойчивости — они, например, лучше справились с прошлыми кризисами 2014—2015 гг. и в целом имели более прочные позиции до начала пандемии COVID-19 в 2020 году, то рынки труда в регионах показали себя как значительно менее устойчивые. Поэтому предполагалось и вызывало опасения, что они хуже справятся с эффектами от разворачивающейся пандемии, так как еще по-прежнему ощущают на себе влияние прежних кризисов. Оправданными ли оказались эти опасения? Или ситуация на региональном рынке труда развернулась благополучнее, чем это можно было бы ожидать? На эти вопросы призвана ответить данная статья.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу статьи легла часть материалов проекта № 20-04-60221 «Стратегии поведения рабочих на рынке труда в сложных эпидемиологических условиях», выполненного при финансовой поддержке РФФИ в 2020—2021 гг. (руководитель Ю. В. Андреева). Дизайн проекта рассчитан на два года (2020—2022), он представляет собой комплексное междисциплинарное лонгитюдное исследование: начиная с осени 2020 года, с периодичностью раз в полгода мы проводим глубинные интервью и тестирование психологического самочувствия с 75 рабочими, а также в 25 рабочих семьях (домохозяйствах). Благодаря этому удалось выяснить особенности реагирования рабочих на своё текущее трудовое положение и положение рабочих семей на разных этапах развёртывания эпидемиологического процесса. В данной статье для иллюстрации сложившейся в 2020 — первой половине 2021 года ситуации на региональном рынке труда по рабочим профессиям нами использовались материалы 12 экспертных интервью, проведенных с руководителями ульяновских служб занятости, органов социальной защиты, кадровых агентств и учебных центров, а также ульяновских предприятий. Экспертные интервью

были необходимы ввиду отсутствия в регионе консолидированной информации по группам занятий, в том числе рабочим. Эксперты давали оценку достигнутым показателям безработицы и заболеваемости COVID-19, уточняли специфические региональные факторы, влияющие на рынок труда. В дополнение к экспертным интервью мы изучали объявления о вакансиях по рабочим профессиям, опубликованные на региональных страницах сайтов по трудоустройству, а также размещенные в местных печатных изданиях. Всего было проанализировано 1500 объявлений, для которых фиксировался спрос на рабочие специальности, особенности его территориального и отраслевого распределения, требования работодателей и предлагаемые ими условия.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Численность постоянного населения Ульяновской области к 2020 году составила 1218,3 тыс. человек. Из них в экономике было занято 569,5 тыс. человек (46,7% от общей численности населения области). В 2020 году уровень занятости колебался от 46 до 48%. По сравнению с 2016 годом он уменьшился на 3%. Правительством Ульяновской области прогнозировалось, что в 2021—2023 гг. численность занятых в экономике будет снижаться в пределах 1,6—4,5%, в основном по причинам старения населения [1]. До 70% занятых приходилось на сферу материального производства: 32% трудилось в промышленности и строительстве, 16% — в торговле, ещё 9% — в сельском и лесном хозяйстве, 6% — в фирмах, связанных с транспортировкой и хранением. В 2020 году по большинству направлений экономической деятельности произошло уменьшение количества занятых в абсолютном выражении. Однако отраслевая структура занятости не претерпела существенных изменений. Предприятиям обрабатывающего сектора в 2020 году удалось переломить негативную тенденцию уменьшения численности занятых. Однако выйти на показатели 2016 года они не смогли. Аналогичным образом складывалась ситуация в сельском и лесном хозяйстве, а также в сфере торговли и транспортировки. В ряде направлений, например, добыче полезных ископаемых, культуре и спорте была показана положительная динамика численности занятых. Но она мало повлияла на общее положение дел.

С точки зрения движения рабочей силы в 2020 году региональный рынок труда был близок к балансу трудовых ресурсов. Всего пред-

приятными и организациями было принято на работу 52 278 человек, а уволено 60 230 человек. Высокие коэффициенты выбытия фиксировались в сфере гостиничного бизнеса и общественного питания (76,5%), административной деятельности (60,0%), а также в строительстве (43,8%). Кроме того, существенное снижение объёмов найма произошло в сфере добычи полезных ископаемых, в то время как для обрабатывающих производств коэффициенты оборота по выбытию и приёму мало различались между собой и получились равными 19 и 15% соответственно. В организациях, занимающихся обеспечением электроэнергией, водоснабжением, а также транспортировкой и хранением, замещение кадров проходило с минимальным уроном. В целом промышленность Ульяновской области избежала серьёзных потерь персонала, несмотря на то, что 146 предприятий прекратили свою деятельность. Массовые закрытия в первую очередь коснулись торговли (732 организации), научно-технической деятельности (213 организаций), здравоохранения (198 организаций) и строительства (143 организации). Больше прочих в 2020 году пострадали строительные и научные организации, где уменьшилось не только само количество организаций, но и совокупная численность работников.

Особенностью 2020 года стало сокращение внешней для региона миграции (миграционный прирост составил -636 человек против -2395 человек в 2019 году). В то время как доля иностранных трудовых мигрантов оставалась постоянной — 6,6—6,8 тыс. человек, т. е. 1% от общей численности занятых в экономике области при законодательно установленном коэффициенте в 1,63% [2]. Приоритетным было приглашение иностранных специалистов по творческим и инженерным специальностям; из рабочих профессий — преимущество у авиатехников по авиационному и радиоэлектронному оборудованию, авиатехников по самолетам и двигателям, слесарей по ремонту технологических установок, электромонтёров по ремонту и обслуживанию электрооборудования. Ставилась задача увеличения к 2023 году трудовых мигрантов до 7 тысяч человек, но признавалось, что в настоящее время они востребованы главным образом на низкоквалифицированных позициях [1]. В период пандемии интерес ульяновцев к работе вахтовым методом упал. По данным портала HeadHunter, всего 4,2% соискателей из Ульяновской области рассматривали возможность временной работы в других регионах [3]. По экспертным оценкам, вахтовым

методом на систематической основе работает 30 тысяч жителей области [4].

Около 95% занятых в экономике являлись наёмными работниками. По данным регионального Агентства по развитию человеческого капитала, в 2020 году до 11,5 тысяч человек в месяц находились под риском увольнения. Особенно остро вопрос с увольнениями стоял в III квартале. В этот период почти 10 тысячам работников приходилось трудиться в режиме неполной рабочей смены (недели). Актуальной также была проблема простоев. Если в апреле-мае причины простоев были обусловлены самоизоляцией и не зависели от предприятий, то в III—IV квартале до 4 тысяч работников оказывались в ситуации простоя по вине работодателя. Для сравнения: в 2019 году не более 2 тысяч человек находились в вынужденных простоях. В 2020 году крупным и средним предприятиям удалось избежать массовой задолженности по заработной плате. В целом по состоянию на 1 января 2021 года задолженность составила 62,1 млн рублей перед 1987 работниками у 45 ульяновских предприятий [5]. Вместе с тем опросы свидетельствуют о том, что в 2020 году каждый третий работник хотя бы раз сталкивался с задержками заработной платы [6]. 114 тысяч занятых в экономике были отнесены к категории «работающих бедных», с денежными доходами ниже прожиточного минимума [7]. По средней заработной плате Ульяновская область занимала 10 место в Приволжском федеральном округе. Её величина составила 32 567 тыс. рублей, при том что модальный среднедушевой доход не превышал 13 408 рублей при установленном прожиточном минимуме в 10 387 рублей.

В 2020 году уровень регистрируемой безработицы колебался от 0,45% в I квартале до 5,21% в III квартале. Максимальное число безработных составило 31,4 тыс. человек. Более 63,5 тыс. ульяновцев обратились в службы занятости, работа была найдена для 16,2 тыс. человек. Достигнутый в Ульяновской области уровень безработицы, рассчитанный по методологии МОТ, соответствовал средним значениям безработицы в ПФО, но оказался ниже общероссийских показателей. В конце 2020 года область занимала 20 место по уровню безработицы среди всех субъектов РФ. При этом многие предприятия, особенно в сфере промышленности, не находились в затяжном локдауне, они возобновили работу уже в середине апреля, в период официально объявленной самоизоляции. Отличительной особенностью 2020 года стало сближение реальной и регистрируемой безрабо-

тицы. Отмечалось, что значительную долю составила пассивная безработица, рост которой был стимулирован увеличившимися социальными пособиями. Уровень трудоустройства безработных оказался ниже заявленного предприятиями числа вакансий. Средняя продолжительность безработицы составила 3,9 месяца, но во II квартале она доходила до 5,8 месяца [8].

Муниципальные районы Ульяновской области безработица затронула по-разному. Тяжёлая обстановка складывалась в Ульяновске и Дмитровграде (втором по значимости городе области). В Ульяновске уровень безработицы доходил до 6,14 %, а в Дмитровграде — до 6,53 %. А вот у лидеров рейтинга он устойчиво был ниже 1,5 %, что связывалось с экономической специализацией данных муниципальных образований. При этом до 70 % вакансий поступало в службу занятости от предприятий из областного центра. На Дмитровград приходилось около 10 % вакансий, на оставшиеся муниципальные образования — 20 %. Большинство предлагаемых вакансий касалось рабочих профессий. По данным портала «Работа в России», где размещаются вакансии всех муниципальных служб занятости, высокие шансы найти работу были у водителей автомобилей, уборщиков территорий и производственных помещений, а также у подсобных рабочих. Увеличение спроса на рабочие профессии произошло в первую очередь за счёт создания мест временной и общественной занятости с неполным рабочим днём. В I квартале 2020 года рабочие профессии составляли 60 % заявок предприятий. В III—IV квартале их доля увеличилась до 72 %. Рабочие профессии были востребованы прежде всего в промышленности и строительстве (48 % вакансий). Организации из нематериальной сферы (культура, здравоохранение, образование и т. п.) тоже испытывали потребность в рабочих кадрах, заявив почти треть вакансий. Это обусловило низкий средний уровень заработной платы по рабочим профессиям. В 68 % случаев заработная плата в вакансиях служб занятости не превышала 20 тыс. рублей, в том числе для рабочих с высокой квалификацией, в то время как, например, на «Авито» вакансий с такой зарплатой было 40 %, но там большинство работодателей не гарантировали официальной занятости.

Анализ данных 2021 года (январь-май) показывает, что региональный рынок труда смог восстановиться до уровня начала 2020 года. На 1 июня уровень регистрируемой безработицы не

превышал 0,97 %¹. Всего на учёте служб занятости состояло 5827 человек. Примерно столько же безработных насчитывалось в апреле 2020 года — 5172 человека с уровнем регистрируемой безработицы 0,85 %. И к маю Ульяновская область занимала 2 место в ПФО, уступая лишь Нижегородской области. Среди других субъектов РФ регион находился на 20 месте. Власти ставили задачу вернуться к июлю 2021 года на «доковидные» показатели в 0,5 %, соответствующие марту 2020 года. У 7 из 24 муниципальных образований сделать это к маю получилось. Но неблагоприятной остаётся ситуация в Ульяновске, на него приходится 67 % всех безработных. Уровень регистрируемой безработицы — 1,25 %. В то же время Дмитровграду удалось существенно выправить положение дел. Если в 2020 году уровень безработицы был близок к 7 %, то теперь он равняется 0,64 %. Вместе с тем прошедшая на АО «ДААЗ», градообразующем предприятии Дмитровграда, реорганизация потребовала поиска оперативных решений со стороны областного правительства для предотвращения массовых увольнений с завода и поиска новых рабочих мест для высвобождающегося персонала. Аналогичные процессы проходили на АО «Авиастар-СП», одном из крупнейших предприятий Ульяновска [9]. Кадровая оптимизация должна была затронуть более 1000 его сотрудников. Помимо АО «Авиастар-СП», ещё 103 предприятия Ульяновска заявили о сокращении своей штатной численности. В районах области 73 организации собирались расстаться с частью работников. Всего было заявлено к сокращению 1299 человек².

Наибольшее снижение безработицы наблюдалось в апреле-мае 2021 года. В эти месяцы темпы падения численности безработных достигали 30 %. Улучшение ситуации на рынке труда, очевидно, связано с активизацией промышленного производства. По данным Росстата, индекс промышленного производства в апреле 2021 года составил 137,3 % к соответствующему периоду прошлого года, что значительно выше общероссийских значений (107,2 %) [10]. Рекрутинговые интернет-порталы, в частности

¹ Расчёты уровня безработицы по методологии МОТ доступны только за январь-март 2021 года.

² Данные предоставлены Агентством по развитию человеческого капитала и трудовых ресурсов Ульяновской области. К настоящему времени уволено 576 работников, из них 166 человек обратились за содействием в трудоустройстве в службу занятости.

HeadHunter, также фиксировали рост потребности в кадрах. Количество размещённых здесь заявок от ульяновских работодателей выросло в апреле на 92 %, а в мае — на 154 % относительно того же месяца прошлого года. В апреле-мае 2021 года в службы занятости еженедельно поступало до 18 тысяч вакансий. Всплеск интереса работодателей отчасти объясняется сезонным характером работы многих предприятий, в том числе промышленных. 2020 год стал исключением из традиционной для региона ситуации, когда на II квартал приходилось увеличение сезонного найма работников. Как в службах занятости, так и на рекрутинговых порталах сильно возрос спрос на рабочий персонал. В апреле-мае 2021 года около 75 % заявок, поступивших от предприятий в службы занятости, были на рабочие профессии. В рейтинге HeadHunter, рассчитанном по Ульяновской области, рабочий персонал входил в тройку наиболее востребованных вакансий. С 2020 года на этом портале на 208 % увеличилось количество заявляемых по рабочим профессиям объявлений.

Оценки скрытой безработицы в январе-мае 2021 года выглядят неоднозначно в силу расхождений, имеющихся между органами статистики и службами занятости. По результатам проводимых Росстатом выборочных исследований, в марте 2020 года в области имелось 27,8 тысячи безработных при 9,4 тысячах официально отнесённых к этой категории. Уровень выявляемой безработицы также планомерно сокращался, хотя и не такими быстрыми темпами, как регистрируемая безработица. В Ульяновской области был запущен «Мониторинг по снижению неформальной занятости». За первое полугодие удалось установить 1330 неформально занятых работников. Неформальная занятость — это, судя по показателям, проблема для сельских муниципальных образований: 89 % её случаев приходится именно на них. Но, по экспертным оценкам, неформальная занятость распространена в областном центре, а также в Дмитровграде никак не меньше, чем в районах области. Неполная занятость, имевшая тенденцию к уменьшению в конце 2020 года, вновь возросла. На 1 июня 2021 года в режиме неполной занятости трудились 18 195 человек, из них 9268 проживали в Ульяновске, а 8372 — в Дмитровграде³. Относительно высокой оказалась неполная за-

нятость в Инзенском районе, попавшем в выборку проекта «Стратегии поведения рабочих на рынке труда в сложных эпидемиологических условиях». Там в условиях неполного рабочего дня (смены) задействованы 376 человек. Рост неполной занятости связывается с длительными корпоративными отпусками. Более чем на месяц производство останавливали ОАО «УАЗ», АО «ДААЗ» и другие заводы. При этом у предприятий в апреле 2021 года получилось полностью ликвидировать задолженность по заработной плате.

Что касается движения рабочей силы, то рынок труда начала 2021 года стремился к равновесному состоянию. Коэффициент общего оборота в первом квартале 2021 года равнялся 10 %. Всего было принято на работу 12 943 человека, а уволен 13 551 человек. В I квартале 2021 года доля работников, уволенных в связи с сокращением или по соглашению сторон, составила 19 % и оказалась самой низкой с 2018 года. Одновременно замедлились темпы создания рабочих мест: всего 5 % принятых работников (662 человека) были трудоустроены на дополнительно введённые места. По данным служб занятости, к 1 июня 2021 года было создано или модернизировано 11 078 рабочих мест, из них 2408 — высокопроизводительные рабочие места. Целенаправленная установка служб занятости на исключение из объявлений о вакансиях требований по профессиональной квалификации и специальному стажу работы не позволяет провести объективный анализ соответствия создаваемых рабочих мест уровню подготовки соискателей. Областным кадровым центром в 2021 году планировалось переобучить 1000 безработных. Их основной проблемой является низкий профессиональный уровень: 40 % безработных имеют только школьное образование (основное или среднее).

Решение проблем дефицита рабочих кадров на высокопроизводительные места видится в привлечении кандидатов из других регионов России. Показатели миграционного прироста за I квартал 2021 года свидетельствуют об обратной тенденции увеличения оттока населения из Ульяновской области. За этот период в другие российские регионы уехали 2827 ульяновцев. В рейтинге качества жизни регион занимает 33 место, опустившись за 2020 год на 4 позиции [11]. Хотя номинальная и реальные заработные платы имели в первом полугодии выраженную тенденцию к росту, Ульяновская область уступала большинству других регионов Приволжского федерального округа. По итогам I квартала

³ Данные предоставлены Агентством по развитию человеческого капитала и трудовых ресурсов Ульяновской области.

2021 года средняя заработная плата по всему кругу организаций составила 34,5 тысячи рублей при общероссийских показателях в 55,2 тысячи рублей [12]. При этом для большинства заявляемых в службу занятости вакансий средняя заработная плата не превышала 25,5 тысяч рублей [5]. По рабочим профессиям она колебалась около 22 тысяч рублей. В 42 % случаях заработная плата предлагалась ниже 20 тысяч рублей, и только в 15 % объявлений она была выше 30 тысяч рублей.

ВЫВОДЫ

Итак, в начале 2020 года, когда пандемия еще только начиналась, основные опасения связывались с региональными рынками труда. Их устойчивость справедливо ставилась под сомнение, поскольку оставалось сильным влияние прежних, еще «допандемийных» кризисов. Оно было достаточно затяжным для локальных рынков труда, и пандемия могла лишь усугубить тяжёлое положение в регионах. Оправданными ли оказались эти опасения? Анализ данных региональной статистики, а также материалов экспертных интервью со специалистами региональных служб занятости и проведенный контент-анализ вакансий по рабочим профессиям, опубликованных на региональных страницах сайтов «Работа в России», Avito, HeadHunter и размещённых в региональных печатных изданиях «Мозаика» и «1000 вакансий», показывает, что ситуация на региональном рынке труда развернулась благополучнее, чем это можно было бы ожидать. Вместе с тем остаётся вопрос — что же послужило главным фактором такого неожиданно благополучного разрешения ситуации? Является ли это следствием «естественного» развития регионального рынка труда и сработал самовосстанавливающийся экономический механизм, который позволил местному рынку быстро перейти от весьма высоких показателей по безработице, наблюдавшихся в 2020 году, к показателям докризисного состояния 2019 года на момент оценки в мае 2021 года?

Или же эта благополучная на региональном рынке труда ситуация — всего лишь результат некоего административного давления? То есть такие благополучные показатели — это своеобразный ответ служб занятости на поставленную на государственном уровне задачу: к лету 2021 года возвратиться на докризисный уровень по показателям безработицы. Возможно, всё дело в специально организованной ситуации по применению методов административного снижения неблагоприятных показателей: от отказа населению в постановке на учет до снижения привлекательности самого процесса постановки на учет для граждан. В том числе снижение через сокращение денежных пособий, отмену дополнительных денежных выплат безработным, включая семьи безработных, снижение так называемой пассивной безработицы — и всё это на фоне искусственного создания заведомо непривлекательных рабочих мест с минимальной зарплатой. Ответ на этот вопрос нам еще предстоит получить по результатам анализа региональной статистики, экспертных оценок и контент-анализа местных объявлений о предлагаемых вакансиях за второе полугодие 2021 года. И мы рассчитываем, что эти данные, когда фактор административного давления на рынок труда теперь снизился и стал менее выраженным, позволят без помех увидеть, насколько показатели рынка труда выросли без какой-либо административной поддержки. Следует отметить негативный тренд: уже к 1 июля 2021 года средний уровень региональной заработной платы был показан в 37 тысяч рублей, и фактически она и стала таковой уже к апрелю 2021 года. Но к настоящему моменту её средний уровень опустился до 34 тысяч рублей, и сейчас в регионе разворачивается административная кампания по повышению заработной платы на 10—15 %, чтобы можно было вернуться к показателям первого квартала. Вместе с тем пониженная зарплата уже свидетельствует о негативном ответе регионального рынка труда.

Так ли это, нам предстоит проверить.

Литература

1. Прогноз социально-экономического развития Ульяновской области на среднесрочный период / Губернатор и Правительство Ульяновской области. Официальный сайт. — URL: <https://ulgov.ru/page/index/permlink/id/20559>.
2. Об установлении на 2020 год коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда [Закон Ульяновской области от 27.06.2019]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/463730077>.
3. Жители Ульяновской области едут на вахту неохотно // Ульяновская правда. — 2020. — 14 июня. — URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/economics/zhiteli-ulianovskoi-oblasti-edut-na-vakhtu-neokhotno>.

4. Государственный демографический доклад Губернатора Ульяновской области за 2020 год / Министерство семейной, демографической политики и социального благополучия. — URL: sobes73.ru/assets/files/family/demog...gub_2020.docx.
5. Тезисы руководителя Агентства по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области Дроновой С. В. «О ситуации на рынке труда Ульяновской области по состоянию на 12 февраля 2021 года» / Губернатор и Правительство Ульяновской области. Официальный сайт. — URL: <https://ulgov.ru/page/index/permlink/id/20958>.
6. Турковская О. Каждый третий работник Ульяновской области сталкивается с задержками зарплаты / О. Турковская. — URL: <https://ulpressa.ru/2020/12/15/каждый-третий-работник-ульяновской-о>.
7. Турковская О. Разрыв: 20 % — бедных, 25 % — обеспеченных. Эксперты о перспективах экономики и программе по снижению бедности в 2 раза / О. Турковская. — URL: https://ulpressa.ru/2020/11/27/20-бедных-25-обеспеченных-эксперты-о-перс/?_ga=2.35883232.1321289544.1623507840-1394043529.1623507840.
8. Рейтинг российских регионов по уровню безработицы // РИА Новости. — 2020. — 26 октября. — URL: <https://ria.ru/20201026/bezrobotitsa-1581498318.html>.
9. Косаринова Д. Массовое сокращение на «Авиастаре» обещают компенсировать мобилизацией рабочих / Д. Косаринова // 73онлайн. — 2021. — 27 мая. — URL: https://73online.ru/r/massovoe_sokraschenie_na_aviastare_obeshayut_kompensirovat_mobilizaciyu_rabochih-89922.
10. Индексы промышленного производства по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.
11. Николаева А. По качеству жизни Ульяновская область заняла 33 место в стране / А. Николаева // 73онлайн. — 2021. — 15 февраля. — URL: https://73online.ru/r/po_kachestvu_zhizni_ulyanovskaya_oblast_zanyala_33_mesto_v_strane-86288.
12. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации с 2019 года / Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL EMPLOYMENT FOR BLUE-COLLAR OCCUPATIONS: A YEAR SINCE COVID-19*

Yu. V. Andreeva

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

yulia.andre@gmail.com

E. L. Lukyanova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

lukyanova.jenya@gmail.com

The article analyzes the features of employment in the Ulyanovsk region for blue-collar occupations in difficult epidemiological conditions. Based on statistical data, supplemented by materials of expert interviews with specialists of employment services, as well as content analysis of vacancies in blue-collar professions, published on the regional pages of the sites "Work in Russia", Avito, HeadHunter and posted in the regional print media "Mosaic", as well as "1000 vacancies", — the dynamics of the processes occurring in the regional labor market in the period from January 2020 to May 2021 is considered.

Key words: workers, employment, regional labor market, current epidemiological situation.

* Grant-supported by the Russian Foundation for Basic Research № 20-04-60221 "Strategies for the behavior of workers in the labor market in difficult epidemiological conditions" (2020—2022, supervisor Andreeva Yu. V.).

References

1. Prognoz sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Ulyanovskoy oblasti na srednesrochnyi period. Gubernator i pravitelstvo Ulyanovskoy oblasti [Projected growth in socio-economics of the Ulyanovsk region for a medium term]. Governor and the Government of the Ulyanovsk Region. URL: <https://ulgov.ru/page/index/permlink/id/20559>.
2. Ob ustanovlenii na 2020 god koeffitsienta, otrazhayushego regionalnye osobennosti rynka truda [Act of Ulyanovsk Region of 27.06.2019 "Documenting the index number determining the regional specific features of labour market"]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463730077>.

3. Zhiteli Ulyanovskoy oblasti edut na vakhtu neokhotno [Ulyanovsk citizens are reluctant to work shifts]. Ulyanovsk truth, 14 June 2020. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/economics/zhiteli-ulyanovskoi-oblasti-edut-na-vakhtu-neokhotno>.
4. Gosudarstvennyi demograficheskiy doklad Gubernatora Ulyanovskoy oblasti za 2020 god [State Demography report of the Governor of the Ulyanovsk region for the period 2020]. Ministry of family, demography policy and social welfare. URL: sobes73.ru/assets/files/family/demog...gub_2020.docx.
5. Tezisy rukovoditelya Agentstva po razvitiyu chelovechekogo potentsiala i trudovykh resursov po sostoyaniyu na 12 fevralya 2021 goda [Talk abstracts of the chief of Agency for the Development of Human Potential and labour force of the Ulyanovsk Region Dronova S. V. "On the situation in labour market of the Ulyanovsk region as of 12 February 2021"]. Governor and the Government of the Ulyanovsk Region. URL: <https://ulgov.ru/page/index/permlink/id/20958>.
6. Turkovskaya O. Kazhdyi trtiy rabotnik Ulyanovskoy oblasti stalkivaetsya s zaderzhkami zarplaty [Every third employer of the Ulyanovsk region faces backpays]. URL: <https://ulpressa.ru/2020/12/15/каждый-третий-работник-ульяновской-о>.
7. Turkovskaya O. Razryv: 20 % bednykh i 25 % obespechennykh. Eksperty o perspektivakh ekonomiki i programme po snizheniyu bednosti v 2 raza [Spread: 20 % of the poor and 25 % of the haves. Experts about the prospects of economics and poverty alleviation programme by a factor of two]. URL: https://ulpressa.ru/2020/11/27/20-бедных-25-обеспеченных-эксперты-о-перс/?_ga=2.35883232.1321289544.1623507840-1394043529.1623507840.
8. Reyting rossiyskikh regionov po urovnyu bezrobotitsy [Unemployment rating of Russian regions]. The RIA Novosti, 26 October 2020. URL: <https://ria.ru/20201026/bezrobotitsa-1581498318.html>.
9. Kosarinova D. Massovoe sokraschenie na "Aviastare" obescayut kompensirovat mobilizatsiyey rabochikh [Mass redundancy at "Aviastar" is to be compensated with mobilization of the workers]. 73онлайн, 27 May 2021. URL: https://73online.ru/r/massovoe_sokraschenie_na_aviastare_obeshayut_kompensirovat_mobilizatsiyey_rabochih-89922.
10. Indeksy promyshlennogo proizvodstva po subyektam Rossiyskoy Federatsii [Indexes of industrial construction in the regions of the Russian Federation]. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.
11. Nikolaeva A. Po kachestvu zhizni Ulyanovskaya oblast zanyala 33 mesto v strane [Ulyanovsk region placed 33rd in Russia in order of quality of life]. 73онлайн, 15 February 2021. URL: https://73online.ru/r/po_kachestvu_zhizni_ulyanovskaya_oblast_zanyala_33_mesto_v_strane-86288.
12. Srednemesyachnaya nominalnaya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov po polnomu krugu organizatsiy po subjektam Rossiyskoy Federatsii s 2019 goda [Average monthly nominal employment salary in the organizations of the Russian Federation members]. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

**Э. В. Егорова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Eleanor_63@mail.ru

**И. А. Бурмистрова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
burmistrovairina555@gmail.com

**С. В. Ускова**

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
suskova00@mail.ru

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ОБЩЕСТВО

Коронавирусная инфекция или COVID-19 полностью изменила ход жизни всего мира с марта 2020 года. Однако до сих пор нет четкого представления о влиянии коронавируса на наше общество и культуру. Данная работа направлена на рассмотрение социального и культурного воздействия коронавирусной инфекции для лучшего понимания пандемии COVID-19. Влияние пандемии в сфере образования носило двоякий характер: помимо отрицательных последствий имел место и положительный эффект — способствование ускоренной реализации цифровых технологий в учебном процессе. Ситуация, которую спровоцировала пандемия COVID-19, также напомнила о значимости духовного развития. Во время пандемии произошла цифровизация в сфере культуры: онлайн-форматы содействовали продвижению культурно-досуговых услуг, однако очевидным является тот факт, что невозможно полностью заменить «живое» посещение таких мероприятий. Кризисная ситуация, возникшая в мире из-за распространения пандемии, заставила людей поменять свой привычный уклад жизни. Быстрая смена образа жизни вызывает внутреннее сопротивление, а факт того, что все меняется не по собственной воле, создает ощущение неопределенности и непредсказуемости. Невозможность проконтролировать ситуацию в современных условиях провоцирует возникновение стресса. Экономический кризис, потеря работы — все эти факторы способствуют повышению нестабильности и, соответственно, тревоги. Общество вынуждено подстраиваться под современные реалии и адаптироваться в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: коронавирус, общество, COVID-19, изоляция, дистанционное обучение.

2020 год именуется годом пандемии COVID-19. Эпидемия оказала значительное влияние на различные сферы общества, в том числе и на социально-экономические процессы не столько в национальном, сколько в глобальном масштабе.

По мнению экспертов, пандемия COVID-19 негативно отразилась на психическом здоровье людей по всему миру. Эти последствия проявляются в виде повышенной тревожности и неуверенности, усиления страхов и дискриминации. Изменения в окружающей среде могут вы-

звать большое количество страданий и незащищенности. Поскольку COVID-19 быстро распространяется, люди испытывают больше паники и беспокойства. Кроме того, тревога и страх, связанные с инфекцией, могут вызвать дискриминационное поведение, которое затем приводит ко все более негативному социальному поведению, ухудшающему психическое здоровье. Причиной страха людей являются пагубные последствия вируса, одно из которых называется стигматизацией [5]. Стигматизация является составной частью многих стереотипов о вирусе [1]. Выделяют несколько тем, указывающих на стигматизирующие выражение и поведение во время пандемии. Пациенты с COVID-19 были подвержены стереотипам как активные распространители коронавируса и подвергались стигматизации. В то время как изоляция в сложившейся пандемии способствовала в какой-то степени сдерживанию распространения вируса, люди подверглись влиянию депрессии, тревоги, ужаса, паники, возникающим из-за одиночества. Все эти негативные последствия пандемии, связанные с ростом стигматизации и дискриминации, как ожидается, будут иметь далеко идущие последствия для общества [4].

Влияние эпидемии отмечается во всех сферах общества. Все слои населения, в особенности наиболее уязвимые его группы, подвержены губительному воздействию инфекции. Обострена проблема дискриминации пожилых людей: стереотип о том, что вирус является болезнью людей старшего возраста, усугубляет их социальное положение, также у пожилых людей возникают сложности в освоении информационной среды, без которой в условиях самоизоляции крайне тяжело [9].

COVID-19 отразился на всей системе здравоохранения, ей приходится подстраиваться под современные реалии пандемии: внимание сконцентрировано на людях, которые болеют коронавирусом, в связи с этим плановый прием пациентов приостановлен. Медицинские работники находятся в крайне тяжелом положении. Помимо огромной нагрузки, они рискуют своей жизнью и жизнью своей семьи.

Изменения также коснулись и образования: школы и университеты переводились на дистанционное обучение (в зависимости от процента заболеваемости в регионе). Неопределенность в отношении предстоящих экзаменов, окончания семестра и завершения учебы оказала влияние на стрессоустойчивость студентов. Преподаватели отметили большую нагрузку во время дистанционного обучения, а также

плохую организацию при переходе в онлайн-формат и снижение качества учебного процесса [3]. В дистанционном режиме преимущество в учебных показателях и обеспечении лучшего качества учебного процесса получили те учреждения, которые ранее имели развитую электронную образовательную среду и проводили мероприятия по внедрению онлайн-режима обучения до начала пандемии. Вузам, которые имели определенную базу, не составило труда перейти на использование технологий онлайн-образования. Но нельзя забывать о наличии той группы вузов, которая не смогла полноценно в указанные сроки организовать цифровой формат обучения либо адаптировалась к онлайн-формату с низким качеством учебного процесса. В результате учебный процесс в данных вузах пострадал.

Последствия коронавируса сказались не только на обучающихся, но и на абитуриентах. Поступление в вуз в 2020—2021 гг. принесло ряд проблем, так как подача документов стала возможной только с использованием интернет-ресурсов. Многие вузовские сайты оказались не готовы к такой нагрузке, в результате подача документов стала настоящим испытанием для абитуриентов.

Пандемия в сфере образования носила двоякий характер, ведь помимо отрицательных последствий имел место и положительный эффект — способствование ускоренной реализации цифровых технологий в учебном процессе. Однако это не умаляет недостатков. Во-первых, это острая необходимость приобретения базовых цифровых компетенций преподавательскими кадрами. В перспективах развития сферы образования после пандемии намечаются планомерные и целенаправленные мероприятия по подготовке преподавательских кадров к использованию электронной среды как обязательного средства учебного процесса [7].

Еще одним недостатком реализации дистанционного режима в сфере образования во время коронавирусной инфекции является недостаточная техническая оснащенность и слабый Интернет. Данные трудности продемонстрированы на следующих факторах, затрудняющих проведение учебного процесса в условиях онлайн-режима: малая скорость Интернета, периодические перебои связи, отсутствие достаточной мощности серверов в вузах и школах, нестабильное соединение даже между районами одного региона [2]. Ярче всего перечисленные выше проблемы проявили себя в посёлках, деревнях, районных центрах. На преодоление та-

ких трудностей направлен федеральный проект «Цифровая образовательная среда», реализация которого оказалась очень востребована в пандемию COVID-19.

Образовательная сфера нуждается в обновлении и обеспечении учреждений новым современным оборудованием, отвечающим требованиям проведения учебного процесса — наличие высокоскоростного Интернета, способного функционировать при любых нагрузках. Следует учитывать, что онлайн-образование независимо от пандемии стало глобальным трендом. С учетом его развития возникает необходимость в последовательном анализе перспектив, а также достоинств и недостатков данного образования. Это будет способствовать наращиванию конкурентоспособности российского образования в цифровой среде.

Нашу жизнь уже нельзя представить без культурно-массовых мероприятий, ведь просвещение является неотъемлемой частью жизни общества. Ситуация, которую спровоцировала пандемия COVID-19, напомнила о значимости духовного развития. Произошла цифровизация культуры (способ, позволяющий большому количеству людей увидеть культурные программы, которые до этого было недоступны в связи с территориальным местонахождением, финансовым положением и т. д.). Однако искусство — это многогранный и комплексный процесс, являющийся индивидуальным. Основная сложность при использовании онлайн-форматов заключается в сохранении индивидуального пути человека в искусстве. В результате ограничений контактное взаимодействие было исключено. Однако эксперты считают, что «живое искусство» невозможно заменить и насладиться им в полной мере, несмотря на технический прогресс в данной отрасли. Люди вынуждены отказываться от разного рода культурных мероприятий: спортивных соревнований, выставок, концертов, фестивалей. Цифровизация постепенно внедряется в сферу культуры, соответственно, стадия трансформации в данной области необратима. COVID-19, влияя на духовную сторону жизни, заставляет общество искать новые возможности. Онлайн-форматы способствуют продвижению культурно-досуговых услуг, но полностью заменить «живое» посещение таких мероприятий невозможно [6].

Самоизоляция — вынужденная мера для ограничения темпов распространения инфекции в процессе борьбы с COVID-19. Это один из самых эффективных методов сдерживания вируса. С другой стороны, изоляция включает в себя

ряд противоречий, которые в значительной мере влияют на общество. Карантин прежде всего отражается на психическом здоровье людей: повышается уровень тревоги, появляются бессонница и раздражительность. Людям приходится менять привычный уклад жизни. И эти изменения происходят так скоротечно, что возникает внутреннее сопротивление, а факт того, что все меняется не по собственной воле, создает ощущение неопределенности и непредсказуемости. Невозможно проконтролировать ситуацию в современных условиях, и от этого возникает стресс. Экономический кризис, потеря работы — все эти факторы способствуют повышению нестабильности и, соответственно, тревоги.

«Один из самых тяжелых факторов нынешней самоизоляции заключается в том, что люди не знают, когда она закончится. Астенизация, гиподинамия, лишение привычных социальных контактов — это все приводит к тому, что на нервную систему оказывается выраженное негативное воздействие», — утверждает доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Российской Федерации, заместитель директора Института медико-биологических проблем РАН по науке Юрий Бубеев [8].

Наш мозг любит стабильность и старается избегать кардинальных изменений. Также следует помнить, что человек — это социальное существо, которое не может долгое время жить изолированно от других, не поддерживая социальных контактов и взаимоотношений. Социальная изоляция связана с когнитивными нарушениями, снижением иммунитета, повышенным риском сердечно-сосудистых заболеваний и в конечном счете смертностью. Исследования показывают, что социальная изоляция может вызвать депрессию. К стрессовым факторам изоляции относятся разлука с семьей и друзьями, потеря независимости, сомнения в распространении вируса, продолжительность изоляции, обида, однообразный образ жизни, потенциальная нехватка товаров первой необходимости, отсутствие точной информации, денежные потери и стигматизация. Как социальному существу, человеку крайне трудно находиться в одиночестве. После долгого пребывания наедине с собой у людей начинаются проблемы с переработкой информации, им тяжелее принимать решения в долгосрочной перспективе.

Сейчас настало время для глобальной солидарности, особенно в формирующемся и развивающемся мире. Только сообща мы сможем преодолеть взаимосвязанные последствия пандемии. COVID-19 уже изменил общество; един-

ственное, что нам остается, — это подстраиваться под современные реалии. Таким образом, коронавирусная инфекция оказывает свое влияние не только на сферу здравоохранения, но также и на экономическую, духовную и социальную сферы жизни людей. Кризисная ситуа-

ция, возникшая в мире из-за распространения пандемии, заставила людей поменять свой привычный уклад жизни. Общество вынуждено подстраиваться под современные реалии и адаптироваться в условиях быстро меняющегося мира.

Литература

1. Борисова С. А. Стереотип в структуре политической коммуникации / С. А. Борисова, Э. В. Егорова, Н. А. Крашенинникова, О. И. Осетрова // В мире научных открытий. — 2015. — № 7-2(67). — С. 642—653.
2. Водолад С. Н. Дистанционное обучение в вузе / С. Н. Водолад, М. П. Зайковская, Т. В. Ковалева, Г. В. Савельева // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2010. — № 1(13). — С. 129—138.
3. Гришин В. И. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия / В. И. Гришин, Д. В. Домашенко, Л. В. Константинова, А. П. Кошкин, Е. В. Устюжанина, Д. А. Штырно, Е. В. Шубенкова // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. — 2020. — № 3(111).
4. Егорова Э. В. Коронавирус и общество / Э. В. Егорова, Е. И. Крашенинникова, С. В. Ускова // Симбирский научный вестник. — 2021. — № 2(44). — С. 103—108.
5. Егорова Э. В. Субъективное семантическое пространство и категориальная структура индивидуального сознания в речевой репрезентации форм «СТРАХА» / Э. В. Егорова, Е. И. Крашенинникова, К. В. Погодина // Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — 2019. — С. 52—57.
6. Отдельнова Т. Опасность взаимодействия искусства и медиа / Т. Отдельнова // Народные новости. — URL: <https://nation-news.ru/485455-bogomolov-rasskazal-ob-opasnostyakh-vzaimodeistviya-iskusstva-i-media>.
7. Система образования оказалась не готова к переходу на дистанционное обучение в условиях пандемии // Аналитический центр НАФИ. — URL: <https://nafi.ru/analytics/sistema-obrazovaniya-okazalas-ne-gotova-k-perekhodu-na-distantsionnoe-obuchenie-v-usloviyakh-pandemi>.
8. Юрий Бубеев: новый коронавирус с нами навсегда // РИА новости. — URL: <https://ria.ru/20200513/1571329173.html>.
9. COVID-19 и социальная политика в отношении граждан старшего поколения // НИУ ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/corona/news/378917512.html>.

IMPACT OF CORONAVIRUS ON SOCIETY

E. V. Egorova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kna.73@mail.ru

I. A. Burmistrova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
burmistrovairina555@gmail.com

S. V. Uskova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
suskova00@mail.ru

Coronavirus infection, or COVID-19, has completely changed the course of life around the world since March 2020. However, there is still no clear understanding of the impact of the coronavirus on our society and culture. This study aims to examine the social and cultural impact of coronavirus infection in order to better understand the COVID-19 pandemic. The impact of the pandemic on the field of education was awash with duplicity: apart from negative effects, it was a case of positive consequences — acceleration of development of digital technology in process of training. COVID-19 also reminded of the significance of spiritual growth. The pandemic led to the digitalization of the cultural sector — development of online formats promoted recreational services. Nevertheless, it became obvious that it is impossible to replace such “live” events. The resulting crisis situation made people change their daily routine. Quick change of lifestyle gives rise to internal rebellion, sensifies the uncertainty and unpredict-

tability. The incapability to handle the situation in current environment causes stress. Economic recession and job loss increase unrest, and thus, anxiety. The society has to adapt to the current conditions in a rapidly changing world.

Key words: coronavirus, society, COVID-19, isolation, distance learning.

References

1. Borisova S. A., Egorova E. V., Krasheninnikova N. A., Osetrova O. I. (2015) Stereotip v strukture politicheskoy kommunikatsii [Stereotype in the structure of political communication]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 7-2 (67), p. 642—653.
2. Vodolad S. N., Zaykovskaya M. P., Kovaleva T. V., Saveljeva G. V. (2010) Distantcionnoe obuchenie v vuze [Distance learning at the university] *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, N 1(13), p. 129—138.
3. Grishin V. I., Domashchenko D. V., Konstantinova L. V., Koshkin A. P., Ustyuzhanina E. V., Shtykhno D. A., Shubenkova E. V. (2020) Zhizn posle pandemii: ekonomicheskie i sotsialnye posledstviya [Life after the pandemic: economical and social consequences]. *Vestnik REA named after G. V. Plekhanov*, 3(111).
4. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Uskova S. V. (2021) Koronavirus i obschestvo [Coronavirus and society]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*, 2(44), p. 103—108.
5. Egorova E. V., Krasheninnikova E. I., Pogodina K. V. (2019) Subjektivnoe semanticheskoe prostranstvo i kategorialnaya struktura individualnogo soznaniya v rechevoy reprezentatsii form "STRAKHA" [Subjective and semantic space and category structure of individual consciousness in the speech representation of the forms "FEAR"]. *Lingua Academica: Current problems of linguistics and linguadidactics. Proceedings of IV All-Russian scientific and practical conference*, p. 52—57.
6. Otdelnova T. Opasnost vzaimodeystviya iskusstva i media [Risk of interaction of art and media]. *Narodnye novosti*. URL: <https://nation-news.ru/485455-bogomolov-rasskazal-ob-opasnostyakh-vzaimodeystviya-iskusstva-i-media>.
7. Sistema obrazovaniya okazalas ne gotova k perekhodu na distantsionnoe obuchenie v usloviyakh pandemii [Educational system proved ill-preparedness for transition to distance learning during the pandemic]. *NAFI analytical centre*. URL: <https://nafi.ru/analytics/sistema-obrazovaniya-okazalas-ne-gotova-k-perekhodu-na-distantsionnoe-obuchenie-v-usloviyakh-pandemi>.
8. Yuriy Bubeev: Novyj koronavirus s nami navsegda [New coronavirus will stay with us forever]. *RIA novosti*. URL: <https://ria.ru/20200513/1571329173.html>.
9. COVID-19 i sotsialnaya politika v otnoshenii grazhdan starshego pokoleniya [COVID-19 and social politics in regard to older people]. *NIU VShE*. URL: <https://www.hse.ru/corona/news/378917512.html>.

ФИЛОЛОГИЯ



Е. В. Платонова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vikinginya@yahoo.co.uk



В. М. Гусаров

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vikinginya@yahoo.co.uk



Е. Д. Червов

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
vikinginya@yahoo.co.uk

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В начале XXI века графический дизайн стал распространяться повсеместно. Он является основным компонентом сложных печатных и электронных информационных систем, пронизывающих все современное общество и предоставляющих информацию, идентификацию продукта и развлечения.

В статье рассматривается история графического дизайна с начала XX века с погружением в культурные истоки. Проводится исследование заимствованных англоязычных терминов графического дизайна, приводятся примеры их употребления в русском языке. Проанализирована актуальность заимствованных англоязычных терминов и частота их запросов в поисковых системах.

Ключевые слова: графический дизайн, терминология, заимствование, лингвистический анализ, этапы развития, графика, дизайн.

Дизайн берёт свои истоки в древности, от первых наскальных рисунков до сложных графических иллюстраций. Тот дизайн, который мы видим сейчас, появился совсем недавно.

Направленность дизайна просматривается с самого начала истории человечества. Удобство применения — вот, что было главным для первобытного человека. Первые орудия стремились к прямой форме настолько, насколько позволяли возможности по обработке костей, камня и дерева в то время. Эта тенденция сохраняется как в производстве орудий труда, так в дальнейшем и во всем искусстве. Прямые линии позволяли избежать трудностей при изображении чего-либо. В Древнем Египте излишняя «прямота» вызвана не веяниями моды или каким-то желанием к выпрямлению, а просто удобством, так как тогда у человечества не существовало достаточных навыков для изображения округлостей, больше внимания уделялось практичности.

Стремление человека к практичности сохранялось на протяжении тысячелетий. Именно поэтому в условиях глобализации английский язык начал использоваться в терминологии дизайна во многих других языках, в том числе и русском.

Активное развитие дизайна состоялось в начале XX века. В Америке и Европе создаются первые дизайнерские подразделения (У. Д. Тиг, Н. Бел Геддес, Р. Лоуи и др.), появляется художественно-промышленная школа нового типа, плотно связывающая дизайн с промышленностью. Данная связь просматривается и в дизайне советского плакатного искусства, характерного для этого периода.

Следующий этап развития дизайна произошёл в 1950—70-х годах. Завершилось укоренение дизайна как части производственного процесса. Новое явление производственной культуры дизайна описывает Эшфорд [4]: «Получение прибыли производства — единственная цель дизайна». В свою очередь В. Л. Глазычев [1] предполагает, что единого дизайна не существует, что взаимоисключающие устремления относятся к разным направлениям дизайна, формируя таким образом целый список всевозможных направлений: графический дизайн, архитектурный дизайн, дизайн одежды и множество других вариаций дизайна.

С развитием компьютерных технологий графический дизайн стал лидирующим среди остальных направлений. Но его становление было постепенным; даже в 1970-х годах, когда

появились первые персональные компьютеры, только небольшая часть дизайнеров могла пользоваться ими.

Первое упоминание о графическом дизайне в Советском Союзе связано с 1988 годом и выставкой прикладной графики «Графический дизайн. Упаковка. Этикет. Интерьер».

Изобретение современных вычислительных машин повлекло за собой появление совершенно новых направлений в дизайне: графический дизайн, веб-дизайн, 3D-моделирование, книжный дизайн, дизайн одежды и множество других. С 1990 года стало широко использоваться программное обеспечение типа Photoshop, Print. Одновременно возникло большое количество стилей, способов реализации дизайна, а также новых терминов, слов и выражений, относящихся к графическому дизайну, которые вскоре охватили все развивающиеся страны.

Глобализация и развитие Интернета позволили графическому дизайну расширить свои масштабы. Интеграция графики, анимации, видеопотоков и музыки в дизайн привела к слиянию печатных и вещательных средств массовой информации. По мере расширения медиа от кинофильмов и базового телевидения до множества кабельных телевизионных каналов, видеоигр и анимированных веб-сайтов графика движения становится все более важной областью графического дизайна.

Развитие технологий поменяло способ создания и распространения графического дизайна среди масс. Однако фундаментальная роль графического дизайнера — придание выразительной формы и ясности содержания коммуникативным сообщениям — остается неизменной.

Большое количество развивающихся компаний в Америке, которые реализовывали различные программы для иллюстрации компьютерной графики, повлекло создание новой терминологии, впоследствии заимствованной русскоязычной аудиторией.

На наш взгляд, компьютерно-опосредованная коммуникация, полностью обязанная своим существованием американскому варианту английского языка, наилучшим образом позволяет проследить как закономерности, так и периферийные явления в ходе адаптации и функционирования англо-американизмов в национальных языках в контексте языковых преобразований [2].

Перечислим общепринятые термины, заимствованные из английского языка, с анализом и частотой использования.

Графический дизайн (Graphic design) — это одно из направлений дизайна, которое имеет достаточно широкое направление и объединяет в себе множество стилей и способов графической передачи информации.

В англоязычном словаре: the art of designing pictures and text for books, magazines, advertising, etc. [8] (искусство оформления изображений и текста для книг, журналов, рекламы и т. д. — *Перевод авторов*). Данное определение имеет тот же смысл, что и русскоязычное пояснение, но с немного иной направленностью.

Graphic design (рус. яз. — графика дизайна / дизайн графики) — данное слово образовано при помощи прямого заимствования, способом транскрибирования.

Произведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов термина «графический дизайн» колеблется в пределах 97 200 в месяц, частота запросов фразы “graphic design” — 3125 в месяц. При этом частота запросов слов «дизайн» и “design” значительно выше: 6 241 097 и 533 389 запросов соответственно. Данный факт объясняется тем, что подобные запросы подкрепляются фото- и видеоматериалами, которые люди пытаются найти.

Паттерн (Pattern) — это система повторяющихся изображений, которые объединены в одно общее изображение.

В англоязычном словаре: a particular way in which something is done, is organized or happens [8] (особый способ, с помощью которого что-то делается, организуется или происходит. — *Перевод авторов*). Англоязычное определение не имеет общих черт с русскоязычным определением, поскольку внимание заостряется на употреблении данного слова в другой сфере деятельности.

Pattern (рус. яз. — узор / выкройка / шаблон / схема / паттерн) — данное слово образовано при помощи прямого заимствования, способом транскрибирования.

Произведём анализ частоты запросов данного определения в русском и английском языках в России. Частота запросов слова «паттерн» колеблется в пределах 166 382 в месяц, частота запросов слова “pattern” — 88 258 в месяц. Расхождение запросов не слишком велико, поскольку англоязычную версию слова «паттерн» используют в качестве способа нахождения фотоматериалов, которые не менее часто можно найти по запросу на английском языке.

Текстура (Texture) — это сложное изображение, которое может объединять в себе

множество слоёв графики, используемое для передачи текстуры изображения, объекта. Текстура может быть разной: деревянной, металлической, стеклянной и т. д.

В англоязычном словаре: the quality of something that can be decided by touch; the degree to which something is rough or smooth, or soft or hard [9] (качество чего-либо, которое можно определить на ощупь; степень, в которой что-либо является шероховатым или гладким, мягким или твердым. — *Перевод авторов*). Англоязычное определение имеет общие черты с русскоязычным, отличие лишь в том, что англоязычное описывает реальные объекты, тем не менее смысл сохраняется.

Texture (рус. яз. — текстура / фактура) — слово образовано при помощи прямого заимствования, способом транскрибирования.

Проведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов слова «текстура» колеблется в пределах 1 139 000 в месяц, частота запросов слова «фактура» — 487 223 в месяц, частота запросов “texture” — 149 765 в месяц. Разброс запросов значительный. Это объясняется наиболее частым употреблением русскоязычного термина, поскольку данное слово имеет множество значений; а также тем, что подсчёту подвергается русскоязычная поисковая система.

Мокап, макет (Mockup) — это высококачественное изображение, часто трёхмерное, необходимое для того, чтобы показать, каким образом будет выглядеть объект в реальном мире. Нередко учитываются и размеры объекта.

В англоязычном словаре: a model of something, which shows how it will look or operate when it is built, or which is used when the real thing is not yet available [10] (модель чего-либо, которая показывает, как это будет выглядеть или работать, когда это будет построено, или которая используется, когда реальная вещь еще не доступна. — *Перевод авторов*). Англоязычное определение имеет тот же смысл, что и русскоязычное пояснение.

Mockup (рус. яз. — макет / мокап) — данное слово образовано при помощи прямого заимствования, способом транскрибирования.

Проведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов слова «мокап» колеблется в пределах 144 503 в месяц, частота запросов слова «макет» — 681 544 в месяц, частота запросов “mockup” — 37 369 в месяц. Разброс значительный. Это объясняется наиболее частым употреблением русскоязычного термина, а

также тем, что подсчёт проводится русскоязычной поисковой системой.

Оверпринт (Overprint) — это способ наложения одного цветного объекта на другой без образования выворотки. Используется в процессе подготовки полиграфической продукции.

В англоязычном словаре: to print something on a paper or document that has printing on it already [8] (печатать что-либо на бумаге или документе, на котором уже есть печать. — *Перевод авторов*). Англоязычное слово имеет схожее значение с русскоязычным.

Overprint (рус. яз. — надпечатка / наложение / оттиск) — данное слово образовано при помощи метафорического метода калькирования словообразования.

Произведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов слова «оверпринт» колеблется в пределах 1056 запросов в месяц, частота запросов слова «надпечатка» — 1325, а «overprint» — 552 запроса в месяц. Данные показания обоснованы низкой заинтересованностью в этом слове.

Логотип (Logo, logotype) — это отличительный знак различных фирм, предприятий, частных предпринимателей, компаний. Является интеллектуальной собственностью дизайнера, обладателя. В англоязычном словаре: A design or symbol displayed on a company's products, vehicles, signs, etc. That expresses the company's character and purpose and makes it easy for customers to recognize and remember the company [8] (дизайн или символ, изображенный на продукции компании, транспортных средствах, вывесках и т. д., который выражает характер и цель компании и позволяет клиентам легко узнать и запомнить компанию. — *Перевод авторов*). Англоязычное слово полностью сходно со своим аналогом в русском языке.

Logo (рус. яз. — логотип / эмблема) — данное слово образовано при помощи прямого заимствования, способом транскрибирования.

Произведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов слова «логотип» колеблется в пределах 1 700 000 в месяц, частота запросов слова «logo» — 350 000, а «logotype» — 3000 в месяц. «Logo» запрашивают чаще благодаря тому, что эта форма слова более короткая, часто употребляемая.

Гайдлайн (Guideline) — важная часть брендинга, способ описания бренда, наиболее точное описание всех тонкостей изображения логотипа.

В англоязычном словаре: a piece of information that suggests how something should be done [9] (часть информации, которая предлагает, как что-то должно быть сделано. — *Перевод авторов*). Англоязычное определение не имеет общих черт с русскоязычным определением, поскольку внимание заостряется на употреблении данного слова в другой сфере деятельности.

Guideline (рус. яз. — директива / направляющая линия / руководство / инструкция) — данное слово образовано при помощи метафорического метода калькирования словообразования.

Произведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов слова «гайдлайн» колеблется в пределах 6000 в месяц, а слова «guideline» — 19 087 в месяц. Подобная статистика связана с тем, что термин «гайдлайн» имеет низкую заинтересованность, плохо закрепился в русскоязычном обиходе.

Скрипт (Script) — это нарисованный уникальный стиль текста, определяющий его главные параметры: размеры, форму.

В англоязычном словаре: a type language for programming computers that is used for finding and showing websites on the internet [10] (язык программирования для компьютеров, который используется для поиска и показа веб-сайтов в Интернете. — *Перевод авторов*). У данного слова нет английского аналога, хотя общие по произношению слова есть в обоих языках, но они имеют другие значения.

Script (рус. яз. — скрипт) — данное слово образовано при помощи прямого заимствования, способом транскрибирования.

Произведём анализ частоты запросов данного определения на русском и английском языках в России. Частота запросов слова «скрипт» колеблется в пределах 777 000 в месяц, а слова «script» — 1200 в месяц. Важно учитывать тот факт, что часть запросов направлена на омонимы русскоязычных слов.

Все вышеописанные слова подразделяются на менее и более часто используемые. На основе проверки частоты запросов в поисковой строке популярной в СНГ поисковой системы Яндекс была выведена статистика использования терминов графического дизайна.

Исходя из данной статистики, нами было выявлено, что многообразие терминов графического дизайна имело наибольшую актуальность в 2007—2011 годах, после чего популярность запросов значительно упала по сравнению с предыдущими годами. Тем не менее количество

запросов по всему миру велико. Это объясняется тем, что вырос интерес к графическому дизайну и, соответственно, использование данных терминов населением.

Таким образом, графический дизайн начинает своё существование во второй половине XX века, при этом начало XXI века является ключевым моментом развития, поскольку был задан вектор развития интернет-технологий в совершенно разных направлениях. Множество развитых стран, в том числе и Россия, подхватили данный вектор. Именно поэтому для нашего исследования был взят данный промежуток времени. Как оказалось, заимствованная терминология графического дизайна является весьма популярным запросом в Интернете, хотя некоторые слова ещё не вошли в обиход, например, такие термины, как «оверпринт», «гайдлайн».

Другая часть терминов активно применяется пользователями сети Интернет. На основе статистики Yandex по количеству пользователей на частоту запросов в период 2007—2022 гг. мы также выяснили, что наибольшее количество запросов по заимствованной терминологии проявлялось в период 2007—2011 гг. Это говорит о глобализации Интернета и заинтересованности новых пользователей Сети в новых направлениях. Более устоявшиеся термины, как, например, «графический дизайн», показали высокие результаты запросов в месяц. По итогам анализа слов было выявлено, что наиболее часто русские слова образуются прямым заимствованием, способом транскрибирования. Такой тренд объясняется тем, что частое употребление англоязычного термина закрепилось в речи русскоязычного сообщества.

Литература

1. Глазычев В. Л. О дизайне / В. Л. Глазычев. — Москва : Искусство, 1970. — 191 с.
2. Осетрова О. И. Языковые преобразования: функционирование и процессы адаптации англо-американизмов (на материале лексики компьютерно-опосредованной коммуникации) / О. И. Осетрова. — Ульяновск : УлГУ, 2015. — 132 с.
3. Платонова Е. В. Структура концепта “confession” / Е. В. Платонова // *Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции.* — Ульяновск, 2019. — С. 78—82.
4. Рунге В. Ф. Основы теории и методологии дизайна / В. Ф. Рунге, В. В. Сеньковский. — Москва : МЗ-Пресс, 2005. — 368 с.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 01.02.2022).
6. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова. — URL: http://www.ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html (дата обращения: 01.02.2022).
7. Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка / Н. М. Шанский. — URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Cambridge dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hashtag> (дата обращения: 11.02.2021).
9. Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. — URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 11.02.2021).
10. The American Heritage Dictionary of the English Language. — URL: <https://ahdictionary.com> (дата обращения: 01.02.2022).

GRAPHIC DESIGN TERMINOLOGY BORROWED FROM ENGLISH**E. V. Platonova**

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
vikinginya@yahoo.co.uk

V. M. Gusarov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
vikinginya@yahoo.co.uk

E. D. Chervov

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
vikinginya@yahoo.co.uk

In the early XXth century, graphic design has become ubiquitous. It is the main component of the complex printed and electronic information systems that pervade our modern society and provide information, product identification and entertainment.

The article examines the history of graphic design from the beginning of the XXth century with an immersion in cultural origins. The study of borrowed English-language terms of graphic design is carried out and the examples of their use in Russian are given. The article analyzes the relevance of borrowed English terms and the frequency of their requests in the search engines.

Key words: graphic design, terminology, borrowing, linguistic analysis, stages of development, graphics, design.

References

1. Glazychev V. L. (1970) O dizaine [About design]. Moscow: Iskusstvo, 191 p.
2. Osetrova O. I. (2015) Yazykovye preobrazovaniya: funktsionirovanie i protsessy adaptatsii anglo-amerikanizmov (na material leksiki kompjuterno-oposredovannoy kommunikatsii) [Linguistic Change: Anglo-American Words Adapting and Functioning (based on computer-mediated communication lexis)]. Ulyanovsk: UGU, 132 p.
3. Platonova E. V. (2019) Struktura kontsepta "confession" [Structure of the concept "confession"]. *Lingua Academica: Aktualnye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki*. Proceedings of IV All-Russian scientific and practical conference. Ulyanovsk, p. 78—82.
4. Runge V. F., Senkovskiy V. V. (2005) Osnovy teorii i metodologii disaina [Fundamentals of the theory and methodology of design]. Moscow: MZ-Press, 368 p.
5. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov_ (accessed: 01.02.2022).
6. Ushakova T. N. Yazykovoie soznanie i printsipy ego issledovaniya [Language mentality and principles of its analysis]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html (accessed: 01.02.2022).
7. Shanskiy N. M. Etimologicheskiy onlain-slovar russkogo yazyka [Etymological online dictionary of Russian language]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (accessed: 01.02.2022).
8. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hashtag> (accessed: 11.02.2021).
9. Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed: 11.02.2021).
10. The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://ahdictionary.com> (accessed: 01.02.2022).

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ



Д. С. Точеный

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru



Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
natalytg1956@gmail.com

АНТИСЕМИТСКИЕ СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Рецензия

на книгу **И. Е. Дронова**
«СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ.

ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III»

(Москва: Духовное преображение, 2018. 736 с.)

(Окончание. Начало см.:

Симбирский научный вестник. 2021. № 1(43))

— Врешь, чертов Иуда! — закричал, вышел из себя, Тарас. — Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый Богом человек! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то — тут тебе и смерть! — И сказавши это, Тарас выхватил свою саблю.

Испуганный жид припустился тут же во все лопатки, как только могли вынести его тонкие, сухие икры. Долго еще бежал он без оглядки между казацким табором и потом далеко по всему чистому полю...

Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»

Рассказывая о процессе работы над своей монографией об Александре III, талантливые историки О. Барковец и А. Крылов-Толстикевич констатировали, что их оценка деятельности этого императора постепенно эволюционировала от предубежденно-неприятной до положительно-доброжелательной:

«Наверное, ни один биограф в силу специфики творчества не может быть до конца объективен по отношению к творцам драматических событий. Те чувства и мысли, которые определяют выбор героя исследования, во многом обуславливают тональность изложения, симпатии и антипатии историка. Мы тоже должны признаться, выбрав в качестве героя императора Александра III, прошли достаточно сложную психологическую метаморфозу, попав к моменту окончания своего труда под обаяние августейшего персонажа» [2, с. 9].

Да, благородный облик предпоследнего русского царя, его подвижничество на троне, безграничная любовь к Родине и многие другие привлекательные черты вызывают глубокое уважение. И тем не менее даже эти уникальные (для политика!) качества характера и поведения Александра III не являются основанием для превращения его в идола и небожителя. Уже сколько раз твердили миру, что и на солнце есть пятна, что массовое установление памятников вождям почти всегда завершалось их разрушением. Ясно, что не к лицу ученому-историку петь гимны сильным мира сего, что незачем ему уподобляться экзальтированной барышне, упорно не желающей замечать какие-то недостатки у своего кавалера.

Дронов И. Е. искренне любит Александра III, не упуская ни малейшей возможности мифологизировать и героизировать все его поступки и решения. «В чем же, — патетически вопрошает он, — коренилась та чудная сила императора, которая позволила ему, приняв Россию, глубоко потрясенную страшным грехом цареубийства, разоренную войной и казнокрадством, вывести ее из смуты и запустения к спокойствию и благоденствию? Какое могущественное заклинание, какое волшебное слово было ему ведомо, что сумело на огромных российских просторах утишить все бури, унять все войны, усмирить все междоусобия? «Россия для русских и по-русски» — вот те волшебные, чудодейственные слова, которые произнес Александр III, взойдя на прародительский престол. Ему, едва ли не первому среди российских императоров, достало решимости не только произнести эти слова, но и сделать их руководящим принципом своей политики. И Россия как-то вдруг сама собой расцвела, и расточились враги ее...» (с. 422—423).

Автор рецензируемой книги горячо и порой даже страстно убеждает читателей в том, что Александр III до последнего дня своей жизни боролся самым энергичным образом с полчища-

ми недругов всех мастей, ударной силой которых (кто бы мог предположить?) являлись немцы, не австрийцы, не англичане, не турки, не анархисты, не террористы, а евреи (!). Как же это случилось, что у Александра II, который освободил крестьян от рабства, провел земскую, судебную, военную, цензурную, церковную, университетскую и другие реформы [16, с. 16], вырос такой наследник-ретроград и махровый антисемит? И как же ответил на столь важный и интересный вопрос И. Е. Дронов, историческое мировоззрение которого базируется на испепеляющей, безграничной и неугасимой ненависти к либералам и жидам?

Каждому взрослому человеку известна и понятна пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься». В соответствии с логикой, заключенной в ней, создатель монографии «Сильный, державный...» четко сформулировал свои принципы и методы исследования биографии Александра III: «Мы постарались упомянуть всех, кто так или иначе участвовал в длительном и нелегком становлении его, всех, кто помогал, как мог и как умел, рождению того чуда, которое нарекло Русским Царем. Всех тех, кто в качестве воспитателя или наставника давал ему самые первые понятия о Боге, об Отечестве, о долге и служении; всех, кто в качестве близких и друзей своим ежедневным влиянием укреплял в нем нравственную чистоту, самоотверженность, веру в себя и Россию; тех, кто в качестве русского публициста своими страстными статьями из года в год развивал его патриотическое сознание, равно и тех, кто в качестве русского писателя создавал в своих книгах пленительные образы русских героев из прошлых эпох — Смутного времени, Анны Иоанновны или 1812 года — героев, чьим примером он вдохновлялся, с упоением читал эти книги» (с. 150).

Первые искры ненависти к врагам России вспыхнули у будущего императора Александра III в семилетнем возрасте при чтении романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Светлому началу, символу добра в лице Юрия, поясняет И. Е. Дронов, противостоит целая толпа мерзавцев: польский жид (Тушинский вор Лжедмитрий II), бесчестный узурпатор русского престола Сигизмунд, низкий предатель боярин Кручина-Шалонский, которого простые люди упрекали в подражании иноземцам и явном презрении к обычаям предков. «Поляки, жида, космополиты, предавшиеся иностранным влияниям, — подчеркивает в своих комментариях И. Е. Дронов, — навсегда остались для Александра олицетворением начал,

несущих разрушение и гибель России» (с. 29). Столь же сильное впечатление на юного читателя произвел и роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом», в котором повествуется о том, как отважный «истинный русский патриот» Артемий Волинский бесстрашно боролся с шайкой иностранных воров и авантюристов, окопавшихся при дворе Анны Иоанновны. Искреннее негодование у Александра вызвало поведение руководителя этой своры герцога Бирона. Но еще больше его потрясли гнусные поступки шпиона Липмана, шнырявшего в свите императрицы. И кем он был по национальности? Разумеется, жидом (с. 32).

Семена антисемитизма, посеянные в детскую душу Александра яркими романами Загоскина и Лажечникова, дали неплохие всходы и превратились в юношеском мозгу великого князя в крепкие растения. А как же иначе: за ними ухаживали выдающиеся столпы российской науки, известные профессора Московского университета К. П. Победоносцев (правовед) и С. М. Соловьев (историк). Именно их лекции, считает И. Е. Дронов, сыграли «важную роль в судьбе Александра III» (с. 150). Обоих отличало крайне неприязненное, даже враждебное отношение к сынам Израиля.

Победоносцева К. П. возмущали либеральные реформы Александра II и в особенности его последовательный курс на ослабление режима еврейских ограничений. Так, 12 августа 1879 года, когда его негодование по этому поводу достигло предела, он отметил: «Жида... все заполонили, все подточили, однако за них дух века сего. Они в корне революционно-социального движения и царевубийства, они владеют периодической печатью, у них в руках денежный рынок, к ним попадает в денежное рабство масса народная, они управляют и началами нынешней науки, стремящейся стать вне христианства. И за всем тем — чуть поднимается вопрос о них, подымается хор голосов за евреев во имя якобы цивилизации и терпимости, т. е. равнодушия к вере... никто не смеет слова сказать о том, что евреи все заполонили. Вот уже и наша печать становится еврейскою. «Русская правда», «Москва», пожалуй, «Голос» — все еврейские органы, да еще завелись и специальные журналы: «Еврей», и «Вестник евреев», и «Библиотека еврейская» (с. 490).

В одну дуду с К. П. Победоносцевым гудел и прославленный служитель богини Клио, ректор Московского университета С. М. Соловьев. В своих лекциях по истории России, прочитанных цесаревичу Александру Александровичу, он

тоже постарался раскрыть прелесть и суровую необходимость антисемитской внутренней политики: «Еврейский элемент — самый опасный, самый зловредный для жизни и благоустройства любой страны, ибо, как древоточивый червь, элемент этот подтачивает основы государства, образуя в нем *status in statu*. Принимая в свой состав иудейское племя с надеждою ассимилировать его, государство жестоко ошибается, так как берет на себя непосильный, сизифов труд и, подобно человеку, проглотившему камень, обольщается заблуждением, будто его организм в состоянии переварить этот камень. Евреи достались нам от загубленной ими Польши. Немало предстоит России труда, усилий и неприятностей в борьбе с еврейством, действующим тлетворно и пагубно на всякий народ...» (с. 488).

Дронов И. Е. обнаружил, что глубокая антипатия к евреям, которой были пропитаны труды еще одного известного историка — Д. И. Иловайского, сладким музыкальным звоном отдалась в душе цесаревича Александра Александровича. Этот редкий знаток сложной политической борьбы в нашем государстве в XVII—XIX вв., полагает автор книги, раскрыл с невиданной прозорливостью мерзопакостную роль жидов, стремившихся известить россиян: «Пока Восточная Русь (точнее, великорусское племя) трудилась над освобождением и собиранием земли, укрепляла политическую самобытность и выдвигала прочное государственное здание, еврейство заполонило Польшу и соединённую с ней Западную Русь... Но вот Западная Русь соединилась с Восточной, и объединительная работа почти завершилась. Теперь, когда русский народ, а великорусский в особенности, мог бы пользоваться плодами своих трудов и подвигов, теперь из этой Западной России, которую он освободил и воссоединил, на него двигается хищная еврейская орда и начинает в его же доме ту же работу термитов, которую она успешно выполнила в Польской и Литовской Руси. Эти термиты назойливо заявляют, что они такие же подданные, как и мы, а следовательно, имеют такие же права на Россию, как и сами русские. Они приходят жать там, где не сеяли, и собирать плоды на почве, которую они не возделывали, выживать хозяев из их собственного дома или обращать в своих батраков...» (с. 505—506).

Появление на бескрайних русских равнинах бесчисленных еврейских ватаг, еще более страшных, чем татаро-монгольские тумены, встревожило не только популярных российских историков. «Жидовская идея, охватившая весь

мир, — резюмирует И. Е. Дронов, — напугала многих мыслящих русских людей» (с. 496). Ю. Ф. Самарин, «активный деятель отмены крепостного права, оригинальный философ, блестящий публицист, настоящий интеллигент, человек замечательного ума» [12, с. 5], вдруг пришел в состояние сильного волнения, отправился к К. П. Победоносцеву и после нескольких бесед с ним написал баронессе Э. Ф. Раден: «Жидовство — наиболее полное воплощение когда-либо существовавших сил, коренным образом враждебных моральному и социальному христианскому порядку... Жидовство проявляет себя в самых разнообразных формах: в политике — это преклонение перед успехом и культ золотого тельца; в философии — это материализм; в социальной сфере — это переделка всех исторически сложившихся институтов и признание только одного регулятора — увеличение производительности как высшей цели самой по себе; в сфере семьи — свободная воля личности как единственная база всех отношений; в области образования — это преимущественное развитие животных инстинктов и подчинение их главенству» (с. 491). Остается сожалеть, что сочинения Ю. Ф. Самарина (неприлично националистического толка, наполненные ненавистью к «жидам») пришлось по нраву цесаревичу Александру Александровичу.

Кажется, что И. Е. Дронову доставляет удовольствие унижать еврейскую нацию и ее отдельных представителей. С изрядной долей наслаждения он цитирует известных политиков, увенчанных славой деятелей культуры, характеризовавших отрицательным образом всех, для кого иврит или идиш являлся родным языком. Так, мы впервые узнали из рецензируемой книги, что Ф. М. Достоевский, краса и гордость России, «великий моралист, духовный пастырь мятущихся натур» [4, с. 280], являлся злобным антисемитом. Да где же он набрался этой шовинистической желчи? Как и в случае с Ю. Ф. Самариним, во время длительных душевных разговоров с К. П. Победоносцевым во второй половине 1870-х годов. В результате у автора «Братьев Карамазовых» сложился безапелляционный вывод: «Народ спойли и отдали жидам в работу». Затем последовало простое и наивное объяснение произошедшего кошмарного события. Царь Александр II освободил великий русский народ: «И кто же первый бросился на него, как на жертву, кто преимущественно воспользовался его пороками, кто оплел его вековечным золотым своим промыслом, кто тотчас заменил, где только мог и поспел, упраздненных поме-

щиков с тою разницей, что помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтоб не истощить рабочей силы, а еврею для истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел» (с. 46).

Чтение отдельных страниц личных дневников, в которых Ф. М. Достоевский бранил жидов, дает основание предположить, что иногда писатель был на грани потери рассудка. «У нас, — строчил он, все более распаяясь, — в литературе уже множество изданий, газет и журналов издается на жидовские деньги жидами (которых прибывает в литературе все больше и больше), и только редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русскими именами — вот и все в них русского. Я думаю, что это только еще начало, но что жида захватят гораздо еще больший круг действий в литературе; а уж до жизни, до явлений текущей действительности я не касаюсь: жид распространяется с ужасающей быстротой. А ведь жид и его кагал — это все равно что заговор против русских!» (с. 315).

Будущее человечества представлялось Ф. М. Достоевскому в самых мрачных тонах: «Евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе... И что будет дальше — конечно, известно... близится их царство, полное их царство!.. Верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть... Мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо «неудавшегося» христианства» (с. 489). Безусловно, рассуждал Ф. М. Достоевский, дать отпор евреям в мировом масштабе, «властителям международной политики», очень сложно, но разве нельзя этого сделать в пределах Российской империи: «Ограничить права жидов во многих случаях можно и должно. Почему, почему поддерживать это Status in statu?! Восемьдесят миллионов существуют лишь на поддержание трех миллионов жидашек. Наплевать на них» (с. 489).

Ах, если бы можно было только констатировать моральную слепоту Победоносцева, Соловьева, Иловайского, Самарина, Достоевского в национальном вопросе и выразить сожаление по тому поводу, что эти известные в России люди распространяли грязные антисемитские идеи! Хотя и это нанесло немалый урон воспитанию широкой публики. Хуже другое. Такого рода шовинистические высказывания, весьма патриотические и прогрессивные, по мнению И. Е. Дронова, оказали сильное воздействие на

императора Александра III и «во многом преопределили и его восприятие еврейских погромов, и общую направленность правительственной политики в отношении еврейства в его царствование» (с. 486).

Не было ничего удивительного в том, что вскоре после восшествия на престол ярко выраженного юдофоба Александра III в южных и западных окраинах России произошли беспрецедентные события. Там вспыхнули массовые еврейские погромы. (Такого рода локальные беспорядки наблюдались в 1821, 1859, 1871 годах только в Одессе.) Самое жестокое избиение представителей этой национальности мракобесы учинили в Киеве 26 апреля 1881 года. «Улицы города, — описал его историк А. Монахов, — огласились криками обезумевших от ужаса людей, ревом и гиканьем озверевших толп. Десятки евреев были убиты и ранены, а около тысячи еврейских квартир разгромлены. В предместье Киева, Демеевку, шайка громил ворвалась ночью, разрушила прежде всего кабаки, напилась водки допьяна, а потом подожгла еврейские дома. Под покровом ночи здесь творились ужасы: многих евреев избивали до смерти или бросали в огонь. То же самое творилось и во многих других губерниях...

По решению судов виновники погромов понесли минимальное наказание. Но главное заключалось в том, что ни правительство, ни сам император Александр III не сделали официального заявления, в котором осудили бы погромы. Пострадавшие не получили от государства не только материальной поддержки, но даже и моральной. Граф Н. П. Игнатьев, министр внутренних дел, в ответ на жалобы евреев обратил их внимание на то, что западная граница империи перед ними открыта» [13, с. 600].

С жесткой критикой, которую дал А. Монахов шовинизму Александра III, солидаризировался В. Балязин: «Если говорить о его негативных качествах, то это прежде всего воинствующий национализм, что в условиях многонациональной Российской империи совершенно недопустимо. Насильственная русификация, запрет обучения многих «инородцев» на их родных языках, откровенный антисемитизм — тоже были неотъемлемыми чертами Александра III... Во многих городах Российской империи прошли кровавые еврейские погромы, когда на глазах у бездействовавшей полиции пьяные бандиты убивали детей, женщин и стариков, порою истребляя целые семьи» [1, с. 350—351].

Факт недостойного поведения Александра III и его чиновников в часы и дни дикого из-

девательства над людьми, исповедующими иудейскую религию, фиксировали не только отечественные, но и иностранные исследователи. Назовем хотя бы французских историков. Э. Оман писал в начале XX века: «Первые годы царствования Александра III в большинстве городов южной и юго-западной России были отмечены еврейскими погромами и разграблением имущества» [15, с. 411]. М. Ферро отметил в конце 80-х годов XX века: «На Украине, как и в России, погромы начались еще до убийства Александра II. Однако с 1881 года власти и полиция стали поощрять их. Для Александра III и его министров евреи превращаются в козла отпущения, и антисемитизм впервые становится политикой правительства» [19, с. 118].

Погромы в России в 1881—1884 гг. — это трагическая кровавая реальность, позорная страница в истории нашего государства. Они явились следствием проведения правительством Александра III грубого, жестокого антисемитского политического курса, который ничем нельзя оправдать. Но именно это и пытаются сделать в той или иной форме некоторые поклонники императора, склонные к фетишизации его облика.

Да, соглашается Е. И. Майорова, Александр III «полагал, что поскольку Россия является русской монархией, в ней должна господствовать националистическая и монархическая славянофильская идеология... Однако, как бы ни относился император к евреям, он решительно пресек чудовищную волну еврейских погромов, происшедших осенью 1881 года и имевшую особенно трагические последствия в юго-западных губерниях России. Представляется, что сам Александр III не испытывал какого-либо личного предубеждения против евреев. К тому же не одни евреи попадали под пресс новой национальной политики» [11, с. 218—219]. (Е. И. Майорова явно приукрашивает своего любимца: во-первых, погромы лихорадили Россию не один год, а четыре, а во-вторых, известно, что к евреям он относился с презрением и именовал их чаще всего «жидами».)

Барковец О. и А. Крылов-Толстикевич, создававшие политический портрет Александра III, в состоянии нарастающей к нему сентиментальной симпатии не заметили у своего героя явного недостатка — неприязни к еврейской нации, проявившейся во время погромов. Названные историки, с одной стороны, абсолютно точно признали широкомасштабность ужасающих событий: «Весной 1881 года погромы вспыхнули в Елизаветграде, Березовке, Киеве, Жмеринке,

Нежине. Особенно крупным и жестоким стал трехдневный погром весной 1881 года в Киеве. Беспорядки начались 26 апреля и продолжались днем и ночью до 28 апреля. Еврейские кварталы были разорены до основания. Пострадало 1700 человек». С другой стороны, обеляя Александра III, О. Барковец и А. Крылов-Толстикевич решили очернить (не имея на то никаких оснований) иудеев: якобы «евреи до 1881 года представляли из себя робкий, запуганный, тихий элемент, но с увеличением процента участников-евреев в политических делах их характер совершенно изменился, и они стали наглы, невежественны, решительны, злобны и смелы в своих предприятиях; по политическим делам и при допросах вели себя назойливо, дерзко и вызывающе; не было предела в их нахальных приемах и поведении, ничем не вызываемых. Еврей, прежде боявшийся всякого оружия, стал вооружаться ножом, кинжалом, и в общем евреи дошли до самообороны, вооружаясь огнестрельным оружием, и стали оказывать вооруженное сопротивление, имея, кроме револьверов, еще особые железные палки, наконечники которых заливались свинцом и представляли смертоносное холодное оружие при нанесении ударов» [2, с. 176—177].

Волков Е. и А. Конюченко, как и большинство исследователей эпохи правления Александра III, не отрицают того, что волна еврейских погромов имела масштабный характер, но решительно отменяют тезис о причастности к ним самого императора и его подчиненных: «Утверждать, что они инспирировались властями, было бы попросту абсурдно. Любое правительство стремится способствовать стабильности в обществе, чтобы сохранить свои позиции. Александр III требовал тщательного расследования обстоятельств произошедшего. Его слова о том, что в душе он радуется, когда бьют евреев, являются, по-видимому, чистейшим вымыслом» [6, с. 298—299].

Самую экстравагантную точку зрения на кровавые эксцессы, возникшие на шовинистической почве на западных и южных окраинах России, высказал автор рецензируемой книги: «Термин "погром" в официальном делопроизводстве в 1880-х годах практически не использовался. Были в ходу более отвечающие истинной природе этих событий обозначения: "еврейские беспорядки", "антиеврейское движение" и т. п. А словом "погром" злоупотребляла ангажированная журналистика, навязанная его собственному сознанию, а вместе с ним — и ложное представление о сути дела.

Ведь слово "погром" в русском языке предполагает четкое разделение между субъектом и объектом агрессивного нападения, между преступником и пострадавшим, тогда как в беспорядках 1881 года наблюдалось взаимное насилие и даже количество человеческих жертв среди русских было много больше, чем среди евреев» (с. 499).

По нашему мнению, этот довод сродни объяснению, которое дал «ревизору» Хлестакову гоголевский городничий: «Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла» [7, с. 77]. И. Е. Дронов тоже уверяет читателей: в 1881—1884 гг. на западных и южных окраинах нашей страны громили не евреев, а русских. А если где-то и поколотили жидов, так в этом они сами и виноваты. И пытается доказать эту ложную, абсурдную мысль рядом отдельных подтасованных иллюстративных примеров, тогда как следовало бы привести общие сводные цифровые показатели...

«3 мая 1881 года в местечке Смела Киевской губернии был подавлен еврейский "погром". Прибывшая воинская команда расстреляла толпу русских, причем двое человек были убиты. Тех же, кто был схвачен на месте столкновения (300 человек), высекли розгами. Эзекции подверглись только русские, а ведь в драках и стачках между евреями и русскими до прибытия войск пострадали одинаково и те, и другие: было убито трое крестьян и трое евреев...

В Нежине во время "еврейских беспорядков" (20—22 июля 1881 года) войска стреляли в русскую толпу. Среди евреев жертв не было...

Наиболее кровавый расстрел произошел в ходе погрома 1883 года в Екатеринославе. Тогда погибло 19 и было ранено 13 человек русских. Среди евреев ни убитых, ни раненых не было. При этом причиной екатеринославского погрома, как докладывал Государю министр внутренних дел Д. А. Толстой, были побои, нанесенные крестьянке торговцем-евреем...

Однако, хотя войска вставали неизменно на сторону евреев, последние и сами выглядели далеко не беззащитными. Так, во время "еврейских беспорядков" в Одессе (3—5 мая 1881 года) среди 500 арестованных их участников оказалось 150 евреев, причем все они были вооружены топорами, железными прутьями, а некоторые даже револьверами...

Вообще человеческие жертвы среди евреев при погромах 1880-х годов, — завершает рассказ И. Е. Дронов, — были редки. Страдало в основном еврейское имущество, на которое,

собственно, и направлялась ярость православного люда, видевшего в нем несправедно нажитое добро, скопленное за счет христианского пота и слез» (с. 499—500).

А как же относился к еврейским погромам сам Александр III? В апреле 1882 года по призыву барона Гинцбурга, информирует нас И. Е. Дронов, в Петербурге собрался конгресс иудейских общин России. От имени этого форума столичный раввин Драбкин выразил желание «сынов Израиля» услышать от самого государя публичное заявление о том, что «антиеврейские погромы будут подавлены, а гражданские права евреев расширены», на что получил недвусмысленный короткий ответ: «Жида сами виноваты в погромах» (с. 508). 10 мая 1883 года, прочитав телеграмму из Ростова-на-Дону, в которой говорилось: «С утра бьют евреев, разбито много домов и лавок; меры принимаются», Александр III написал: «Весьма печально, но этому конца я не предвижу, слишком жида опротивели русским, и пока они будут эксплуатировать христиан, эта ненависть к ним не прекратится». Эта резолюция царя, заключает И. Е. Дронов, «отразила в известном смысле кульминационный момент в развитии его взглядов на еврейский вопрос. В дальнейшем позиция Александра III, становясь более жесткой и непримиримой, не претерпела, однако, скольких-нибудь серьезных изменений в существе своем» (с. 509—510). Ненависть императора к «жидам» базировалась на его глубоком убеждении в том, что они «распяли Христа».

Однако вскоре Александру III пришлось умерить свой открытый антисемитский пыл. Избиение иудеев вызывало международные протесты и наносило экономический ущерб. В 1884 году он написал варшавскому генерал-губернатору Гурко, сообщившему об очередном погроме: «В глубине души я всегда рад, когда бьют евреев; и все-таки не надо допускать этого ни в коем случае, так как от них богатеет земля Русская» [8, с. 174].

Царское правительство вынуждено было изменить тактику борьбы с евреями, отстаивавшими свое право на человеческое существование. Вот как ее охарактеризовал известный общественный деятель и адвокат Г. Б. Слиозберг: «По окончании погромов начался медленный, верно бьющий и разрушающий еврейство, подтачивающий его экономические силы разгром со стороны реакционной правительственной политики путем принятия мер, направленных к понижению уровня еврейской интеллигенции и как бы на одичание евреев» [17, с. 209].

Следуя своему основополагающему лозунгу «Россия для русских и по-русски», Александр III поставил цель — постепенно выжить всех евреев за пределы границ руководимого им государства. И в первую очередь тех, кто имел образование или стремился его получить.

В этом мнении, предполагает И. Е. Дронов, его утвердил князь В. П. Мещерский. В своих личных письмах императору и издаваемой им газете «Гражданин» он настойчиво доказывал, что усиление «евреизма» связано прежде всего с «влиянием либерализма» и что именно «весь еврейский элемент, выпущенный через университеты в русскую интеллигенцию, стал деятельным проповедником всех антимоноархических, антирелигиозных, антипатриотических доктрин». «Не евреи страшны своими грязными массами, — подчеркивал Мещерский, — а страшен еврей-интеллигент, нами из толпы взятый и нами воспитанный и образованный в вечно врага Русского Самодержавия и Русской Церкви» (с. 510).

Царская администрация, чувствуя настроение своего шефа (императора), берет курс на неспешное, но вместе с тем последовательное уменьшение числа евреев, поступающих в высшие учебные заведения. Военный министр Ванновский с высочайшего одобрения издал в 1882 году циркуляр «О приведении в исполнение мер по ограничению наплыва лиц Моисеева закона в военно-медицинскую службу». Это ограничение обосновывалось тем, что евреи якобы недобросовестно исполняют обязанности врачей и фельдшеров. За Ванновским потянулись и другие чиновники. Из Одессы в Петербург в 1883 году отправилась депеша с просьбой о сокращении у них в городе числа евреев в гимназиях и прогимназиях на 15 % от общего числа учеников. Александр III дал на это согласие. Такой курс, по мнению историка Л. Прайсмана, органично вписывался в общую реакционную политику в области образования, одним из главных направлений которой было «желание подчинить учебные планы заведений правительственно-религиозному контролю» [17, с. 212].

В 1887 году царское правительство решило нанести сокрушительный удар по еврейской молодежи, намеревавшейся получить высшее образование: оно установило для нее в институтах и в университетах пятипроцентный барьер. «Но, правда, надо сказать, — сетует И. Е. Дронов, — данная норма соблюдалась плохо» (с. 506). Видимо, либеральная вузовская администрация саботировала реакционные правительственные установки. Так, в 1894 году в

Харьковском университете евреи среди студентов составляли 26 %.

Ну что же делать с проклятыми «жидами»? Этот вопрос дамокловым мечом висел над головой Александра III. Ход рассуждений императора в это напряженное время, как нам кажется, раскрыл И. Е. Дронов. И достаточно удачно: «Император все больше приходил к убеждению, что не следует ломать голову над тем, как переделать русский государственный строй так, чтобы евреям стало хорошо и удобно, а предоставить возможность тем евреям, которым не нравилось жить в государстве, созданном русскими, по-русски и для русских, избрать для жительства любую другую страну земного шара. М. Ферро считает, что такой безжалостный рецепт Александру III подсказал К. П. Победоносцев: «Одна треть евреев должна эмигрировать, одна треть — переменить веру, и одна треть — погибнуть» [19, с. 117—118]. Весьма кстати пришелся и совет, данный императору подольским губернатором: чего-де долго мудрить с интеллигентами-жидами, надо заодно выселить из страны и «еврейский пролетариат». Такой путь выхода из лабиринта этой национальной проблемы царь нашёл очень полезным. И в итоге завершающих «теоретических» размышлений у него сложилась предельно простая схема действий.

«Подлинным актом великодержавного вандализма, — совершенно верно диагностируют очередную ступень шовинизма Александра III историки П. Н. Зырянов, Г. В. Клокова и А. П. Шестопалов, — стало выселение в 1891—1892 гг. из Москвы 20 тысяч евреев по распоряжению великого князя Сергея Александровича, младшего брата императора. Еврейским мастеровым и ремесленникам было запрещено селиться в Москве и Московской губернии. В эти же годы погромы евреев вновь охватили юг России. Александр III говорил, что если «судьба евреев печальна, то она предначертана Евангелием». Антисемитизм российского императора был глубоким и укоренившимся, стал нормой государственной политики, приводившей к погромам и черносотенным провокациям» [8, с. 175—176].

Царское правительство планировало за 25 лет выселить из России 3 250 000 евреев (всего их в стране проживало около 5 000 000). Но грандиозная программа перемещения в Аргентину и другие государства не была выполнена. О чем сожалеет не раз автор книги «Сильный, державный...». Равным образом он реагирует на то, что очищение Москвы от жидов сорвалось в изрядной степени. Это озадачивает,

удивляет, возмущает. Возникают недоуменные вопросы: «Почему И. Е. Дронов рассматривает евреев как врагов нашего Отечества? Может быть, они выполняли задания иностранных разведок? Или являлись вредителями на производстве? Диверсантами? Поджигателями русского народного добра?» Ах, они, уверяет нас И. Е. Дронов, спаивали наших крестьян и рабочих, эксплуатировали их! А русские помещики и фабриканты вели себя по-другому? И с кем бились российские бедняки не на жизнь, а на смерть — с еврейскими кровопийцами или русскими?

Поражает также тот факт, что И. Е. Дронов не обнаружил ни одной положительной черты у представителей еврейской нации. Все они на страницах рецензируемой книги предстают только жуликами, мошенниками, плутократами, живоглотами, обманщиками, барышниками, спекулянтами, ворами, ростовщиками. Мало сказать, что любой член Аврамова племени — это дурное, лживое, отвратительное существо (о чем И. Е. Дронов пишет почти на каждой странице своей монографии). Жида надо бояться больше прокаженного. Любой контакт с ним страшнее смерти. Он может мгновенно сбить с истинного патриотического пути даже того, кто планировал жить только по-русски. А что говорить о более слабых духом? О примере подобного грехопадения, произошедшего под влиянием еврейки-дьяволицы, поведал автор книги «Сильный, державный...».

...С. Ю. Витте. Из семьи голландского происхождения, получившей российское гражданство в 1856 году. Завоевал большой авторитет у Александра III. Министр путей сообщения и министр финансов. Выдающийся государственный деятель. Блестящий дипломат. Инициатор и организатор многих полезных экономических реформ. Никто не сомневался в его преданности интересам России. Пока за изучение его биографии не взялся И. Е. Дронов. И такого накопал!..

Витте летом 1892 года обратился к Александру III с просьбой пособить его «счастью», дав разрешение жениться на замужней женщине, некоей Матильде Ивановне Лисаневич, угрожая в случае отказа немедленной отставкой. По свидетельству одного мемуариста, между ними произошел следующий диалог:

«— Влюблен, Ваше Величество, ни жить, ни работать без нее не могу. Дозвольте жениться!

— По мне, — добродушно ответил Миротворец, — женитесь хоть на козе. Лишь бы дело шло.

— Но ее надо развести.

— Скажите Победоносцеву. И чтобы скорее. Лисаневич развели в три дня» (с. 628).

И вот здесь, кажется, с автором книги «Сильный, державный...» произошло нечто невероятное. В первый раз он подверг критике Александра III — за то, что тот так опрометчиво дал не только согласие на брак С. Ю. Витте с еврейкой М. И. Лисаневич, но и повелел обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву ускорить ее развод. «К несчастью, — вздыхает И. Е. Дронов, — назначая Витте на влиятельнейший государственный пост и давая ему разрешение «жениться хоть на козе», государь не мог предвидеть, что жить ему остается всего два года и что после его смерти юный неопытный наследник (Николай II. — *Авт.*) окажется окутан интригами и комбинациями международных проходимцев» (с. 628).

Но как же так оплошал Александр III? Укрыв императора в излишнем благодушии и недостаточной проницательности, И. Е. Дронов сам провел тщательное расследование преступной деятельности супругов С. Ю. и М. И. Витте. И сделал он это с присущей ему обстоятельностью и безграничной неприязнью к жидам. Ну о Матильде Ивановне давно ходили слухи, что она является авантюристкой, «грязной еврейкой» и «публичной женщиной», ходившей по рукам за 100 рублей. Но как умело скрывал свое звериное нутро Сергей Юльевич! Совсем иным он предстал в досье, составленном И. Е. Дроновым.

С. Ю. Витте. Масон. По мнению израильского историка С. Дудакова, должен считаться евреем как по материнской линии (кн. Долгорукая — дочь петровского вице-канцлера Шафирова), так и по отцовской — его бабка носила фамилию Крамер. «Одесский полужид, беспочвенный интеллигент», — так характеризовал Витте в своем дневнике монархист Л. А. Тихомиров. Капиталы свои Витте хранил в берлинском банке еврея Мендельсона, так что его не беспокоила угроза разорения России» (с. 630).

Благословение на брак, данное Александром III «еврейской паре» (Витте и Лисаневич), совершенно не отразилось, по нашему убеждению, на развитии событий в России. По-другому оценивает этот, как будто бы мелкий эпизод, И. Е. Дронов. «В политике, — солидно и назидательно поучает он, — не бывает мелочей. Малейший просчет, ничтожное упущение правителя подчас влечет гибельные последствия для целых государств и народов. Недаром на смертном одре Александр III, как говорят, предостерегал сына и наследника: «Не уступай ничего,

потому что если дать палец, то они захватят всю руку». Считается, что государь имел в виду либералов. Быть может. А может быть, государю припомнилась недавняя история женитьбы министра финансов Витте, когда он сам неосторожно протянул «палец», ухватившись за который Вражья сила в царствование его сына полонит и затаит в свои сети не только руку, но и всю Россию целиком» (с. 627).

Читая страницы книги «Сильный, державный...», посвященные расследованию и изобличению преступной деятельности супругов Витте, мы периодически с завистью отмечаем, что они написаны рукой способного мастера детективного жанра. Но еще более захватывают дух разделы, повествующие о гибели (!) Александра III: до сих пор о смерти предпоследнего императора научные работники рассказывали в краткой, сухой, протокольной форме. К тому же они по наивности не могли и предположить, что над царем учинили жестокую расправу представители определенной национальности, не желавшие жить по-русски.

Шикман А. склонился к мысли, что Александр III «умер от нефрита, начавшегося то ли от ушибов, полученных при крушении императорского поезда на ст. Борки, то ли из-за умеренного потребления алкоголя» [20, с. 20]. Аналогичную точку зрения высказал В. Озерский: «В могилу его свела давняя болезнь почек — нефрит, осложнившаяся после крушения поезда. Ей он был обязан своим давним пристрастием к спиртному. По воспоминаниям генерала П. А. Черевина, начальника царской охоты, Александр III любил охотиться, рыбачить, играть в карты, «иногда» и выпить» [14, с. 231].

Майорова Е. И. допускает, что, помимо известного увлечения хмельным, жизнь императора сократил еще целый комплекс причин: «Годы с 1892 по 1894-й, как оказалось, последние годы жизни императора, были омрачены не только болезнью почек, но и растущим непониманием между ним и его старым воспитателем Победоносцевым... Несмотря на могучий внешний вид, здоровье императора ухудшалось. Этот великий труженик потерял вкус к работе и власти... Длительная болезнь сына Георгия привела царя в отчаяние...

Александр III не переставал курить папиросы и сигары, как все тучные люди, потреблял много жидкости, участвовал во всех застольях на официальных торжествах, по-прежнему много и допоздна работал. Знавшие его в то время отмечали, что царь пил совсем немного вина, причем это были российские вина, но вынужден

был употреблять шампанское на разного рода семейных праздниках.

В январе 1894 года Александр III тяжело заболел пневмонией и несколько дней находился в критическом состоянии. Последней надеждой императорской фамилии стал переезд в Крым. Прекрасная погода, казалось, подбодрила больного, но ненадолго... 20 октября он скончался в Ливадии» [11, с. 240—249].

Подоплека разрушения здоровья Александра III (по версии Е. Волкова и А. Конюченко) — его беспечное отношение к собственным серьезным хворям и рекомендациям врачей: «В августе 1893 года у царя начались сильные носовые кровотечения, осенью — воспаление горла. В январе 1894 года он заболел гриппом (инфлюэнцей, как называли в то время), его мучили сердечные приступы, тошнота, бессонница. В июле лекари обнаружили нефрит, болезнь почек, отражавшуюся на работе сердца, и посоветовали переменить климат. Но император игнорировал предписания докторов, участвовал в армейских смотрах, проезжая по двенадцать верст верхом. В августе он охотился в своем излюбленном месте, в Беловежской пуще... Болезнь прогрессировала, и император слег. У него начались отеки ног, плохо работало сердце... Вскоре Иоанн Кронштадский причастил умирающего царя» [6, с. 323].

Кончина императора в далеко не преклонном возрасте натолкнула О. Барковец и А. Крылова-Толстикевича на вполне законный вопрос, а не связан ли уход из жизни Александра III на 49 году жизни с ошибками эскулапов. «Смерть еще не успела наложить свою печать на лицо усопшего, как в столице заговорили о том, что царя лечили неправильно. Тотчас отыскивали и главного виновника врачебной ошибки — им стал профессор Захарьин. Как писали тогдашние газеты, началась настоящая вакханалия ложных слухов, инкриминирующих ему погрешности в практике лечения». О. Барковец и А. Крылов-Толстикевич проанализировали историю врачевания императора и сделали (в меру возможностей) взвешенный вывод: «Конечно, если бы в распоряжении докторов были аппараты искусственной почки, мощные антибактериальные и гормональные средства, возможности инфузионной терапии, исход болезни царя мог бы быть иным. Но нельзя не согласиться и с мнением, что в лечении Александра III были допущены определенные просчеты, которые могли усугубить состояние больного» [2, с. 228].

Изучив уровень подготовки врачей, пользовавшихся императора, Н. Коняев пришел к не-

утешительному заключению: «Первые симптомы болезни у Александра III появились весной 1894 года. Царь похудел и стал жаловаться на усталость. К сожалению, лейб-медик Густав Иванович Гирш связал его недомогание с переутомлением и порекомендовал ему отдых и свежий воздух. Но он не только просмотрел тяжелую болезнь почек — нефрит, он еще и предписал то, чем больному категорически нельзя было заниматься — физический труд. Только в сентябре, когда в охотничьем домике в Спаде, в Польше, Александр III снова почувствовал себя нездоровым, из Вены был вызван знаменитый терапевт Эрнст фон Лейден. Он и поставил правильный диагноз — нефрит. По настоянию профессора Лейдена император уехал в Крым. Но уже было поздно» [10, с. 616].

Боханов А. обнаружил, что совет Г. А. Захарьина и Г. А. Гирша направить Александра III на излечение в Беловежскую пущу не дал ожидаемых результатов: «Ему стало плохо». Еще более зловещую окраску имел приезд профессора нескольких австрийских и германских университетов Эрнста Лейдена. Принесли ли пользу его осмотры больного — определенного ответа на этот вопрос медики пока не получили. «Уже потом, — замечает А. Боханов, — выяснилось, что этот врач имел конфиденциальное поручение кайзера Вильгельма II каждый день сообщать о положении дел в Ливадии. Через потайную систему профессор регулярно отправлял агентурные данные в Берлин» [4, с. 457]. Но далее, к нашей искренней досаде, сюжет о шпионских похождениях Э. Лейдена и его последствиях не получил развития. А. Боханов в итоге остановился на простой и сравнительно убедительной версии смерти Александра III: «В январе 1894 года монарх оправился от простуды. Однако обстоятельного обследования не провели, и врачи не разглядели острую форму сердечной недостаточности, что в конце концов свело царя в могилу» [5, с. 88]. А что же сказал на этот счет автор рецензируемой книги, самый большой и ярый поклонник Александра III? Тем более что он единственный из исследователей биографии царя употребил для определения процесса ухода его из жизни слово «гибель».

Разумеется, И. Дронов должен с порога отместить оскорбительный вариант связи кончины императора со злоупотреблением спиртными напитками: «Государь всегда был настолько загружен работой, что ему просто некогда было пить, даже захоти он этого... Так что предаваться пьянству русский самодержец мог бы только в том случае, если бы сбросил с себя бремя от-

ветственности, издав конституцию и передав свои полномочия выборному парламенту. Нужно было быть либералом и запойным пьяницей, чтобы пойти на этот шаг. Александр III не был ни тем, ни другим, и при нем Россия осталась самодержавной» (с. 449).

Император, утверждает автор рецензируемой книги, расстался с жизнью не из-за увлечения алкоголем, не от нарушений режима, не от нежелания лечиться и следить за своим здоровьем, не от сильных ушибов, полученных во время крушения поезда, не от простудной пневмонии: «Толки о том, что в деле кончины государя Александра III не все чисто, серьезно взбудоражили русскую общественность уже осенью 1894 года. Недоумение вызвало прежде всего то, что лечением русского царя ведали в последние месяцы его жизни врачи преимущественно еврейского происхождения. А ведь своей исключительной популярностью государь был обязан именно неуклонному отстаиванию им русских национальных интересов против любых политических и экономических поползновений со стороны инородцев, и в первую очередь евреев, многие из которых относились к Александру III с плохо скрываемой злобой» (с. 609).

Проанализировав воспоминания директора хирургической клиники Харьковского университета профессора В. Ф. Трубе и записки профессора физиологии Киевского университета С. И. Чирьева, И. Е. Дронов пришел к сенсационному детективному открытию: лечащий врач предпоследнего русского императора еврей Захарьин совершил преступление века. Он отравил государя дигиталисом — растительным алкалоидом, употребление которого в значительных дозах ведет к параличу сердечной мышцы (с. 621—622). Ухватившись за эту ниточку и размаывая ее дальше, И. Е. Дронов выявил, что тем самым дигиталисом «банда врачей-убийц» отравила в 30—40-х годах XX века великого пролетарского писателя А. М. Горького и двух верных соратников И. В. Сталина — В. В. Куйбышева и А. А. Жданова. И эту шайку злодеев возглавлял еврей Л. Г. Левин, ученик Г. А. Захарьина (с. 623).

Подведем итоги царствования Александра III и наших размышлений над рецензируемой книгой. Две мечты владели императором (ими и сейчас живет И. Е. Дронов). Первая: построить идеальную самодержавную монархию. О том, в какой степени это удалось сделать, рассказал в своих содержательных воспоминаниях генерал Н. А. Епанчин: «Александр III ясно сознавал, что необходимо дать народу возможность дово-

дить до сведения царя о своих нуждах непосредственно, а не только через чиновников, что привело его к мысли созывать Земские соборы по примеру царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича... Государь собственноручно написал манифест о созыве собора.

Но дело получило иное направление. Когда государь внес проект в особое совещание, то он встретил сильное противодействие, особенно со стороны К. П. Победоносцева, который упорно противился всякому нововведению. В Земском соборе он видел парламент и считал, что это принесет России вред... Благое намерение императора Александра III было отложено. Время шло, каждый день имел свои заботы, и во внутренней политике наступило торжество реакции, бюрократия получила первенствующее значение, а общественное неудовольствие росло. И года за три до кончины Александра III стало ясно, что так дальше идти нельзя. Но богатырские силы его были ослаблены нефритом, и уже не было той силы воли, каковая нужна была для решительной, настойчивой работы в новом духе» [9, с. 162—163].

Вторая немеркнущая мечта Александра III: выселение всех евреев из России. Греза донельзя глупая, бессмысленная, воплощение которой привело к гибели династии Романовых. О такой мрачной перспективе предупреждал царя видный философ и писатель В. С. Соловьев, сын знаменитого историка. Выражая глубокое возмущение юдофобскими материалами, которые публиковала российская печать, он заявил в 1890 году в английской газете «Таймс»: «Движение против еврейства, распространяемое русской прессой, представляет небывалое прежде нарушение самых основных требований справедливости и человеколюбия... Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противное духу христианства, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала в нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное, но и как крайне опасное для будущности России» [18, с. 282].

На угрожающие последствия проведения политики притеснения евреев открыто указал (в присутствии Александра III) 20 апреля 1882 года председатель Комитета министров М. Х. Рейтерн: «Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам, которые суть

те же евреи, только христианского православного вероисповедания, потом очередь дойдет до купцов и помещиков. Одним словом, при подобном бездействии властей можно ожидать в будущем самого ужасного социализма» [17, с. 208].

В годы Гражданской войны была истреблена большая часть детей, внуков, родственников и свойственников Александра III. Застрельщиками расправ над Романовыми стали Ленин, Троцкий, Свердлов, Каменев, Зиновьев (все яв-

лялись евреями по матери или отцу). Как аукнулось — так и откликнулось.

Свою книгу «Сильный, державный...» И. Е. Дронов, видимо, написал после долгого созерцания картин В. Максимова «Все в прошлом» и В. Поленова «Бабушкин сад». Конечно, даже в эпохе крепостного права можно найти эпизоды неизъяснимо прелестной жизни. Только стоит ли мечтать о возвращении России к временам беспросветного рабства и самодержавия?

Литература

1. Балязин В. Тайны дома Романовых / В. Балязин. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. — 447 с.
2. Барковец О. Александр III / О. Барковец, А. Крылов-Толстикевич. — М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003. — 268 с.
3. Боханов А. Великие писатели и моралисты. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой / А. Боханов // История России : в 2 т. — М. : АСТ, Астрель, Ермак, 2003. — Т. 2. — 863 с.
4. Боханов А. Император Александр III / А. Боханов. — М. : Русское слово, 1998. — 506 с.
5. Боханов А. Император Николай II / А. Боханов. — М. : Русское слово, 1998. — 567 с.
6. Волков Е. Русские императоры XIX века / Е. Волков, А. Конюченко. — Челябинск : Аркаим, 2003. — 335 с.
7. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Госполитиздат, 1959. — Т. 4. — 462 с.
8. Зырянов П. Н. История России. 1861—1917 / П. Н. Зырянов, Г. В. Клокова, А. П. Шестопалов. — М. : ТЕРРА, 1996. — 352 с.
9. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания / Н. А. Епанчин. — М. : Наше наследие, 1996. — 576 с.
10. Коняев Н. Подлинная история дома Романовых. Путь к святости / Н. Коняев. — М. : Вече, 2018. — 768 с.
11. Майорова Е. И. Александр III / Е. И. Майорова. — М. : Вече, 2018. — 253 с.
12. Медовичева Т. А. Предисловие / Т. А. Медовичева // Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. — М. : ТЕРРА, 1997. — 280 с.
13. Монахов А. Евреи в России / А. Монахов // История России. От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ. — М. : Аванта, 1997. — 704 с.
14. Озерский В. Правители России. От Рюрика до Путина / В. Озерский. — Ростов Н/Д. : Феникс, 2004. — 352 с.
15. Оман Э. Александр III / Э. Оман // История XX века : в 20 т. — М. : ОГИЗ, 1939. — Т. 7. — 623 с.
16. Отечество. История. Люди, регионы России. Энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, 1999. — 799 с.
17. Прайсман Л. Евреи России в конце 19 — начале 20 в. / Л. Прайсман // История евреев в России. — М. : Федерация еврейских общин в России, 2007. — 728 с.
18. Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. / В. С. Соловьев. — М. : Правда, 1989. — Т. 2. — 735 с.
19. Ферро М. Николай II / М. Ферро. — М. : Международные отношения, 1991. — 352 с.
20. Шикман А. Кто есть кто в российской истории / А. Шикман. — М. : Вагриус, 2003. — 655 с.

ANTI-SEMITIC PASSIONS**Review****on the book of I. E. Dronov****"STRONG, SOVEREIGN. LIFE AND REIGN OF EMPEROR ALEXANDER III"**

(Moscow, 2018. 736 p.)

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

natalygt1956@gmail.com

References

1. Balyazin V. (2006) *Tayny doma Romanovykh* [Secrets of the Romanov House]. Moscow: Olma-Press, 447 p.
2. Barkovets O. (2003) *Aleksandr Tretiy* [Alexander the Third]. Moscow: Ripol Klassic, 268 p.
3. Bokhanov A. (2003) *Velikie pisateli i moralisty* [Great writers and moralists]. Moscow: Yermak, 863 p.
4. Bokhanov A. (1998) *Imperator Akelsandr Tretiy* [Emperor Alexander the Third]. Moscow: Russkoe Slovo, 506 p.
5. Bokhanov A. (1998) *Imperator Nikolai Vtoroy* [Emperor Nicholas the Second]. Moscow: Russkoe Slovo, 567 p.
6. Volkov E. (2003) *Russkie imperatory XIX veka* [Russian emperors of the XIX century]. Chelyabinsk: Arkaim, 335 p.
7. Gogol N. V. (1959) *Sobranie sochinenij v 6 tomakh* [Collected Works in 6 volumes]. Moscow: Gospolitdat, 462 p.
8. Zyryanov P. N. (1996) *Istoriya Rossii. 1861—1917* [Russian history. 1861—1917]. Moscow: TERRA, 352 p.
9. Epanchin N. A. (1996) *Na sluzhbe trekh imperatorov. Vospominaniya* [In the service of three emperors. Memories]. Moscow: Nashe Nasledie, 576 p.
10. Konyaev N. (2018) *Podlinnaya istoriya doma Romanovykh. Put k svyatosti* [The true history of the Romanov dynasty. Path to Holiness]. Moscow: Veche, 768 p.
11. Mayorova E. I. (2018) *Aleksandr III* [Alexander III]. Moscow: Veche, 253 p.
12. Medovicheva T. A. (1997) *Predislovie* [Foreword]. Moscow: Terra, 280 p.
13. Monakhov A. (1997) *Evrei v Rossii* [Jews in Russia]. Moscow: Avanta, 704 p.
14. Ozersky V. (2004) *Praviteli Rossii. Ot Ryurika do Putina* [Rulers of Russia. From Rurik to Putin]. Rostov-on-Don: Phoenix, 352 p.
15. Oman E. (1939) *Aleksandr Tretiy* [Alexander the Third]. Moscow: Ogiz, 623 p.
16. Otechestvo. *Istoriya. Lyudi, region Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar* [Fatherland. Story. People, regions of Russia. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1999, 799 p.
17. Praisman L. (2007) *Evrei Rossii v kontse 19 — nachale 20 v.* [The Jews of Russia in the late 19th — early 20th century]. Moscow: Federation of Jewish Communities in Russia, 728 p.
18. Solovyov V. S. *Sochineniya* [Works: in 2 volumes]. Moscow: Pravda, 735 p.
19. Ferro M. (1991) *Nikolay II* [Nicholas II]. Moscow: International relationships, 352 p.
20. Shikman A. (2003) *Kto est kto v rossiyskoy istorii* [Who is who in Russian history]. Moscow: Vagrius, 655 p.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ, ЮБИЛЕИ

С ЮБИЛЕЕМ, ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ!



12 февраля известному историку, профессору Ульяновского государственного университета, почетному гражданину г. Ульяновска **Дмитрию Степановичу Точеному** исполнилось 80 лет.

Дмитрий Степанович — авторитетный ученый, активный исследователь проблем отечественной политической истории, истории Российского государства, один из основоположников симбирского-ульяновского краеведения, много сил отдавший изучению роли наших земляков в революционном движении.

Точеный Д. С. стоял у истоков создания в Ульяновске классического университета, внес неограниченный вклад в развитие гуманитарной научной базы вуза. В 1988 году был призван сначала организовать, а затем возглавить кафедру истории Отечества.

Дмитрий Степанович осуществляет большую научную работу: является членом диссертационных советов по защите докторских диссертаций, членом Ученого совета УлГУ и Ученого совета факультета гуманитарных наук и социальных технологий УлГУ, проводит научное консультирование ульяновских архивных и музейных учреждений.

Среди учеников Дмитрия Степановича много его последователей. За годы работы в УлГПУ

и УлГУ Дмитрий Степанович подготовил тысячи специалистов, многие из которых преподают историю в школах и вузах, занимают административно-хозяйственные посты в районных и областных учреждениях, осуществляют профессиональную деятельность в статусе кандидатов и докторов наук.

Популяризация в СМИ проблем отечественной истории — особое направление деятельности Дмитрия Степановича. Он выступает на радио и телевидении в рамках программы «Симбирск в лицах». Выступления направлены на формирование среди ульяновской молодежи высоких идеалов патриотизма, гордости за родную край, уважения к российской истории, традициям и опыту своих предков.

Дмитрий Степанович является членом редакционного совета и постоянным автором журнала «Симбирский научный вестник». Обладая энциклопедическими знаниями, свободно владея материалом, в своих статьях он ярко и увлекательно рассказывает об истории Ульяновской области, о знаменитых людях России, малоизвестных фактах истории и культуры страны, излагает свою точку зрения на те или иные исторические события.

*Дмитрий Степанович,
сердечно поздравляем Вас с юбилейной датой!
Надеемся, что наше сотрудничество и впредь
будет столь же плодотворным.
Желаем Вам новых творческих идей и блистательного их воплощения на страницах изданий.
Пусть Ваш профессионализм, неутомимая
энергия, талант и мудрость помогают Вам
реализовать все планы и начинания,
решать самые сложные задачи!
Крепкого здоровья, дальнейших
профессиональных успехов, новых достижений,
счастья и благополучия!
Пусть каждый день Вашей жизни
будет наполнен теплом, светом и радостью!*

Редакция журнала «Симбирский научный вестник»
(статью подготовила Г. И. Петрова)

Литература

1. Точеный Дмитрий Степанович / Ульяновская Городская Дума. — URL: http://ugd.ru/docs/top_citizen/0/13696/4.
2. Жизнь во имя науки. — URL: <https://ulpressa.ru/2015/02/11/zhizn-vo-imya-nauki>.

HAPPY ANNIVERSARY, DMITRIY STEPANOVICH!

References

1. Tocheniy Dmitriy Stepanovich / Ulyanovsk City Duma. URL: http://ugd.ru/docs/top_citizen/0/13696/4.
2. Zhizn vo imya nauki [Life in the name of science]. URL: <https://ulpressa.ru/2015/02/11/zhizn-vo-imya-nauki>.

НАШИ АВТОРЫ

Амосова Оксана Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний; полковник внутренней службы; Amosova.o.s@mail.ru; тел. 8-920-626-04-19.

Андреева Юлия Витальевна — кандидат психологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; yulia.andre@gmail.com; тел. 8-960-375-67-20.

Бабиева Нигина Сафоевна — кандидат психологических наук, доцент; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; n.s.babieva@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Бойкова Ксения Игоревна — аспирант кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; elstinko@mail.ru; тел. 8-902-008-47-53.

Бурмистрова Ирина Александровна — студентка медицинского факультета; Ульяновский государственный университет; burmistrovairina555@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-16.

Гальчин Андрей Викторович — магистрант направления «Экономика» («Экономика и управление медицинской организацией»); Ульяновский государственный университет; ebrezneva@list.ru; тел. 8(8422)37-63-16.

Гусаров Виталий Максимович — студент экологического факультета; Ульяновский государственный университет; vikinginya@yahoo.co.uk; тел. 8(8422)37-24-72.

Денисенко Елизавета Сергеевна — магистрант; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; elizaveta.one@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Добрецов Андрей Валерьевич — концертмейстер высшей категории; ГГБУДО г. Москвы «МГДМШ имени И. О. Дунаевского»; andr-dob@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Егорова Элеонора Валериевна — кандидат филологических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; Eleanor_63@mail.ru; тел. 8-906-390-86-86.

Amosova Oksana Sergeevna — Candidate of Legal Sciences, associate professor; Chair of State-legal Disciplines, Department of Law; Vladimir Law Institute of Federal Service for the Execution of Sentences; colonel of domestic services; Amosova.o.s@mail.ru; tel. 8-920-626-04-19.

Andreeva Yuliya Vitalyevna — Candidate of Psychology, associate professor; Ulyanovsk State University; yulia.andre@gmail.com; tel. 8-960-375-67-20.

Babieva Nigina Safoevna — Candidate of Psychology, associate professor; First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov; n.s.babieva@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Boykova Kseniya Igorevna — post-graduate; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; elstinko@mail.ru; tel. 8-902-008-47-53.

Burmistrova Irina Aleksandrovna — student; Medical Department; Ulyanovsk State University; burmistrovairina555@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-16.

Galchin Andrey Viktorovich — master's degree student, specialty "Economics" ("Economics and medical organization administration"); Ulyanovsk State University; ebrezneva@list.ru; tel. 8(8422)37-63-16.

Gusarov Vitaliy Maksimovich — student, Ecology Department; Ulyanovsk State University; vikinginya@yahoo.co.uk; tel. 8(8422)37-24-72.

Denisenko Elizaveta Sergeevna — master's degree student; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University; elizaveta.one@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Dobretsov Andrey Valeryevich — master-level leader of an orchestra; Moscow City Children's Music School named after I. O. Dunaevskiy; andr-dob@mail.ru; tel. 8-953-981-69-91.

Egorova Eleonora Valerievna — Candidate of Philology, associate professor; Ulyanovsk State University; Eleanor_63@mail.ru; tel. 8-906-390-86-86.

Емельяненко Анна Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; ann_emel@mail.ru; тел. 8-905-036-11-39.

Ефремова Дарья Николаевна — магистрант направления «Социология культуры»; Ульяновский государственный университет; научный сотрудник; Ленинский мемориал (г. Ульяновск); dasa-efremova@mail.ru; тел. 8-906-140-76-75.

Ишкиняева Лилия Камилевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения; Ульяновский государственный университет; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; тел. 8-953-981-69-91.

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент; Ульяновский государственный университет; kente@mail.ru; тел. 8-927-634-21-41.

Кириллова Анастасия Олеговна — магистрант направления подготовки «Психология»; Ульяновский государственный университет; anastaskomel@gmail.com; тел. 8-904-184-57-37.

Костишко Ирина Борисовна — магистрант направления «Экономика» («Экономика и управление медицинской организацией»); Ульяновский государственный университет; irishka.kostishko@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Краева Александра Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии; Ульяновский государственный университет; kraevalex@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Крашенинникова Екатерина Ивановна — ассистент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет; katekrash98@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Крашенинникова Наталья Александровна — кандидат технических наук, доцент, директор Института международных отношений; Ульяновский государственный университет; kna.73@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Кюрегян Ангелина Артушевна — студентка направления подготовки «Международные отношения»; Ульяновский государственный университет; kiuregianaa@stud.ulsu.ru; тел. 8-996-953-18-95.

Лукьянова Евгения Львовна — старший преподаватель; Ульяновский государственный университет; lukyanova.jenya@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Emelyanenkova Anna Valeryevna — Candidate of Psychology; associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; ann_emel@mail.ru; tel. 8-905-036-11-39.

Efremova Darya Nikolaevna — master's degree student, specialty "Sociology of Culture"; Ulyanovsk State University; research scientist; Lenin Memorial (Ulyanovsk); dasa-efremova@mail.ru; tel. 8-906-140-76-75.

Ishkinyayeva Lilia Kamilevna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of Journalism, Philology, Document Science and Library Studies; Ulyanovsk State University; liya.ishkinyayeva.73@mail.ru; tel. 8-953-981-69-91.

Kalenik Elena Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Ulyanovsk State University; kente@mail.ru; tel. 8-927-634-21-41.

Kirillova Anastasiya Olegovna — master's degree student, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; anastaskomel@gmail.com; tel. 8-904-184-57-37.

Kostishko Irina Borisovna — master's degree student, specialty "Economics" ("Economics and medical organization administration"); Ulyanovsk State University; irishka.kostishko@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Kraeva Aleksandra Gennadievna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy; Ulyanovsk State University; kraevalex@list.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Krasheninnikova Ekaterina Ivanovna — teaching assistant; Chair of English Language for Professional Activities; Ulyanovsk State University; katekrash98@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Krasheninnikova Natalya Aleksandrovna — Candidate of Technical Sciences, associate professor, Director of the Institute of International Relations; Ulyanovsk State University; kna.73@mail.ru; тел. 8-903-339-98-88.

Kyuregyan Angelina Artushevna — student, specialty "International relations"; Ulyanovsk State University; kiuregianaa@stud.ulsu.ru; тел. 8-996-953-18-95.

Lukyanova Evgeniya Lvovna — senior teacher; Ulyanovsk State University; lukyanova.jenya@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Миронова Наталья Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотковедения; Ульяновский государственный университет; mirnatval@mail.ru; тел. 8-903-336-46-60.

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; 7151mid@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — кандидат педагогических наук; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Окутина Наталья Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета; Ульяновский государственный университет; ocutina@mail.ru; тел. 8-902-217-62-10.

Петрова Гюзал Исхаковна — ведущий редактор Издательского центра; Ульяновский государственный университет; rio4@bk.ru; тел. 8(8422)67-50-30.

Платонова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Ульяновский государственный университет; vikinginya@yahoo.co.uk; тел. 8-927-804-81-53.

Пондякова Екатерина Александровна — магистрант направления «Социология» («Социология культуры»); Ульяновский государственный университет; Katrina_82@mail.ru; тел. 8-905-349-21-29.

Пустынникова Екатерина Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства; Ульяновский государственный университет; ebrezneva@list.ru; тел. 8-905-035-79-50.

Селиванова Анна Сергеевна — магистрант; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; ansel19@yandex.ru; тел. 8-953-707-32-25.

Ткачев Виталий Викторович — аспирант кафедры «Истории России»; Иркутский государственный университет; vitaliy.tkachev.96@mail.ru; тел. 8-964-75-22-016.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Public Relations, Advertising and Cultural Science; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; tel. 8-908-470-74-76.

Mironova Natalya Valentinovna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of Journalism, Document Science and Library Studies; Ulyanovsk State University; mirnatval@mail.ru; tel. 8-903-336-46-60.

Mitin Sergey Nikolaevich — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; tel. 8-927-803-19-64.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; 7151mid@gmail.com; tel. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — Candidate of Education; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; tel. 8-927-809-83-49.

Okutina Natalya Nikolaevna — Candidate of Legal Sciences, associate professor; Chair of Criminal Law; Law Department; Ulyanovsk State University; ocutina@mail.ru; tel. 8-902-217-62-10.

Petrova Gyuzal Iskhakovna — leading editor of Publishing Center; Ulyanovsk State University; rio4@bk.ru; tel. 8(8422)67-50-30.

Platonova Elena Vladimirovna — Candidate of Philology, associate professor; Chair of English Language for Professional Activities; Ulyanovsk State University; vikinginya@yahoo.co.uk; tel. 8-927-804-81-53.

Pondyakova Ekaterina Aleksandrovna — master's degree student, specialty "Sociology" ("Sociology of Culture"); Ulyanovsk State University; Katrina_82@mail.ru; tel. 8-905-349-21-29.

Pustynnikova Ekaterina Vasilyevna — Doctor of Economics, professor; Chair of Economics and Business Studies; Ulyanovsk State University; ebrezneva@list.ru; tel. 8-905-035-79-50.

Selivanova Anna Sergeevna — master's degree student; I. M. Sechenov First Moscow State Medical University; ansel19@yandex.ru; tel. 8-953-707-32-25.

Tkachev Vitaliy Viktorovich — postgraduate; Chair of "History of Russia"; Irkutsk State University; vitaliy.tkachev.96@mail.ru; tel. 8-964-75-22-016.

Точеный Михаил Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; УВАУГА; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-26-811.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; natalytg1956@gmail.com; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Ускова Софья Вадимовна — студентка; Ульяновский государственный университет; suskova00@mail.ru; тел. 8-902-214-70-64.

Ходжаян Елена Гукасовна — старший преподаватель кафедры журналистики, филологии, документоведения и библиотекovedения; Ульяновский государственный университет; elxo@yandex.ru; тел. 8-906-144-52-75.

Червов Евгений Денисович — студент факультета последипломного медицинского и фармацевтического образования; Ульяновский государственный университет; vikinginya@yahoo.co.uk; тел. 8(8422)37-24-72.

Чертущкина Татьяна Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений; Ульяновский государственный университет; ta-chertushkina@yandex.ru; тел. 8-908-482-88-79.

Шумская Анастасия Евгеньевна — магистр; Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова; hishappiness596@gmail.com; тел. 8(8422)37-24-72.

Tocheniy Mikhail Dmitrievich — Candidate of Law, associate professor; Chair of Humanities and Social Disciplines; Ulyanovsk Higher Civil Aviation School; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-26-811.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; natalytg1956@gmail.com; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Uskova Sofya Vadimovna — student; Ulyanovsk State University; suskova00@mail.ru; tel. 8-902-214-70-64.

Khodzhayan Elena Gukasovna — Senior teacher, Chair of Journalism, Philology, Document and Library Science; Ulyanovsk State University; elxo@yandex.ru; tel. 8-906-144-52-75.

Chervov Evgeniy Denisovich — student; Postgraduate Medical and Pharmaceutic Education Division; Ulyanovsk State University; vikinginya@yahoo.co.uk; tel. 8(8422)37-24-72.

Chertushkina Tatjana Aleksandrovna — Candidate of Pedagogics, associate professor; Chair of National History, Regional Studies and Foreign Relations; Ulyanovsk State University; ta-chertushkina@yandex.ru; tel. 8-908-482-88-79.

Shumskaya Anastasiya Evgenyevna — magister; I. M. Sechenov First Moscow State Medical University; hishappiness596@gmail.com; tel. 8(8422)37-24-72.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.



ISSN 2224-1620

